

8

Покончено с трудом и пониманием

Не просто печально, а прямо-таки шокирует: люди перестают покупать апельсины, потому что им надоело их чистить¹⁷⁵. Когда я прочел в газетах эту новость, я назло принялся закупать апельсины килограммами и ем их с наслаждением. Теперь я чищу апельсин медленно, вдумчиво, чувственно, а главное – с вызовом. Это мой ответ веку, который желает вести войны без жертв, иметь государственное обеспечение без налогов, права без обязанностей, славу без усилий, секс без отношений, беговые кроссовки без бега, дипломную работу без работы и сладкий виноград без косточек.

А наша любимая одежка? Футболки, спортивные штаны, толстовки – легко надеть, легко снять, не стесняют движений, не требуют особого ухода. Галстуки, само собой, вышли из моды. Кому хватит сил и терпения повязывать галстук, если к тому не принуждает дресс-код? Да я и сам уже забыл, как делается виндзорский узел.

На интеллектуальном уровне дело зашло еще дальше. Пал последний бастион, сдалась даже Франция. Министр финансов той самой страны, что подарила миру изречение «Я мыслю, следовательно, существую», обратился к Национальному собранию с такими словами: «Франция – страна, которая мыслит. Едва ли существует идеология, которую мы бы не превратили в теорию. Книг в наших библиотеках довольно для обсуждения в грядущих столетиях. Вот почему я хочу сказать вам: хватит уже думать!»¹⁷⁶ А начальник сего министра, пре-

зидент, с гордостью заявил тележурналисту: «Я не теоретик. О, нет, я не интеллектуал. Я – человек конкретный». В доказательство своих слов он позирует в темных очках рядом с вечно юной моделью-певицей, на которую променял первую жену.

Президент лишь соответствует требованиям времени: мировые проблемы становятся все сложнее, и руководители крупнейших стран мира вынуждены делать на публике вид, будто работа дается им вовсе без труда. Интересно, что зачастую они и не притворяются. Рональд Рейган действительно берег себя от малейшего усилия. Современному политику столь же важно быть «ненапряжным», как иметь густую шевелюру. (Как давно мы видели на ключевом посту хоть одного лысого? Берлускони выиграл повторные выборы лишь после пересадки волос.)

Сложности не приветствуются, ибо они противоречат философии прирожденного права, разочаровывают, ограничивают нашу гибкость и подвижность, вынуждают медлить с удовлетворением желаний, отвлекают от отвлечений, требуют ответственности, преданности, внимания, размышления!

Знаете, как называется очередная интеллектуальная книга, переведенная с французского на английский? Думаете, новое неудобоваримое постмодернистское сочинение? Куда там! «Как говорить о книгах, которые вы не читали» университетского преподавателя французской литературы Пьера Байяра – он бахвалится, что рассказывает студентам о книгах, к которым даже не прикасался!¹⁷⁷

Авантюристов от культуры всегда хватало, но предерзостно кичиться своим невежеством – что-то новенькое: это знак, сколь решительно общество отвергает труд понимания. Да и открытой враждебности к интеллекту прежде не наблюдалось. Разум теперь – от лукавого, и только дураков позволительно причислять к лицу святых. Религия одержала одну из величайших побед, когда представила разум заносчивым и наглым: Люцифер слишком умничал и задавался. В современной – точнее, постмодернистской – версии данной идеи ум элитарен и угнетающее занудлив. Но ведь только мысль – умение видеть себя в истинном свете, свои жалкость, уродство, страх, и видеть мир как он есть, в его объективном изобилии и многооб-

разии, а не парком развлечений нам на потеху, – только такая мысль ведет к смирению и свободе.

И не встречал я святых дураков и даже таких, которые, по словам Уильяма Блейка достигли бы мудрости, упорствуя в своей глупости. Не читал и мудреца, которому дураки были бы по душе. Ветхозаветные пророки то и дело обрушают гневные проповеди на глупцов, от них не отстает ни милосердный Христос, ни сдержанный Будда («Да будет всегда счастлив тот, кто не видит глупцов»¹⁷⁸). Мыслители XVII века высказывались и похлеще, но я все равно предпочитаю Екклесиаста: «...смех глупых то же, что треск тернового хвороста под котлом»¹⁷⁹.

Рациональная мысль давно дискредитирована, и Фрэнсис Уин в книге «Как мумбо-юмбо покорило мир» составил каталог многочисленных чудовищ, порожденных сном разума. Неужели Уин ничего не преувеличивает, и правительство Соединенного Королевства действительно заплатило консультанту по фэн-шую Ренуке Викмаратне за совет по благоустройству городских парков и получило за свои деньги нижеследующую инструкцию: «Красные и оранжевые цветы снизят преступность, а фонтаны утолят бедность. Сия древняя мудрость известна мне с детства»? Неужели правду говорит помощник президента, «практически все существенные решения Рональда Рейгана», включая договор о сокращении количества ядерных ракет ближнего радиуса действия, получали предварительное одобрение астролога из Сан-Франциско по имени Джоан Квигли, и этот же астролог составил гороскоп и описание характера Михаила Горбачева? И 48 процентов американцев верят в НЛО, 27 процентов убеждены, будто инопланетяне уже побывали на Земле, а два процента (т. е. 3,7 миллиона человек) считают себя жертвами инопланетных похитителей¹⁸⁰? Откуда эта бессмыслица, эта глупая доверчивость? Как всегда, срабатывает множество факторов: они пересекаются, взаимодействуют друг с другом – и в высокой, и в низовой культуре. Тут и поощряемый постмодернизмом релятивизм в познании: не только логика отвергнута, но сама истина, объективность, смысл, реальность и факт; далее, век притязаний отказывается от скучной учебы (хотя не перестает претендовать на дипломы);

презентация ценится выше объяснений, образ взял верх над содержанием; наука – холодная, отстраненная, высокомерная, подавляющая, бесчеловечная – вызывает всеобщую ненависть, и на смену разумным суждениям приходят эмоции – такие теплые, человечные, простые, позитивные, раскрепощающие.

Кое в чем виноваты и сами мыслители, в особенности Ницше и Сартр. Яростные нападки Ницше на мораль заронили в обществе семена релятивизма, а ненависть Сартра к философским системам побудила его отказаться и от самой логики, помогавшей их выстроить: он объявил логику «железной клеткой». Ну да, если дом обрушился, давайте никогда больше не будем пользоваться строительными инструментами. И ведь этот призыв с энтузиазмом был подхвачен постмодернизмом, подхвачен и усилен: отныне разум использовали для ниспровержения разума. Все тот же жаждущий всеобщего внимания вандализм – так, рок-музыканты разбивали свои инструменты об сцену.

Устранили разум, и рухнуло все. Истина сделалась относительной, поскольку у каждого истина своя и все они равнозначны. Историки уже высказались в том духе, что каждый имеет право на собственную версию событий, а литературные критики объявили: «текст» истолковывается так, как будет угодно читателю. Главное преимущество такого подхода – он избавляет нас от лишнего труда устанавливать истину и смысл.

Наука с ее критерием объективной истины высмеивается; разумная мысль о влиянии культурной среды на современную ей науку доведена до крайности: наука отныне – всего лишь одна из выдумок среди множества нисколько не худших. Современная физика довольно сложна и загадочна – прекрасно, значит, можно допустить любую фантазию. Раз наука бывает порой чудаковата, примем любое чудачество за науку.

Науку винят в том, что она лишила наш внутренний мир очарования, а природный мир разрушила. Плевать, что учёные воспринимают свои открытия как чудо, что именно учёные первыми забили тревогу, указывая на грозящие планете опасности, и теперь пытаются всех спасти. Но приз за самую изобретательную критику науки я бы присудил философу

Джону Грею, который утверждает, будто наука вообще не имеет ничего общего с разумом: «Наука зародилась не в интеллектуальном вопрошании, но в вере, магии и фокусничестве. Современная наука берет верх над своими оппонентами не благодаря более развитой логике, но потому, что ее основатели на исходе Средневековья и в начале Нового времени оказались искуснее прочих в риторике и в политическом искусстве»¹⁸¹. И еще: «Философы изображают науку сугубо рациональной, однако из ее истории мы знаем, что ученые сами попирают научные методы. Не только истоки науки, но и ее прогресс связаны с действиями против логики»¹⁸². По-видимому, с точки зрения Грея, опровергнуть господствующую теорию – а открытия и правда часто делаются вопреки догме – значит «действовать вопреки логике», хотя, казалось бы, это и есть высшее торжество разума. Спасибо хоть за то, что изредка Грэй находит слова благодарности для замшелой магии и фокусничества: «Конечно, анестезия у дантиста – безусловный дар прогресса, как и чистая вода, и сливной бачок»¹⁸³.

С высот современной культуры над наукой смеются, «снизу» ее тоже подъедают: никому не нужны сложности, никому не охота биться за более глубокое понимание, так что число желающих заниматься именно наукой сокращается год от года. Станешь решать задачки по высшей математике, если можно получить диплом по серфингу и работе на пляже! Несколько лет тому назад на университетском собрании обсуждались новые курсы, которые могли бы привлечь (т. е. не отпугнуть) современную молодежь, и я шутки ради предложил семинар по пицце – междисциплинарный – и, безусловно, академический курс (с дипломом, разумеется), в рамках которого студенты освоили бы историю пиццы и выучили бы по меньшей мере две дюжины итальянских слов. Но жизнь, как обычно, опередила меня – McDonald's уже готовит собственных научных специалистов. Шуточку насчет диплома по пицце с легкостью превзошла реальность – дипломы по гамбургерам.

Этот поворот от трудностей в обучении осуществлялся постепенно на протяжении ряда десятилетий. Я рос в католической Ирландии, и основной проблемой образования мне

казалась манера преподавателей – заносчивых, снобистских и мало что смысливших в культуре – набрасываться на учеников с оскорблениеми и побоями. Это было омерзительно, явный признак того, что Ирландия до середины 1960-х так и не вышла из XIX века. В подобной среде я не мог бы стать учителем, но когда в начале 1970-х я переехал преподавать в Лондон, английская система образования тут же ошеломила меня противоположной крайностью. О нет, здесь учеников не оскорбляли и не били – им льстили и потакали. На то имелись разумные и достойные резоны: вовлечь в образовательный процесс тех, кто прежде оставался на обочине, компенсировать семейные и социальные проблемы, подарить отчаявшимся надежду, свободу действий беспомощным. И разве это не принесло успеха? Чтобы обсудить все последствия новой политики, понадобилась бы отдельная книга, но, признавая успехи, не забудем и о цене. Главная плата – коллапс авторитета. Ученикам не нравится, когда их оскорбляют и бьют, но они не могут уважать того, кто перед ними заискивает. Фундаментальная аксиома преподавания – любую ценную мысль можно доступно объяснить. Но выражать сложные идеи просто – уже затруднительно. Куда легче банально избегать трудностей в целом. Еще одна аксиома: преподаватель должен вдохновить учеников на активное, а не пассивное восприятие знаний. Но когда преподаватель вынужден все время уговаривать детей проявлять инициативу и работать самостоятельно, в итоге он так устает, что просто диктует им, что делать, а то и вовсе делает это за них. Все больше и больше оценок ставят за самостоятельные работы, которые по несколько раз предъявляются учителю, согласовываются с ним: преподаватель исправляет ошибки и дает подробнейшие инструкции о дальнейших шагах. Третья аксиома: чтобы понять, нужно слушать объяснения, но даже для того, чтобы заставить класс замолчать, приходится вести изнурительную борьбу – так пусть себе болтают, как привыкли. Преподавание подразумевает подтягивание учеников до уровня учителя, однако поднимать мертвый вес непосильно, а потому гораздо легче самому педагогу опуститься до уровня учеников. В результате стандарты обучения неуклонно снижа-

ются (разумеется, никто из профессионалов, причастных к педагогике, в этом не сознается).

Все свои милые привычки ученики приносят с собой в университет, а тут – о ужас! – от них требуют слушать в молчании, а профессора еще и отказываются читать «черновой вариант» работы («просто, чтобы убедиться, профессор, что я двигаюсь в правильном направлении»). Радикально изменилось представление о понимании. Прежде, если студенты не улавливали мысль преподавателя, они просили повторить, потому было время, когда ученики с негодованием обрушивались на «плохие» объяснения. А теперь на наших глазах происходит дальнейший сдвиг: многих студентов уже вовсе не беспокоит, поняли они чего-то или нет. Они мягко, толерантно посмеиваются над абсурдностью всего образовательного процесса, удостаиваются улыбкой снисхождения своих старомодных, ничего не смыслящих в жизни учителей. И тут тоже все перевернулось с ног на голову: когда-то учителя покровительственно относились к ученикам – теперь ученики похлопывают нас по плечу.

Я даже не берусь утверждать, что от усилий и понимания отказались – они просто вымерли, исчезли как вид. Основа основ, сама идея, что в каждой области знания есть некая базовая теория, которую нужно осмыслить, чтобы охватить этот предмет, теперь перестала существовать. Понимание сделалось чисто инструментальным: достаточно научиться применять некую технологию – не надо знать, как она работает.

Животное по имени человек, давно уже утратившее связь с природой, нынче теряет связь и с механизмами. Когда-то люди снимали задние стенки телевизоров, открывали капоты машин и понимали, что нужно сделать для починки (себя я к этому поколению не причисляю, у меня голова кружится при одном взгляде на внутренности механизма), но теперь гаджеты производятся с расчетом на скорый износ, да и сама идея ремонта поизносилась. Никто уже не понимает, как работают окружающие его приборы, если что-то сломалось, проще выбросить и купить новую модель. С развитием коммуникаций большинство машин делаются невидимыми, они существуют где-то в эфире, в виртуальном пространстве, незримые и непо-

стижимые, как разум Бога. Нам остается лишь экран, интерфейс. Образ восторжествовал над содержанием, презентация – над пониманием, описание – над анализом.

Многие годы я руководил научными исследованиями аспирантов, большинство из которых были люди взрослые, работающие по профессии. От них требовалось выявить конкретную проблему в бизнесе, проанализировать ее и предложить решение. И вот мне все чаще вместо анализа и решения приносили описание. Как в сценах допроса, когда пытаются вытрясти что-то из врага («Где это? Где? Где?»), я повторял словно мантру: «Анализ, анализ, анализ», грозил, что иначе защита магистерской диссертации провалится (увы, это неправда). Мои студенты, надуввшись, уходили, а через пару недель возвращались (светясь от гордости, что им удалось, наконец, выполнить требования этого безумца) и вручали мне еще тридцать страниц... описания. Замечательное описание, с прекрасно подобранными иллюстрациями, копипастить нынче все научились, но это опять-таки одни только образы, без содержания.

Все принимается по номинальной стоимости, глубже поверхности никто не заглядывает. Само понятие глубины исчезло вместе с представлениями о труде и понимании. Нет больше глубины, сплошная поверхность, нет сложных устройств, повсюду приятный для глаз интерфейс. Как все изумляются, узнав, что приветливый сосед или приятный коллега оказался террористом, серийным убийцей. «Он же всегда был таким вежливым, веселым... здоровался, улыбался». И когда энергичный соискатель должности прямо на собеседовании оборачивается чудовищем некомпетентности, зависти и злобы, когда влюбленный романтик, осыпавший девушку букетами, конфетами и плюшевыми игрушками, показывает свое истинное лицо – лицо насилиника, – все опять за свое: «Надо же, а был такой милый!»

А когда эти легковерные люди сталкиваются с трудностями в работе или в отношениях, им недостает проницательности, понимания и предвидения, и единственная их возможная реакция – ярость и шок. У них нет внутренней «глубины», нет и умения рассмотреть проблему в контексте и перспективе, не-

откуда черпать силы и уверенность в себе. Им не на что опереться, и остается лишь впасть в депрессию.

Какая власть ныне дана образам, я вполне осознал, побывав на презентации правительственного проекта «Образы». В ту пору конфликт в Северной Ирландии достиг кровавой кульминации, а проектставил себе задачу не понять источник конфликта или как-то решать проблемы, но противодействовать им, показывая все хорошее, что бывает в мирной жизни провинции: вот рыбак с огромным угрем в руках, вот бородатые музыканты из фольклорного ансамбля самозабвенно пилят на скрипках, горшечники с важным видом уминают глину на гончарном кругу. Все, имеющие отношения к культуре и средствам массовой информации, были приглашены на презентацию: от нас ожидалось, что мы поспособствуем распространению «позитивного имиджа». Мы и пришли угоститься выпивкой и канапе. Вдруг по толпе прошла дрожь – явился министр Северной Ирландии. Политик? Невелика птица; мы вернулись к угощению. Но спустя минут десять по толпе прошла уже не дрожь – цунами. Все обернулись и позабыли о канапе: это был диктор... *ведущий вечерних новостей на канале Ten!* Официальные лица ринулись к нему с выражениями благодарности, что-то бормотали о чести, которой он удостоил столь незначительное мероприятие. И тут я понял: *человек, читающий новости в эфире, важней тех, кто их делает!*

На той же презентации я узнал, как делается имидж. Я подошел к писателю-фантасту Бобу Шоу, просто потому, что только его и узнал на этом собрании, да и выглядел он довольно унылым. Я подумал, ему будет приятно узнать, что я читал одну из его книг, но не тут-то было. Односложно бурча и угукая, он тревожно поглядывал на соседние группки людей, а больше всего его заинтересовал фотограф, который приблизился к нам, окинул взглядом и двинулся дальше.

Я рассмеялся:

– Мы недостаточно знамениты.

Ответной улыбки я не дождался. Боб ринулся вслед за фотографом, ухватил его за локоть:

– Стойте, я – Боб Шоу, всемирно известный писатель-фантаст.

Не засмеялся и фотограф! Чуть ли не извиняясь, он обернулся к знаменитости и нацелил камеру. Боб уже встал в позу, но тут с отвращением вспомнил обо мне – подобное ничтожество будет запечатлено рядом со всемирно известным фантастом! Одарив меня очередным «угу», Боб подошел к группе приличных людей по соседству и, бросив на меня торжествующе-презрительный взгляд, замер перед камерой в ожидании преобразующей вспышки.

Преобразующая мощь славы ощущается и в том повальном, постыдном отказе от здравого смысла ради захлестывающих эмоций, который на нашей памяти овладел всеми после гибели принцессы Дианы. Женщина вполне заурядной внешности – не будь она знаменитой, ее бы не замечали на улице – вдруг превратилась в прекраснейшую со времен Елены Троянской; она наслаждалась жизнью в роскоши, во всем себе потакала, но ее оплакивали, словно забитую жертву; она оставила мужа ради богатого мальчишки-плейбоя, но ей поклонялись как святой вроде Терезы Авильской. И всякого, кто пытался выразить хоть каплю удивления, считали бездушным циником. Вся страна, весь западный мир дружно сходили с ума. Даже моя жена, вполне рациональный скептик, на гребне эмоциональной волны унеслась к цветочной горе перед Кенсингтонским дворцом. И она тоже отказывалась обсуждать эту утрату в более широкой перспективе. В нашей семейной жизни то был один из самых сложных моментов. Спасибо и на том, что в данном случае сама эмоция, скорбь, не причиняла вреда, но ведь точно так же разумные доводы потонут в более опасных чувствах – панике, истерии, ненависти.

Большинство опасных эмоций происходят из страха, а гедонистическая культура, сосредоточенная на получении удовольствия и избегании трудностей и боли, заведомо полна страхов. Жители развитых государств достигли максимума по части безопасности и здоровья, но никогда еще не тревожились так и не жаловались столько на здоровье. Нас пугают воздух, которым мы дышим, пища, которую едим, и вода,

которую пьем, человек, улыбнувшийся нашему ребенку, уличка, на которую пришлось свернуть, общественный транспорт, в котором мы едем на работу, и здание, в котором работаем – оно может быть «токсично», «заражено». Угроза незрима и потому особенно страшна.

Моя инвектива не направлена против эмоций. Без эмоций не будет счастья, сострадания, любви. Без эмоций, как мы уже говорили, невозможно даже рациональное принятие решений. Но эмоции нужно уравновешивать разумом, отрицательные же эмоции настолько сильнее позитивных, что требуется постоянное усилие понимания, дабы их сдержать.

Не эмоции противостоят разуму, а бездумность. Может показаться, что отказ от мысли – дело безобидное, но Ханна Арендт, присутствовавшая в Иерусалиме на процессе нацистского преступника Адольфа Эйхмана, была потрясена внезапным открытием. Она пыталась постичь мотивы, которыми руководствовался этот человек, и сперва представляла себе зло в виде реальной демонической силы, искала его истоки в первородном грехе или даже в самостоятельном начале, как у манихеев. Затем пришло откровение: основным свойством в характере Эйхмана была не дурная мотивация и не идеология, а *бездумность*. В израильском суде, как прежде в Германии, он цеплялся все за те же расхожие, клишированные фразы, которые укрывают от реальности и избавляют от необходимости думать. И Ханна Арендт задает ключевой вопрос: «Возможно ли, чтобы деятельность разума как таковая, привычка исследовать все, что задевает внимание, независимо от конкретного содержания и результатов анализа, принадлежала к фактограм, которые помогают людям воздерживаться от злодеяний и даже от того, чтобы вновь создавать подходящие “условия” для них?»¹⁸⁴

Привычка думать может отделить добро от зла! От нее, от деятельной мысли, зависит порой выбор между жизнью и смертью. Примо Леви, спасшийся узник концлагеря, писал, что у выживших было нечто общее: интеллектуальная любознательность¹⁸⁵. Для активного разума даже запредельные страдания в лагере становились объектом изучения, а попытка по-

стичь события придавала жизни столь необходимое ощущение смысла. Обыватели, у которых не было ничего, кроме статуса и имущества, не имели таких жизненных ресурсов и погибали первыми. Как говорится, любопытство погубило кошку – но многим людям оно спасло жизнь.

Опыт Леви – лишь один из многих примеров, показывающих, как понимание не только смягчает трудности, но даже *извлекает из них пользу*. Такого рода советы давали уже стоики и экзистенциалисты. Если удастся отделаться от жалости к себе, гнева и рассыпаемых во все стороны обвинений, можно попытаться обратить в преимущество любое злоключение. Для того, кто готов учиться, боль – лучший наставник.

Ханна Арендт говорит о «привычке исследовать все», «независимо от конкретного содержания», т. е. об умственной активности как таковой. Обычно мы понимаем под мыслью определенную направленность, устремление к конкретной цели: установить истину, принять решение, выбрать один из вариантов. «Привычка исследовать» – это самая приятная форма мышления, но направленная мысль, в которой мы так часто нуждаемся,дается с большим трудом, а в последнее время становится для многих непосильной. Как установить истину в культуре гносеологического релятивизма, без опоры на богословие или традицию? Как принимать жизненно важные решения в культуре, отказавшейся от ограничений и предоставившей нам чуть ли не безграничную свободу? Как выбрать, когда вариантов так много и набор их все время меняется и растет? Уже Сартр, настаивавший на необходимости выбора, признавал, что процесс мучителен. За независимость мы платим муками выбора.

Психолог Барри Шварц изучал проблемы выбора и пришел к суровым выводам: мы все воображаем, будто ценим выбор, и требуем, чтобы нам предоставили широчайшую в нем свободу, однако чем шире выбор, тем мучительнее процесс и тем меньше надежда получить в итоге удовлетворение. Мы безумно устаем, сравнивая выгодные предложения, акции и скидки, нас преследуют призраки упущеных возможностей. Порой мы запутываемся до такой степени, что уже вовсе не хо-

тим выбирать – обычная участь посетителя (не завсегдатая) ресторана, который с восторгом читает первую страницу меню, с любопытством – вторую, не без интереса – третью, но к десятой странице приходит в такое замешательство, что уже и есть не хочет. Мы стараемся подстраховаться и получить гарантии, что от выбора можно будет отказаться, но на самом деле клиенты очень редко отказываются от своего выбора и почти всегда «обратимый» выбор приносит меньшее удовлетворение, нежели окончательный¹⁸⁶. Так подтверждается мнение Сартра: для нашего счастья необходимы границы, нам нужен окончательный выбор, который вынудит нас идти до конца.

Но времена смягчились (до размягчения мозгов), и появилась новая теория. Когда-то считалось, что решения принимаются рационально. Затем было доказано, что в процессе принятия решения участвуют эмоции. Ныне прежняя теория превратилась в свою противоположность, и книги вроде «Чувствовать нутром» и «Решить в одно мгновение» предлагают нам перейти к интуитивному выбору. Это вполне в духе времени, вознавидевшего трудности, в том числе интеллектуальные, но ведь и сама интуиция – продукт мышления. Жесткий аналитик сможет лучше прочих судить «интуитивно», даже если не сумеет объяснить свою интуицию. А разговоры о «нутре» способствуют размытию границы между интуицией, на которую можно положиться, и порывом, как правило ложным. Все-таки даже последнее исследование «мгновенных решений» подтвердило, что они пока что уступают в надежности рациональным¹⁸⁷.

Единственный способ избавиться от тягот интеллектуальной деятельности – передоверить все высшему авторитету. Вот почему так привлекателен фундаментализм, снимающий с наших плеч бремя свободы, избавляющий от труда искать истину и смысл, от травмы жизненного выбора, от тревог и сомнений. Самое удовлетворительное и умиротворяющее решение всех проблем – Бог.

Сосредоточенная мысль требует тяжелой работы, но есть и более приятная форма мысли, «привычка думать», о которой говорила Ханна Арендт. Если нет специальной цели и задачи,

нет необходимости срочно прийти к какому-то выводу, тогда процесс размышления превращается в самоцель и отсутствие готового решения становится уже не мучительным, но, напротив, желанным и приятным. Чжуан-цзы, даосист IV века до н. э., говорил: «Мудрец существует в ярком свете сомнения и смятения»¹⁸⁸.

Даже ученых занимает не только абсолютная истина. Недавно я смотрел телевизионную передачу о силе всемирного тяготения, в ней фигурировал ученый, который в поисках неуловимой частицы гравитон восемь лет только тем и занимался, что на огромной скорости сталкивал образцы материи в многокилометровом туннеле, разбивал их, чтобы извлечь эту самую частицу. Но поиски не дали результата, и в конце концов физик усомнился как в существовании гравитона, так и в теории, которой руководствовался. Что же, он пришел в отчаяние оттого, что потратил столько времени и сил, столько денег на строительство туннеля в болотистых землях Луизианы? Да ничуть. Сияя от радости, он только что не хихикал: «Больше всего ученые радуются, когда остаются в недоумении». Наука – такое же человеческое дело, как и все остальные. Важно старание, а не результат. Поиск смысла сам придает жизни смысл.

Ханна Арендт курсивом выделяет чрезвычайно важную для нее мысль: «*Потребность мыслить вдохновляется не поиском истины, но поиском смысла: истина и смысл – не одно и то же*¹⁸⁹». Вынуждая разум устанавливать истину, мы надеваем на него узду и шоры и гоним хлыстом по дороге в город. Но можно порой отпустить разум на свободу, т. е. позволить ему мечтать и созерцать, ничего не доказывая, перескакивать с вопроса на вопрос, не давая ответа – с практической точки зрения эта забава, конечно, лишь напрасная трата времени. «За каждым вопросом, на который люди находят ответ, встает другой, не имеющий ответа, и подобного рода вопросы всегда казались пустыми, их отвергали и обличали как тщетные. Но существует опасность того, что если человечество полностью утратит интерес к смыслу – тот интерес, что мы зовем мыслью – и перестанет задавать безответственные вопросы, то оно утратит способность не только производить те продукты мысли, что мы на-

зывают произведениями искусства, но и способность задавать все те вопросы, на которых основана цивилизация»¹⁹⁰.

Этот род ненаправленной умственной активности, чистая радость бытия, представляет собой душевный эквивалент телесных радостей. Аристотель считал эту радость божественной: «...деятельность бога, отличающаяся исключительным блаженством, будет созерцательной, и таким образом, из человеческих деятельности та, что более всего родственна этой, приносит самое большое счастье»¹⁹¹. А поскольку Бог не только всеведущ и всемогущ, но и неутомим, ему не требовался субботний день для отдыха – нет, в день седьмой Он наслаждался неспешным размышлением.

Пользу размышления признают некоторые психотерапевты, в частности Энтони Сторр, который лечил от депрессии, поощряя своих пациентов к «активному воображению»¹⁹², т. е. к растворению в мечтах, целительному для тех, кто утратил связь с собственной личностью из-за слишком продолжительного и глубокого погружения в мир. Курс «активного воображения» помогал им воссоединиться с теми аспектами собственной личности, которые они утратили, добратся до тех слоев личности, которые не требуются для функционирования в мире, – т. е. обнаружить свое тайное «я», – и в результате эти люди становились менее эгоцентричными и чуть меньше думали о карьере.

Сторр говорил о специальной «технике» лечения, хотя на самом деле единственное необходимое условие – отгородиться, и это можно сделать не в особом помещении, а во время скучного разговора или конференции. Нужно просто освободить свой мозг от всех отвлекающих моментов, а затем снова включить его и предоставить ему самому устанавливать какие он хочет связи. Разумеется, бывают дурные дни, когда мозг просто не включается, потому что он перегружен неотложными проблемами, ослаблен болезнями, парализован отчаянием или ужасом, а может, не варит с бодуна. Но как спортсмены чувствуют, когда они «в ударе», так и разум порой бывает в отличной форме, он сам сознает это и как будто слегка гудит, готовясь к работе, суля нам обнаружить и установить новые

связи, выдать выигрышную комбинацию – ну же, знаки доллара выстроились в одну линееку, автомат затрясся в экстазе и сыплют монеты пригоршнями. Джекпот! Эврика, миг высшего наслаждения, оргазм разума.

Нейробиологи, как многие ученые до них, проявляли больше интереса к результативной мысли, к связи между мыслью и чувством, мыслью и памятью, однако с недавних пор они заинтересовались «феноменом эврики» и ищут озарений о природе озарений¹⁹³.

Предварительный вывод: функции двух полушарий мозга, правого и левого, принципиально различны, а согласовывает их деятельность все та же префронтальная кора, «старший диспетчер» мозга. Левое полушарие отвечает за рутинные процессы сознания, за наши неустанные тревоги о здоровье, счетах, карьере, а также за многие специфические для человека навыки, такие как понимание речи, распознавание визуальных образов и линейное, то бишь рациональное, мышление. У правого полушария меньше конкретных функций, но больше внутренних связей, благодаря чему оно способно к формированию новых ассоциаций, включая понимание мотивов, метафор и шуток. Это полушарие воспринимает картину в целом, а не детали. Левое полушарие видит деревья, правое – лес. Иначе говоря, левое полушарие – надоедливый реалист, правое – отрешенный мечтатель.

Когда проблема решается с помощью анализа, обычно это заслуга левого полушария, но чтобы добиться озарения, префронтальная кора меняет стратегию: велит левому полушарию заткнуться и позволяет правому заняться свободным поиском ассоциаций. Это причудливый вид сосредоточенности, когда разум отпускают погулять. Мозгу нужно полностью расслабиться, чтобы нащупать ассоциацию, которая, словно вспышкой, озарит верное решение. Намеренно вызвать озарение практически невозможно, оно приходит в самый неподходящий момент – под душем или по пути в кровать в 4 часа утра, когда вставал пописать. И если выигрышная комбинация все-таки выпадает, безошибочность решения предстает разуму мгновенно, с ослепляющей очевидностью, ибо догадка мол-

нией вспыхивает в префронтальной коре. То же самое происходит, когда кто-то другой делится с нами своей «эврикой»: префронтальная кора, ярко светясь, поощряет правое полушарие к новому осмыслению прежнего опыта и к выработке новых стратегий на будущее. Озарение, свое или чужое, яркой вспышкой освещает и мозг изнутри, и вселенную снаружи, себя и мир, прошлое и будущее, но главное – дивное и прекрасное настоящее.

Конечно, подлинные озарения происходят очень редко, но даже если «эврика» не наступит, заставить болтливый, одержимый, приставучий, лишенный чувства юмора левый мозг заткнуться – само по себе наслаждение, и пусть правое полушарие возьмет, наконец, верх. Думаю, именно об этом говорит Спиноза, когда прославляет радости мысли: «Созерцая себя самое и свою способность к действию, душа чувствует удовольствие, и тем большее, чем отчетливее воображает она себя и свою способность к действию»¹⁹⁴. Хотя порой такие размышления больше похожи на грэзы, на бегство от реальности, это и есть высшая форма благодарности жизни. Ханна Арендт нечасто пишет слоганы для футболок, но что может быть лучше, чем ее «Мыслить – значит молиться»¹⁹⁵.

Прелесть свободного размышления в том и состоит, что для него не требуется опыта и тренинга, особого ритуала или жаргона, специального помещения и прочих условий. Размышлять можно всегда и везде. Даже уединяться не обязательно. Мне удавалось хорошо поразмыслить во время собраний (плохо, если тебя вдруг застанут врасплох вопросом). И все же тихий уютный диван предпочтительнее. Не мешает и соответствующий вид из окна – одинокое дерево на городской чужбине, вросшее корнями в асфальт и противостоящее злобным порывам ветра, не просто противостоящее – пользующееся каждым движением воздуха, шуршащее, шепчущее листьями, покачивающееся, бормочущее.

9

Атрофия опыта

Заканчивается тяжелый, пасмурный ноябрьский день. Свет давно проиграл борьбу, дождь, весь день сбирающийся с силами, да так и не собравшийся, висит в нерешительности в сером сыром сумраке. С порога почти разорившегося магазинчика его владелец глядит в недоумении и злобе на мир, который предпочел супермаркеты дорогим по ценам и бедным ассортиментом «Деликатесам у Дейва» (Dave's Deli). На тротуаре перед магазином толкаются мальчишки, вроде бы дерутся, но без воодушевления, так, лишь бы занять себя и отсрочитьозвращение в домашнюю скучу. Две мамаши с колясками появляются с противоположных сторон улицы и, поравнявшись, застывают на месте.

– Не пустили! – возмущается первая. – Туалет сломался. «Ради нашего же здоровья и безопасности», вот как! Почему малышей нельзя отвести в туалет на другом этаже?

– Им лень, – сварливо вторит ей собеседница. – Мой Тайлер приучен к горшку, но стоит пойти с ним туда, и он обязательно обделается. Я их предупреждала: «Он приучен к горшку, надо только вовремя напомнить», а они мне в ответ: «Что ж вы сами ему не напоминаете?» А я им: «А вы тут на что? Вам за что платят?»

Другая угрюмо кивает:

– Да, все время на такое нарываешься.

Они умолкают и смотрят на младенцев, которым столь несправедливо отказали в праве пользоваться туалетом детского центра. Один из малышей спит, другой, откинувшись в

коляске, упорно и тихо кряхтит, не очень-то надеясь, что ему придут на помощь, что его вообще кто-нибудь заметит. Небо переходит ко все более темным оттенкам, но с противоположной стороны улицы все еще усмехается красавец спортсмен на плакате, развалился в шезлонге на яхте, темное мускулистое тело намазано маслом, золотистые бедра раздвинуты, не скрывают обтянутого тугими белыми шортами достоинства.

Ноябрьское небо темнеет, а страшная истина проясняется: здесь, на этой улице, ничего не происходит и ничего никогда не произойдет. Сияние жизни и славы – это где-то не здесь.

Такие дни выпадают у каждого, у многих весь год стоит стылый ноябрьский вечер. Ощущаешь бесцелесность, бессиление и бессмыслицу своего бытия. Серый, скучный мир, свинцовым грузилом идет ко дну сердце.

Один из источников этого неприятного чувства – привычка. Повторяющееся, знакомое убивает восприимчивость, умаляет ценность опыта. Беда в том, что без привычки не обойтись, некоторые ритуалы – например, рабочая рутинा – неизбежны, с другими приходится мириться, потому что нет возможности каждый день придумывать что-то новое. Жить вообще без привычек было бы так же тяжело и страшно, как и жить только привычками.

Но поскольку теперь самое главное – то прекрасное, что впереди, опыт и накопленное знание утрачивают ценность. Шопенгауэр первым заметил склонность человека жить – не осознавая того – в вечном ожидании, бесконечно разочаровываясь и очаровываясь вновь, и он же предупредил, что этот взгляд на жизнь мешает нам любить настояще.

Нынешний век голосами сирен поощряет нас жить в ожидании, наши мечты все время обгоняют реальность, несутся сломя голову, точно заяц от гончих, и собаки рассудка не могут ни настигнуть мечту, ни сообразить, что им подсунули всего лишь механического зайца. Предвкушение все чаще сбивает человека с толку, мешая сосредоточиться, желания быстро сменяют друг друга, удовлетворение, привычка, новое желание тут же стирают прежнее. Пройдет немного времени, и уже не вспомнишь, почему тебе так сильно этого хотелось. Мно-

го лет я преподавал в средних учебных заведениях и отчаянно мечтал перейти на высший уровень, пользоваться благами сокращенной рабочей недели, длинного отпуска и большей интеллектуальной активности, кои сулил мне университет. Без снобистских соображений тут тоже не обходилось: я хотел стать доцентом, довольно уж мне прозябать в учительях! Но вот я, наконец, поднялся ступенькой выше, скорее благодаря случаю, чем заслугам, и не прошло двух лет, как с дивного нового мира облезла позолота, и я, как все прочие, уже сетовал на ленивых студентов, продажное руководство и все возрастающее бремя административной и бумажной работы. Лишь упорным, сознательным усилием я ухитрился возвратить то прежнее желание и убедиться, что причины для него все так же разумны – я мечтал о рае и попал в него.

Непосредственный опыт также обесценивается большим количеством возможностей жить на метауровнях. Технология ныне позволяет нам общаться, заводить друзей, заниматься сексом, работать с людьми и даже убивать их, ни разу их в глаза не видев. Реальность убывает, укрепляется иллюзия. И это, вместе с современным культом возможного и ожиданий, поощряет неудержимую фантазию.

Разумеется, Голливуд уже без малого столетие торгует фантазиями, но прежде в кино изображали более-менее настоящих людей в мире, более-менее похожем на настоящий, а теперь в моде персонажи комиксов и воображаемые миры «Звездных войн», «Властелина колец» и «Нарнии». Очевидно, поклонники этих сериалов согласились бы жить в нашем мире, если бы тут сделались супергероями, но коли нет, они мечтают пройти через платяной шкаф в мир, где все совсем по-другому.

Еще одна новость – компьютерные игры, подстраивающиеся под пользователя, немыслимый рост сценариев, позволяющих игроку в одиночкуправляться с легионами злодеев, появление сайтов, на которых можно вовсю наслаждаться виртуальным сексом, слепив себе по собственному вкусу тело и гениталии. В 1970-х годах боролись за свободу стать самим собой, но поскольку это оказалось чересчур трудно, мы добились свободы стать кем-то другим.

Безумные доходы индустрии компьютерных игр обеспечили этой сомнительной отрасли респектабельность. Престижные университеты выдают дипломы по программированию игр, обозреватели солидных газет рецензируют очередную игру с той же серьезностью, с какой они откликаются на фильмы европейского артхауса. Лучшая похвала — «глубина погружения», т. е. способность новинки увести нас из реального мира. Эти игры (за исключением детских и тех, которые посвящены спорту или используют сценарии популярных фильмов) практически всегда основаны на фантазиях о власти, насилии и разрушении. Чаще всего в ход идут мечи или автоматы, хотя поощряется и «новаторство в убийствах»; так, на обозревателя *Guardian* благоприятное впечатление произвел герой с бензопилой вместо руки.

Встречаются фантазии о мечах (*Broken Sword: The Shadow of the Templars* («Сломанный меч: Тень тамплиеров»), *Prince of Persia: Rival Swords* («Принц Персии: Два меча»), *Dragon Swords* («Мечи дракона»)), стратегические фантазии (*Warlords Battlecry* («Полководцы: Боевой клич»), *Warhammer* («Боевой молот»), *Dawn of War* («Закат войны»)), фантазии всемогущества (*Dark Messiah of Might and Magic* («Темный Мессия меча и магии»), а также *Overlord* («Повелитель»), *Demigod* («Битвы богов», буквально: «Полубог»)), фантазии о мести (*Dark Vengeance* («Темная месть»), *Command and Conquer 3: Kane's Wrath* («Ярость Кейна») и *Assassin's Creed* («Кредо ассасинов»)), и не забудем фантазии о гибели цивилизации (*Resistance: Fall of Man* («Сопротивление: Крах человечества»), *Mortal Kombat: Armageddon* («Смертельная битва: Армагеддон») и *Eternal Darkness: Sanity's Requiem* («Вечная тьма: Реквием по рассудку»)).*

А поскольку мы живем в эру сотрудничества, для более достоверной «интеракции» были созданы сайты, например «Мир Варкрафта» (*World of Warcraft*), где «Орды Азерота и Силы Альянса сошлись в битве не на жизнь, а на смерть» и поль-

зователи могут выбрать себе одну из армий Азерота (орков, тауренов, троллей, нежить, кровавых эльфов) или же Альянса (людей, гномов, дворфов,очных эльфов, дренеев) и замочить как можно больше врагов. Самому игроку смерть не страшна: «Смерть не долговечна. Ваш дух покинет тело в виде призрака и окажется на кладбище, откуда вам надо будет добежать назад к своему телу, чтобы ожить».

Если кого-то больше возбуждают сексуальные фантазии, чем виртуальное насилие, к его услугам и пассивный вариант (свободно и зачастую бесплатно распространяемая в Интернете порнография), и интерактивный (сайты вроде *Second Life*), где пользователь обретает «вторую жизнь»: с виллой на берегу тропического острова, в гламурном теле супергероя — юного, стройного, высокого, с узкой талией и широкими плечами или же с грудями «баскетбольными мячиками» — в зависимости от выбранного пола. Персонажи одеваются как можно более скромно, не скрывают своих прелестей, дамы украшают себя татуировками, пирсингом, а особи виртуально-мужского пола цепляют к поясам самурайские мечи или вешают за спины по парочке автоматов. Частенько я задумывался: почему эти фантазии склонны соединять самые примитивные представления с футуристическими, создавать какую-то зловещую средневеково-космическую смесь, но в итоге понял: главное — и прошлое, и будущее уводят нас от современности. Виртуальный мир — либо пред-, либо постцивилизованный. Ну и конечно, во «Второй жизни» не встретишь никого старше сорока, не встретишь низенького, толстого, лысого, с плохой кожей или плохими зубами, близорукого или хромого. В мире мечты осталась одна лишь реальность — деньги, на которые покупается эта подделка. Бесплатные «аватары» не получают даже половых признаков, за самый обычный виртуальный пенис и то надо заплатить пять долларов. Мне пришлось воздержаться от полевых исследований — не мог же я на каждом шагу извиняться за отсутствие колокольчиков.

Скажете, почему бы человеку и не помечтать время от времени? Обратимся к Кьеркегору: желание стать кем-то другим он считал симптомом дошедшего до крайности отчаяния¹⁹⁶.

* Конечно, автор смешивает компьютерные игры, видеоигры и игры для приставок, и новыми ему кажутся сюжеты десятилетней давности. Но ведь по сути он прав!

И это кажется мне основной характеристикой современности: крайнее отчаяние. В традиционных обществах жизнь определялась принадлежностью к полу и классу, человек не мог стать кем-то другим и не мечтал об этом, однако развитие индивидуальной свободы привело нас к тому, что любой может стать кем угодно. Даже пол теперь можно выбирать, и для славы уже не требуется, как раньше, талант или труд, и повсюду человек натыкается на образы такой легкой и счастливой жизни. Главный соблазн времени – фантазии. Но чем больше мы поддаемся выдумке, тем острее отчаяние, которое она сулила утолить. Мы настолько разочарованы в себе и в реальности, что хотим скрыться в мечтах, однако на фоне виртуальных миров действительность выглядит еще мрачнее и хочется бежать еще дальше. Вот почему фантазии превращаются в наркотик. Миллионы людей по четырнадцать часов в день проводят на игровых сайтах или во «Второй жизни».

«Вторая жизнь» – пока единственное место, где двое мужчин-гетеросексуалов могут насладиться лесбийским романом, но меня больше настороживает другое: виртуальный мир все ближе сходится с реальным. Участникам «Второй жизни» приедается секс на солнечных островах, и они обращаются к предпринимательству: торгуют участками и домами, аксессуарами, услугами. Псевдолесбиянки заметно уступают числом заправским капиталистам, которые стригут руно с фантазий, как стригут их и в нашем мире. Оказывается, кому-то нужны *виртуальные* риелторы! К счастью, появился уже конкурирующий сайт «Первая жизнь» (Get a First Life), чьи радикальные лозунги призывают: «Совокупляйтесь с помощью ваших собственных гениталий!»

Иногда подобные попытки делают и виртуальные любовники. Мужчина и женщина встречаются – это почти так же романтично, как бальный зал незапамятных эпох – на сайте знакомств. Они влюбляются и какое-то время наслаждаются своим чувством в заколдованным киберпространстве. Поскольку это взрослые люди, каждый со своей цепочкой неудавшихся связей в прошлом, теперь оба стараются не рисковать. Разглядывают друг друга в веб-камеру, особенно пристально –

область гениталий. Убеждаются, что у партнера оборудование в полном порядке. Она под камеру доводит себя до кульминации вибратором, он одновременно с ней мастурбирует. Ура – они идеально подходят друг другу. Настало время встретиться в реальности. Она выбирает вокзал Ватерлоо – не потому, что ей близко от дома или от работы, но потому, что более романтического места для влюбленных нет. Он примчится с дюжины белых роз, на ней будет новое белье от Agent Provocateur. Все идеально. Или нет, допущен серьезнейший промах. Она жалуется подруге: «Ах, если бы мы нашли кого-нибудь *снимать* наше свидание!»

В современном мире событие не считается состоявшимся, если его не сняли на видеокамеру или хотя бы не сфотографировали. Первичный опыт атрофирован, его место занимает кадр. Ранний, почти анекдотический пример этой тенденции: американцы впервые ступили на Луну, а когда благополучно вернулись, отчитались и прошли медосмотр, узнали, какой ажиотаж вызвал их подвиг на телевидении. Базз Олдрин, один из двух человек, оставивших свой след на Луне, горестно обернулся к своему напарнику Нилу Армстронгу: «Нил, мы пропустили самое интересное!»¹⁹⁷

Диктатура киноэкрана становится тотальной. Экраны увеличиваются в размерах, улучшается их качество, а главное – количество, они захватывают все больше публичного пространства и поощряют паранойю: настоящая жизнь по ту сторону экрана. Реальность, которая на них представлена, гораздо реальнее окружающей действительности, а те, кого мы видим на экранах, гораздо реальнее самих зрителей. Кинообраз, в отличие от живого человека, неуязвим. Чем крупнее и ярче становятся мониторы, тем мельче и тусклее зрители. Последние уподобляются обитателям платоновской пещеры: призрачные существа в вечном полумраке, истинное совершенство сияет только в кино.

Одни экраны становятся больше, другие – меньше. Каждому нынче положен свой личный мобильный экран. Это столь же естественно, как мобильные телефоны и плееры, и все трое скоро сольются в единый гаджет. Сейчас экраны уже вставляют

в очки, нам суют наноэкраны в контактных линзах, ими можно будет управлять движением глазного яблока. Какие шансы останутся у несчастной реальности, когда Диснейленд расположится не то что у тебя под носом или даже на носу, но *в зенице ока*?¹⁹⁷

Образы на экране – живые, динамичные, яркие, они быстро сменяют друг друга, а реальность угрюма, статична, скучна, плется еле-еле на кривых, стертых, потных ногах. Парадокс: чтобы стать явью, реальность должна сначала сделаться образом. Истинно существуют лишь те, кто мелькают на экранах.

Любое поведение на экране преувеличено. Кризисы в мыльных операх острее и слезливее, в ситуационных комедиях смеются чаще и истеричней, болтовня ведущих реалити-шоу беспощаднее и беззаботнее, тревога репортера, выходящего в прямой эфир из голодающей Африки, острее наших тревог, негодование диктора вечерних новостей по поводу коррупции – крепче нашего возмущения. Даже заурядность «человека с улицы» на телевидении делается примечательной – это экстраординарная заурядность, симпатичная некрасивость, красноречивая банальность, яркая серость.

Но ключевое отличие я вижу в темпе: экранная жизнь движется быстрее реальной, и современные принципы монтажа все более ускоряют ее. На экране перемены происходят чаще, чем в жизни, действие переносится в разные точки, и героя все время подстерегает опасность – наше внимание не задерживается, чтобы поспевать за происходящим¹⁹⁸. Физиологический ответ длится четыре–шесть секунд, но реклама, музыкальные клипы и экшен запускают этот цикл каждую секунду, так что разум и тело не успевают восстановить равновесие. Нервная система постоянно находится в «красной зоне». Мы не можем отвести глаз от экрана и, что еще подозрительнее, порой часами не можем собраться с силами и выключить телевизор. А в результате человек утрачивает способность следить за чем-либо статичным или неторопливым, не может надолго сосредоточиться на одной теме или задаче. Оставленная без присмотра реальность становится еще медлительнее и скучнее.

Опытом мы вправе называть лишь то, чему уделили внимание, качество опыта зависит от уровня внимания. Пассивное

внимание, ведомое стимулами, замечает лишь самые броские детали: яркие цвета, громкие звуки – в то время как активное и целенаправленное внимание, буддистская «внимательность», лучше подходит для того, чтобы вобрать в себя всю сцену целиком. Существуют доказательства того, что западная и восточная культуры породили две разные формы внимания. Американцам и японцам предложили понаблюдать в течение двадцати секунд за подводной жизнью, а затем сказать, что они видели. «Больших голубых рыб!» – отчитались американцы. «Текущую воду, камни, растения и рыб»¹⁹⁹. – Таков был японский ответ. Восточная реальность оказалась куда шире, полнее и богаче.

Теленовости опять-таки способствуют обеднению реальности. В 1930-е годы критик и философ Вальтер Беньямин отмечал, что современный человек «все менее способен усваивать данные окружающего мира с помощью опыта»²⁰⁰. Новости текущей прессы не могут ассимилироваться традицией из-за своей новизны, краткости и бессвязности, а в результате наступает то, что Беньямин называл «атрофией опыта». Подумать только, он боялся, что культура погибнет от газет! Посмотрел бы покончивший с собой в 1940 году мыслитель на улицы современных мегаполисов, где двадцать четыре часа в сутки на огромных экранах «крутият» последние известия.

Беньямин также полагал, что слом традиционных обществ с их ритуалами, которые придавали круговороту сезонов связность и смысл, с их сетями дружеских и родственных связей, когда все люди были гораздо ближе друг другу, привел к значительному обеднению опыта. Теперь у нас традиционные общества пробуждают ностальгию, а потому не мешает напомнить о том, как люди мечтали вырваться из этих сетей. Я сам вырос в традиционном обществе и знаю, что это было – мучительная скуча, скованность, угнетение и конформизм. С другой стороны, автономия лишает нас многих насыщенных связей, это правда. За все приходится платить. Свобода не так густа и насыщена, как взаимозависимость. Свободному человеку приходится потрудиться ради того, что прежде община давала в награду за послушание. Как же нам обогатить свой опыт, вернуть краски потускневшему миру?

Эфемерным новостям Вальтер Беньямин противопоставлял «повествование, древнейшую форму коммуникации. Задача повествования – не сообщить некий сюжет, тогда это была бы информация, а не текст, но превратить событие в личный опыт и переживание каждого слушателя»²⁰¹. Беньямин имел в виду традиционных устных рассказчиков, но эта традиция сохранилась и в письменной литературе.

Художественная книга оживляет наш личный опыт: то, что казалось скучным и серым, вдруг обрачивается чем-то необычным, таинственным, и вместе с тем мы получаем новый опыт, ибо воспринимаем жизнь, о которой читаем, как проживаемую лично нами. Литература не только обновляет прежний опыт, но и, пробудив в нас напряженное внимание (как это похоже на буддистский призыв к внимательности), многократно обогащает настоящее. И хотя чтение – дело интимное, другие люди не исключаются из этого процесса, напротив, отрешенность чтения парадоксальным образом укрепляет наши отношения. Читатель вчувствуется в других людей, в нем пробуждается сострадание и терпение, он учится понимать несимпатичных и даже противных персонажей. У преданного читателя складывается свой круг друзей из числа любимых авторов. Да и вообще сам процесс чтения – наущный жизненный опыт.

За последнее столетие над читательским опытом серьезно поработали Джеймс Джойс и Марсель Пруст. Джойс воссоздал причудливую ткань повседневной жизни, а Пруст – не менее причудливую философию этой жизни. Одной из главных тем Пруста сделалась психология ожидания и разочарования. «В поисках утраченного времени» автор-рассказчик движется в замкнутом цикле лихорадочного желания и предвкушения, разочарования и отчаяния.

Светское общество, описанное Прустом, ныне столь же далеко от нас, как цивилизация инков, но образ жизни рассказчика до боли напоминает наш теперешний: связи и знакомства, вечеринки, страстные влюблённости, случайный секс, капризы, импульсивные покупки, культ знаменитостей и преследование этих самых знаменитостей. Аристократы, знакомством с которыми так дорожит рассказчик, – это эквивалент современ-

ных знаменитостей. Они особенные лишь потому, что считаются особенными, живут в странном, замкнутом мире – этот мир полностью подстраивается под их нарциссизм, издали он кажется ослепительно чарующим, вблизи это безвкусная мишурा.

При этом Пруст – один из самых забавных писателей XX века, и смешит он не только преувеличениями, карикатурами и фарсом (самой расхожей и не требующей усилий версией комического), но в точности изображая нам дела и слова людей. Сатирические сцены в салонах «высшего света» отличаются свирепой аккуратностью и вызывают у читателя не только смех, но и дрожь и тяжкие вздохи – слишком уж узнаваемы слабости персонажей. Именно такую цельставил себе Пруст: «В действительности же каждый читает в самом себе. Книга писателя – это лишь некий оптический инструмент, предоставленный им чтецу, чтобы он распознал то, что без этой книги, быть может, никогда бы в себе не увидел. И если читатель признаёт в себе нечто, о чем говорит книга, то это является доказательством истинности последней...»²⁰²

Преимущество усвоенного таким способом урока заключается именно в том, что он впитывается гораздо лучше абстрактного наставления. Прочтите Пруста, и вы до мозга костей, до нуклеотидов своей ДНК постигнете безумие, абсурдность жизни в постоянном предвкушении.

Но еще больше для того, чтобы вновь пробудить нас к чуду ежедневности, сделал Джеймс Джойс. Пруст хотел понудить каждого читателя стать истолкователем самого себя, Джойс же хотел превратить наши будни в приключения, столь же удивительные, разнообразные, героические, мифические, как эпос Гомера. Превратить проживание каждого дня в «Одиссею». Разработанная им техника повествования – «потока сознания» – раскрывает богатейшее содержание любого ума, в котором неустанно мерцают калейдоскоп наблюдений, восприятий, воспоминаний, фантазий и мечтаний. Всеохватывающее зрение автора и красота его языка подняли до уровня литературы многое такое, что прежде считалось чересчур грубым или скучным. Прошло почти столетие с тех пор, как был на-

писан «Улисс», а некоторые из сцен «Улисса» все еще изумляют своей заурядностью, бытовой приземленностью. Даже в наше время, когда «все сойдет», мало кто из литераторов решится посвятить несколько страниц любовного описания человеку, читающему на толчке «Осколки»: «Он мирно прочел, сдерживая себя, первый столбец, затем, уступая, но еще придерживая, начал второй. На середине, окончательно уступив, он дал кишечнику опорожниться свободно, продолжая мирно, неторопливо читать, вчерашний легкий запор прошел без следа. Авось не слишком толсто, геморрой снова не разойдется. Нет, самый раз»²⁰³.

Все мы тоскуем по обновлению и возрождению, но думаем, будто для обновления требуется нечто новое – новый дом, новый любовник, новая работа. Гораздо эффективнее – да и дешевле – было бы взглянуть по-новому на привычное. Лишь немногие авторы умеют так преобразить наше зрение: они разбивают корку привычки, и мы видим жизнь будто сизнова. В современном мире взламывание корки дается все с большим трудом – а оно все нужнее. Было время, когда такой корки не было вовсе, большинство людей ежедневно сталкивались с голodom, холодом, болезнями, насилием. Опыт, непосредственный, реальный опыт. А теперь мы чуть ли не полностью укрыты от прежних опасностей, зато появилась новая угроза – чем толще и плотней становится корка, тем более возрастает вероятность того, что под этой коркой засохнет и уяннет жизнь, которую защитный кокон призван был уберечь.

Так ищите, повсюду ищите тех, кто способен взломать корку, открыть нам глаза. Читайте настоящих писателей и начинайте по-новому работать на прежнем месте, наслаждаться экзотикой в родных местах и, самое замечательное, закрутите бурный и страстный роман с супругом или супругой.

Да, согласен, Пруст и Джойс – «трудные» писатели, но еще раз повторю: от трудностей удовлетворение лишь возрастает. Считается, будто нет ничего легче, нежели читать, но это потому, что технику чтения мы усвоили в раннем детстве и забыли, как трудились над ней, а теперь пользуемся ею без рефлексий. Выходит, если читать трудно – виновата книга, а не читатель.

Однако, подобно игре на музыкальном инструменте, чтение имеет свои уровни сложности. Пруст и Джойс сложны для нас, потому что у них отсутствует явный «сюжет», тот главный прием, с помощью которого большинство романистов ухитряются подгонять читателя от первой страницы к последней. Сюжет – штука эффективная, ведь каждому интересно, что будет дальше, вот только концовка зачастую разочаровывает – всего-то и было! Дело в том, что реальная жизнь не знает сюжетов, она представляет собой плотную сеть связей и последовательностей, и читатель «сюжетного» романа в конце неизбежно чувствует себя обманутым. Чем крепче сюжет, тем быстрее он вылетает из головы. Попробуйте-ка пересказать триллер, прочитанный вами на прошлой неделе. Главное удовольствие от сюжета заключается в ожидании и переживании, оно иллюзорно и кратковечно, от сюжетного романа в душе не остается неразмытого осадка восторга и красоты. А вот роман, который пытается воспроизвести текстуру жизни, ее неповторимое ощущение, сложен для чтения, но зато дарует настоящее удовлетворение и не забывается. Жаль только, встречаются подобные романы крайне редко. Пруст и Джойс показали, как можно создать шедевр, не прибегая к сюжету, но эпоха возможного быстро забыла урок. Обозреватели чаще всего оттесняют новинки именно по «закрученному сюжету» или «слабому сюжету», как будто главное в книге – сюжет. И как они все удивляются, столкнувшись с «бессюжетной» книгой.

Чтение художественной литературы способно расширить и углубить опыт, укрепить понимание самого себя, других людей и мира. Велик талант писателя, который сумеет привлечь симпатию к «неправильным» персонажам – высший пример этого искусства Фальстаф, ходячее воплощение всего наиболее презренного в человеческой природе: он вор и трус, лжец и хвастун, обжора, пьяница, вербовщик, ради мизерной прибыли посылающий людей на смерть. И все же он нравится всем. Ради морального и интеллектуального упражнения я как-то раз выписал на листок бумаги все грехи Фальстафа перед тем, как отправиться на представление «Генрих IV. Часть II», и твердо вознамерился судить негодяя, однако вместе со все-

ми смеялся, аплодировал и обожал старого пройдоху. А когда принц Хэл, взойдя на трон, отрекается от своего давнего собутыльника – поступок жестокий, однако необходимый, нельзя же такого подпускать к вершинам власти, – я вместе со всеми жалел беднягу Фальстафа и возмущался Хэлом, свиньей лицемерной. Семь слов принца, на мой слух, принадлежат к числу самых жестоких во всей мировой литературе: «Прохожий, кто ты? Я тебя не знаю»²⁰⁴.

Итак, хотя литература, как и жизнь, свободна от рецептов, рецепты все же действуют. Пусть вымысел остается бессюжетным, но захватывающим, пусть поражает неожиданностями, но при этом убеждает, пусть полно будет в книге людей странных и даже противных, которые, однако, пробудят в нас сочувствие.

А кроме вымысла есть еще чувственное наслаждение – взвесить книгу левой рукой, убедиться в ее приятной тяжести, распахнуть, вдохнуть неповторимый аромат – у каждого тома свой – и, наконец, захватить правой рукой толщу страниц, медленно пропустить их сквозь пальцы, придерживая большим, останавливаясь порой, позволяя себе наугад прочесть там и сям по абзацу. Даже султан не ведает лучших услад. И сам процесс чтения тешит интеллектуальную чувственность, это спорт, борьба, читатель сходится один на один в схватке с тем, кто превосходит его силой, проворством и ловкостью, с тем, кто может стать его другом, двойником. Постмодернизм пытался устраниТЬ автора и превратить литературу в «тексты», но истинный читатель повторит вместе с Прустом: чтение – акт дружбы. Писатели – наши друзья, наша тайная социальная сеть, охватившая и пространство, и время.

Стереотипное представление о читателе – неуклюжем, близоруком, не заботящемся о своем теле, непригодном для настоящей жизни слабаке – полностью опровергается регулярными опросами и исследованиями читательской аудитории, которые проводит Национальный фонд искусств США (NEA). По данным NEA, читатели чаще не-читателей делают зарядку, активно занимаются спортом, посещают музеи, театры и концерты, участвуют в волонтерской работе и голосуют на выборах²⁰⁵.

Чтение, этот «контактный спорт» по Прусту, дает нам все преимущества личной беседы, не рискуя при этом наскучить, ибо это «общение с иным образом мыслей, но в одиночестве, т. е. в полной сосредоточенности своих интеллектуальных сил, коей мы обладаем в уединении и кою тут же утрачиваем в беседе»²⁰⁶. Бездна бездну призывает, глубина говорит с глубиной, и внешняя пена социальных условностей «общения» не мешает им, и такая встреча прекраснее любой встречи во плоти, – как правило, личное знакомство с писателем оборачивается разочарованием.

Вот почему я одобряю просмотр книги, заглядывание урывками туда и сюда, но никогда не позволю читать с пропусками. Перескакивание – вдох пловца, приподнявшегося над пучиной, но пропуски – отказ от всего предприятия, свидетельство того, что один из двоих, сошедшихся в этой беседе-борьбе, ленив, поверхностен, груб или неинтересен. Любую книгу, поощряющую пролистывание, нужно выкинуть сразу же. По-моему, наш организм прекрасно об этом осведомлен: доказано, что от спешного, с пропусками, «ознакомления» глаза устают больше, чем от многочасового сосредоточенного чтения.

Нейробиологи также исследовали процесс чтения и нашли доказательства в пользу теории Пруста. Появилась даже книга «Пруст был нейробиологом»²⁰⁷. А в книге «Пруст и кальмар» Марианна Вулф разъяснила, что чтение, в отличие от зрения и речи, не запрограммировано в наших генах, и потому каждый человек должен самостоятельно освоить это искусство, причем в процессе обучения в мозге возникают цепочки связей, характерные для конкретного языка. Врачи, лечившие двуязычного (китайско-английского) пациента после инсульта, обнаружили, что в результате повреждения определенного участка мозга этот человек лишился навыков чтения на английском, но по-прежнему мог читать по-китайски. Итак, даже в физиологическом смысле «мы есть то, что мы читаем». Когда дети только учатся читать, у них активизируются многие зоны обоих полушарий мозга, но по мере того как навыки чтения совершенствуются, активность сосредотачивается лишь в небольшой области левого полушария, в то время как в правом может не-

предсказуемо возобновляться активность в разных зонах. Иными словами, левое полушарие мозга вырабатывает специфическую функцию чтения, а правое, «интуитивное» полушарие принимается свободно размышлять и выстраивать ассоциации, искать и скакать, подобно разуму самого Бога. «Главная тайна чтения заключается в том, что оно высвобождает мозгу время заняться более глубокими мыслями, нежели те, что проплывают непосредственно перед ним», – пишет Марианна Вулф. Пролистывание разрушает «ассоциативное измерение» чтения, «глубинную творческую энергию читающего мозга»²⁰⁸.

Возможность такого рода интуиций («ага-реакций») принципиально отличает чтение от просмотра фильмов: темп чтения задается читателем, а темп просмотра – монтажером, и скорость все возрастает. У зрителя нет возможности отвлечься и поглядеть в туманную даль, пока правое полушарие творит магию ассоциаций. Обычно, если он и нажимает на «паузу», так только для того, чтобы прогуляться к холодильнику за пивом.

Глубинное чтение укрепляет сосредоточенность – бесконечные просмотры ее подрывают, а последствия сказываются и в начальной, и в завершающей порах жизни. В раннем детстве избыток визуальной информации подавляет развитие структур мозга, которые отвечают за внимание и рефлексию²⁰⁹, а на старости лет сидение перед телевизором ускоряет деградацию мозга, и болезнь Альцгеймера становится все более распространенным явлением²¹⁰.

Итак, процесс чтения не только чрезвычайно приятен, но и насыщен для развития ассоциативного мышления. И еще больше пользы приносит чтение, высвечивающее жизненный опыт. Закончим главу словами Флобера: «Не уподобляйтесь в чтении детям, ищущим развлечения, или честолюбцам, ищущим наставления, но читайте, чтобы жить»²¹¹.

10

Утрата духовности

Брюс Спрингстин, думал я, в отличие от большинства рок-певцов, не утратил с возрастом ни творческой, ни сценической энергии, его новые песни не уступают тем, что уже стали классикой, и он готов три часа щедро, с наслаждением петь, не уставая, не сдерживая себя. Так думал я, но молодая пара рядом со мной будто оцепенела от разочарования, а четверо мужчин впереди встали и покинули зал с таким угрюмым выражением на лицах, будто пошли жаловаться менеджеру. Неужели они и вправду недовольны? Чего же они хотели? А те, кто вроде бы пока не обломался, пили под песни Брюса пиво, болтали, шутили, словно пришли скоротать вечерок в баре, где музыка звучит с экрана в дальнем уголке. Конечно, сидели мы отнюдь не вплотную к сцене – это был концерт на стадионе – однако среди многих сотен людей, стоявших впереди, у практически свободного танцпола, почти никто не выражал желания танцевать. Как это непохоже на ранние дни рок-н-ролла, когда публика в неистовстве разносила концертные залы и выплескивалась на улицы! Но особенно отличилось семейство в нескольких рядах передо мной: все, от мала до велика, с мелированными волосами и в новых дизайнерских джинсах, наплевав на певца, с увлечением фотографировали друг друга мобильными телефонами.

Присмотревшись, многие обозреватели заговорили о том, что современная культура выыхается. Еще бы ей не выыхаться: чем больше люди развлекаются, тем меньше они способны

удерживать внимание, об интересе к трансцендентному я уж не говорю.

Но и высокая культура проявляет не меньшее равнодушие: релятивизм сделал свое дело, и теперь все одинаково наделено смыслом, т. е. одинаково бессмысленно. Бурно восхищаться писателем, музыкантом, художником – значит прослыть наивным, инфантильным, причинить себе же конфуз. А уж если критику просто что-то понравится, это будет непростительное faux pas. В популярной культуре сыграла роль тирания «клевого». Слово другое, а смысл тот же: равнодушие подается как рафинированность, и, поскольку энтузиазм противопоказан равнодушию, он изгоняется.

Наряду с хроническим всеобщим равнодушием расстроилась и хроническая неблагодарность – естественное последствие для эпохи притязаний. Если мы на все заведомо имеем право, за что же благодарить? Но с благодарности начинается выход за пределы самого себя в мир и далее – в трансцендентное.

Что же такое трансцендентное? Под этим именем скрывается множество недостаточно четко очерченных, накладывающихся друг на друга понятий, верований и чувств, позиций и состояний, включая религию, мистицизм, ликование, радость, экстаз, юмор, восторг и так далее вплоть до скромного подвигничества и задумчивости и заканчивая изрядной порцией «маргариты» и танцем на барной стойке в субботний вечер.

Общее во всех этих переживаниях – возможность ускользнуть от самого себя, и к ней стремятся из высоких духовных побуждений (желание раствориться в Боге), или же влекомые более приземленным интересом (проветриться за выходные). Великий парадокс: наиболее острое переживание своего «я» дается именно в момент утраты этого «я». Трансцендентное состояние по определению может быть лишь весьма кратким. Выходить за пределы своей души или своих мыслей очень здорово, но небезопасно, и чем дольше пробудешь вне, тем труднее вернуться, иными словами, чем интенсивнее опыт, тем он короче. Отстраненная задумчивость может затянуться на несколько часов, экстаз, увы, прекратится через несколько минут

(впрочем, адепты тантрического секса пытаются продержаться дольше).

Состояние трансцендентности насущно, ибо каждому из нас необходимо время от времени избавляться от бремени самосознания. Этого освобождения человек искал с первобытных времен. В «примитивных» культурах – в самых разных уголках мира – совершаются удивительно похожие ритуалы: люди раскрашивают лица и двигаются вместе под ритмичную музыку²¹². Сложные хороводы и цепочки – наиболее распространенные рисунки этих танцев, так что когда мои свояки на «большой пирожке» пускаются отплясывать конгу, «хоккоки» или собирают «паровозик», я с удовольствием сознаю, что участвую в церемонии, которой уже по меньшей мере 10 000 лет. Западных наблюдателей часто смущала и даже пугала «отрешенность» пляшущих «дикарей»: казалось, нагнетается безумие, которое перейдет в оргию – однако на самом деле ритуалы тщательно планировались, исполнялись весьма дисциплинированно и целомудренно, причем лишь в определенные сезоны или праздники, как вознаграждение за усилия всей общины. Первобытное общество понимало, что трансцендентное даром не дается – экстазу нужно учиться, экстаз нужно заслужить.

В Европе ритуальный экстаз выплеснулся средневековыми карнавалами, но кальвинизм и Контрреформация, взявшись за него с двух сторон, жестоко с ним расправились. К XIX веку групповые танцы были напрочь вытеснены парными, а в конце XX люди приучились танцевать поодиночке, исполнять соло. Каждый сам себе шаман, у каждого своя пляска.

В Новое время единственным прибывающим трансцендентного оставалась религия, а в XX веке ей на смену пришло мирское учение социализма-интернационализма, однако верить в Утопию за горизонтом со временем стало так же трудно, как и в рай на небесах.

Выход есть: можно найти трансцендентному идеалу место не в вышине или в заоблачных далях, но в самом мире. Вернуться к пантеизму. Чтобы избежнуть гнева единобожников, пантеизм часто прикидывался версией монотеизма, однако по

суги своей это язычество. К примеру, суфизм, одно из течений ислама, укрепившееся в Персии на исходе I тысячелетия н. э., оправдывало пантеизм следующим рассуждением: Бог создал мир, чтобы открыться в нем, и сказал своему пророку: «Я был спрятанным сокровищем, и Я желал быть узнанным, посему Я сотворил мир»²¹³. Выходит, желание быть узнанным – не порождение современности, если Бог сотворил мир из желания сделаться главной его знаменитостью. Все в мире суфии рассматривают как Божье откровение, т. е. для них мир стал не просто заколдованным, но поистине божественным. Вдохновенный этой верой поэт Джалаладдин Руми неистовством поэтического куплета воссоздает танец дервишей, раскрывает волшебное в повседневном:

О сердце, – вскричал я, – блаженно пребудь,
Что в любящих ты проникаешь чертог,
Что смотришь сверх грани, доступной для глаз,
В извилинах скрытый находишь поток²¹⁴.

Пантеистом был и Спиноза, писавший: «Под Богом я разумею... субстанцию, состоящую из бесконечно многих атрибутов, из которых каждый выражает вечную и бесконечную сущность»²¹⁵. Кажется, слово «Бог» он вставил в эту фразу лишь для того, чтобы не ссориться с верующими. Поэты от Вордсворт до Рильке изобретали различные формы нерелигиозного пантеизма и таким путем приходили к самому что ни на есть энтузиастическому экстазу – ведь онисливались не просто с чем-то высшим, а со Всем.

Мне кажется, именно пантеизм обеспечивает самые интенсивные и продолжительные экстатические переживания. Не основать ли мне церковь пантеистов последнего дня? Нашими пророками станут Руми, Спиноза, Вордсворт и Рильке. Одно из преимуществ такой религии – ее серьезная, упорная трудность. Попробуйте-ка ощутить божественное присутствие в вестибюле многоэтажного здания или в «накопителе» аэропорта – а увидеть Возлюбленного в торговом центре по силам, мне кажется, лишь самому Руми. Мы понастроили множество

святыни для манихеев – вот где утверждается вера в падшее человечество, в мир, объятый вечной тьмой.

Наш век, конечно же, предпочитает прямой и короткий путь к трансцендентному – наркотики. Нейрофизиологи предупреждают: главная опасность наркотиков, «улучшающих настроение», – марихуаны, кокаина, героина, экстази – заключается в том, что они отнюдь не воспроизводят настоящий экстаз, а вызывают схожий эффект, усиливая или подавляя другие нервные процессы, и сбои ритмов могут привести к необратимым повреждениям мозговых структур²¹⁶. Краткое удовольствие – и долговременные неблагоприятные последствия. Так на физиологическом уровне подтверждается древняя истина: нет легкого пути в рай. Зато настоящий, заслуженный экстаз создает в мозгу новые прочные связи.

Другая популярная форма достижения трансцендентного – влюбленность. Считается, что она также обеспечивает экстатические переживания без особого труда, но и тут не все просто (подробности в главе 12).

Для меня, человека неверующего, высшим проявлением эйфории все же остается ликование, которое кажется мне прекраснее даже сексуального восторга, хотя в чем-то они схожи. К счастью, эти два вида трансцендентного вовсе не исключают друг друга, их удается порой пережить одновременно, и те, кому дана такая благодать, ухитряются мистически растворяться в цепи творения и тут же ощущать единство с Богом в раю и в вечности.

Однако ликование дается редко, ускользает, это один из тех видов возвышенного, осиянного опыта, к которому относятся и вдохновение художника, и то мистическое, хотя и не религиозное ощущение жизни, которое пытаются передать Джойс и Пруст, а также интуиция, разгадывание загадки, наитие. Этот опыт не вызовешь насильно, он сам обрушивается на тебя с небес, несет полную, безусловную ясность (не удостаивая при этом объяснением), и он, хоть и краток, невыразимо приятен. Редко и вроде бы даром дается нам такое счастье, хотя на самом деле этот с виду незаслуженный подарок является наградой за усердный труд и терпение. К художнику вдохновение

приходит как награда за годы ученичества и упражнений в ремесле. Озарение, внезапная разгадка – результат длительного, пусть порой и не на осознанном уровне, размышления. Интуиция – плод наблюдений и анализа опыта. Откровения в духе Джойса и Пруста – итог выработавшейся привычки пристального внимания к физическому миру. Но это все конкретный опыт, а бывает ведь ликование без явного содержания. Что же приуготовливает к нему разум, дарует восторг откровения как бы и без самого откровения? У меня есть гипотеза: разум награждает нас за несколько прошлых попыток – что-то вроде акции «купи-полдюжины-плюс-одна-бесплатно» для постоянного клиента. В подарок за усердие нас осеняет, казалось бы, на пустом месте. Как видите, и эту форму экстаза приходится зарабатывать.

Конечно, эра притязаний ищет тех же ощущений, но по-дольше и задаром. Американский нейрофизиолог Джил Боулт Тэйлор уже ухитрилась их получить, хоть и не совсем бесплатно²¹⁷. Однажды утром она проснулась в состоянии эйфории. Это было хорошо, а вот то, что при этом она оказалась частично парализованной и лишилась речи, было уже не столь радостно. Во сне Джил перенесла инсульт, который вырубил ее левое полушарие, однако не затронул правое. Левое полушарие функционирует линейно, анализирует прошлое и готовится к будущему, поддерживает в мозге постоянную активность, которая обеспечивает самосознание. Инсульт привел профессора Тэйлор в состояние естественной трансценденции – она вышла за пределы своего «я», поскольку часть мозга, отвечающая за «я», была отключена. Правое полушарие, которое до недавних пор вообще считали инертным и бесполезным, обрабатывает информацию не последовательно, а параллельно, обеспечивая текущим данным («сейчас») связность и смысл. Загружено это полушарие меньше левого, а к образованию новых связей склонно гораздо больше, потому-то правое полушарие и начинает производить мистические переживания, откровения, вдохновения, озарения, интуицию. А поскольку правое полушарие одновременно обрабатывает данные непосредственного окружения человека, «эврика» может, словно вспышкой, освещать

тить и сделать необычайно ярким и ясным также и внешний мир. По этой причине мистический опыт столь схож с вдохновением и озарением, и чем интенсивнее переживание, тем сильнее сопутствующий ему пантеистический восторг. Тэйлор описывала свою эйфорию как глубокое ощущение единства со всем миром.

Но по мере того, как левое полушарие начало в результате интенсивной терапии выздоравливать, оно вновь включило характерные цепочки негативных связей: тревогу, страх, зависть, досаду и гнев. Психологи убедились, что эти эмоции сильнее положительных. Однако Тэйлор твердо решила не отрекаться от обретенного ею блаженства, чувства единства с миром и сознательно боролась с подлянками левого полушария. Инсульт плюс опыт нейрофизиолога привели ее к тому же выводу, который стоики сделали за пару тысячелетий до нее: «Ничто внешнее не властно отнять у меня мир разума и сердца... Я не в силах полностью контролировать происходящее, но я полностью отвечаю за то, как я отношусь к своим переживаниям»²¹⁸. Джил разрешает инстинктивным реакциям «мозга рептилии» длиться столько, сколько им отведено природой – не более девяноста секунд, – а затем анализирует их, отрешается от них и не позволяет им завладеть всем мозгом. Когда, поправившись, она пыталась научить этой технике своих студентов, те стали жаловаться, что анализ и отрешенность требуют слишком больших душевных усилий. Ну да, наш век избегает трудностей.

Сама реакция Тэйлор на постигшую ее болезнь – классический пример стратегии стоиков: извлекать преимущество из всего, что случается. Наверное, из всех жертв инсульта Джил – единственная, ухитрившаяся еще и порадоваться такому опыту. Но можем ли мы освободить правое полушарие иначе как парализующим все тело ударом?

Один из возможных путей – медитация. Сканирования мозга, неоднократно проводившиеся во время медитаций, подтвердили, что этот процесс усиливает активность префронтальной коры, «главного диспетчера», ответственного за внимание и сосредоточенность, и снижает активность левого полушария

мозга²¹⁹. Однако повышенной активности правого полушария не отмечалось (хотя сами созерцатели заявляли, будто у них обострялось восприятие окружающей обстановки). Вероятно, это происходит потому, что при медитации человек сосредотачивается на одной точке – некоем образе, мантре, собственном дыхании – и подавляет неугомонное «я» левого полушария, однако это еще не позволяет освободить мечтателя и сновидца, заключенного в правом полушарии. Для озарений и наитий сверх медитации требуется еще нечто – не только заткнуть приставалу, но и поощрить провидца. Когда я решу сделаться гуру и сколотить на этом состояние, я разработаю соответствующий ритуал и назову свою технику трансцендентальным размышлением (ТР).

Поскольку трансцендентности сопутствует ощущение единства со всем, что здесь и сейчас, вероятно, справедливо и обратное, т. е., сосредоточившись на своем непосредственном окружении, мы сможем вознестись. Это путь авторов, подобных Прусту и Джойсу.

Для чересчур активных людей, а также для тех, кто питает недоверие к мистике и художественному, остается иной способ достичь нирваны – поглощенность неким занятием.

Американский психолог Михай Чиксентмихайи ввел понятие «поток» для обозначения того глубоко радостного душевного состояния, которое достигается длительной интенсивной сосредоточенностью на сложной задаче, требующей высокого мастерства²²⁰. Этот опыт переживается в самых разных сферах деятельности: на спортивных тренировках, при восхождении на гору, при выполнении профессиональной работы, во время игры на музыкальном инструменте, в художественном творчестве, втанце, вбоевых искусствах и всексе. Этот феномен хорошо известен и представляет собой очередной случай счастья как «побочного продукта», возникающего на путях к иной цели.

Этот вид трансцендентного, как и все прочие, тоже приходится зарабатывать. Сначала требуется развить навык – медленно, сталкиваясь снеудачами. Мгновенного удовлетворения не будет, а может быть, не будет вообще никакой награды – скажем, ученик не обладает соответствующими способностями

или ему не хватает дисциплины. Но когда навык достигнет автоматизма, чудо может произойти – столь полное поглощение, что «я сам», время и пространство исчезнут. «Я» растворяется – на долгие часы, порой даже на сутки, – и происходит нечто необычное: работа совершаются не просто без усилий, но как бы *сама по себе, автономно*. Не человек контролирует работу, но работа совершается сама и берет верх над человеком. Музыкальный инструмент играет сам по себе, сам собой наносит удары меч, стихотворение пишется само, и танцор не танцует, но позволяет музыке овладеть своим телом, и влюбленные не принимают те или иные позы, но позволяют движению Вселенной увлечь их за собой.

Тут есть парадокс, и не один. Требуются серьезные усилия, чтобы достичь состояния, когда все дается без усилия, нужна интенсивная сосредоточенность, чтобы полностью отрешиться, нужно добиться полного контроля, и тогда, наконец, можно будет отказаться от контроля. Более того, лишь человек, полностью владеющий собой, сумеет полностью передоверить свое «я». Вот главный парадокс: чем сильнее самосознание, тем выше восторг, когда удастся, наконец, сбросить тиранию «я».

Как и медитация, «поток» есть полная и упорная сосредоточенность внимания. «Внимание» – ключевое слово для Чиксентмихайи и для дзен-буддизма. Кстати, и слово «поток» знакомо дзен-буддизму. Тайтаро Судзуки приводит совет, который мастер меча Такуан давал новичкам: «Этот совет касается прежде всего умения держать ум в состоянии «потока»: стоит ему на чем бы то ни было остановиться, и поток прерывается, что наносит уму вред. Для мастера меча это означает смерть»²²¹.

Постоянная или возобновляемая сосредоточенность на сложной деятельности порождает или усиливает активность мозга. Наслаждение, доставляемое «потоком», столь велико, что забываются приманки власти, статуса и славы, и главная приманка нашего века – пассивные развлечения; возникает желание пережить такое же удовлетворение в других сферах деятельности. Вот почему физики-теоретики любят играть на тамтамах.

Нужно осознать, что награду мы получаем за внимание и за преодоление трудностей. Исследуя подростков, Михай Чиксентмихай обнаружил, что наименее склонные к «потоку», проводящие время перед телевизором и в торговых центрах, менее других и удовлетворены, а те, кто усердно учится или занимается спортом, показали высокий уровень удовлетворенности по всем критериям – нет, по всем, кроме одного: все-таки этим ребятам кажется, будто оболтусы и лежебоки получают от жизни больше удовольствия. От тирании «клевого» не уйдешь, и счастливые не сознают своего счастья. Поворчу еще малость: молодежь, как всегда, не ценит то, что имеет.

А вот я прямо-таки затрепетал от восторга, прочитав в другом исследовании Чиксентмихай: чем сложнее и дороже оборудование, тем меньше удовольствия получают люди от своего хобби. Бог правду видит! От ходьбы и танца, когда основным «инструментом» нам служит собственное тело, мы получаем больше всего радости. От ходьбы и танца, от четкого, размеченного или быстрого ритма, прозы или поэзии тела.

Смиреннейшее занятие человека, ходьба, также вполне эффективно готовит сознание к экстазу. Существует теория, будто разум человека смог развиться лишь благодаря двуногости: когда наш предок поднялся на задние лапы, передние освободились для жестикуляции, постепенно выработался язык знаков, а затем и речь, когда же человек заговорил словами, эта новая деятельность способствовала быстрому увеличению размеров мозга. После чего мы уселись на попу и перестали пользоваться ногами, а если найти занятия для всех четырех конечностей, если гулять и общаться – то-то ракетой взлетит к небесам наш освобожденный разум.

Ницше, учитель экстаза, до фанатизма обожал прогулки. И тот, кого Ницше мечтал ниспровергнуть, – Христос – тоже учил на ходу. Иконы представляют нам Христа стоящим или сидящим – как на «Тайной вечере» Леонардо да Винчи – и это не верно: хорошему учителю некогда присесть. Он странствует, обходя свою паству, здесь скажет слово утешения, там – ободрит. На иконах даже Нагорная проповедь изображается статично – печальные очи, покорно простертые руки. То ли

дело фильм Паоло Пазолини «Евангелие от Матфея»: Христос бурей несется вверх по холму, бросает через плечо на ходу сочиненные заповеди блаженств, ученики едва поспеваю за ним – и физически, и духовно. Нагорная проповедь должна прозвучать не с вершины горы, а по пути на гору.

Ницше гулял по шесть, по восемь часов в день и глубочайшие наития осеняли его именно на прогулке. «Я бы поверил только в такого Бога, который умел бы танцевать»²²², – писал он и сожалел, что сам не зажигает: «Только в пляске умею я говорить символами о самых высоких вещах – и теперь остался мой самый высокий символ неизреченным в моих телодвижениях!»²²³ Ницше именовал себя последним учеником Диониса, увенчанного рогами бога экстаза, первого повелителя танца, возглавлявшего древние ритуалы под различными именами – Вакха, Пана, Фавна, Осириса и Шивы. Дионис (мы, в Ирландии, звали его Сатаной) как-то раз (дело было в 1960-х) появился и поблизости от моего родного города. Наведался он, само собой разумеется, в танцзал. Заурядная субботняя ночь вдруг преобразилась с появлением невероятно красивого незнакомца в черном, который легко, небрежно, даже как будто лениво исполнял любые коленца. Все женщины только и мечтали стать его партнершами, и он, конечно же, выбрал самую красивую. Он плясал с ней всю ночь, и девушка, завороженная, охотно последовала за ним под утро, и лишь тогда, на пороге, при бледном свете занимавшегося дня, разглядела вдруг *казье копыто*, верный признак сами-знаете-кого. Слушая в детстве эту историю, я дивился, почему существо, способное придать себе внешность Кэри Гранта, нарядиться не хуже Джонни Кэша и двигаться с пластичностью Элвиса, не может получше замаскировать дурацкое копыто. В древние времена женщина только обрадовалась бы при виде безошибочной приметы бога и с охотой последовала бы за Дионисом в лес, но ирландка 1960-х с воплями кинулась домой, а танцевальный клуб закрыли.

Более всех прочих мыслителей Ницше стремился к трансцендентному всеми способами: живость, опьянение, радость, ликование – все привлекало его, в этом были и его сила, и его слабость. Если сравнить нашу жизнь с шипучим напитком, то

Ницше и будет шипучкой, тоником в джин-тонике (Шопенгауэр – ломтик лимона). Ницше пузырится и переливается, танцует и скачет, а когда газ выдохнется, не остается ничего. Его не удержишь, не используешь. Если у Ницше имеется какая-то полезная роль, то он – ненаркотический улучшитель настроения, он мыслитель, которого надо не изучать, а вдыхать (да-да, словно кокаин). Он и сам прибегал к книгам, будто к строго рецептурному средству, не учился, а возносился. Знаменитая его книга «Воля к власти» (название выбрано не автором, но его издателями, посмертно) представляет собой такую форму личного и личностного опьянения: «Человек чувствует свое могущество, или, как говорят, свое “счастье”...»²²⁴. «Чувствует свое могущество» – это ключевые слова. О чувстве власти я читаю в книгах Ницше десятки раз, но ни разу не заходила речь о *владении властью*, тем более – об ее *применении*. Напротив, Ницше с презрением относится к тем, кто ищет земного превосходства: «Все они хотят достичь трона: безумие их в том – будто счастье восседало бы на троне! Часто грязь восседает на троне – а часто и трон на грязи»²²⁵. Он презирал тех, кто боролся за власть над своими собратьями, и превозносил святых и аскетов, кто стремился к власти *над собой*. Ницше искал трансцендентности как сугубо личного события.

Главной его ошибкой было желание превратить кратковременное состояние в вечное. Он сошел с ума – если не от эйфории, то уж точно в эйфории. Бог, которого Ницше списал со счетов, позабавился за счет сверхчеловека: тот, кто лучше всех умел смеяться и развенчивал жалость, под конец жизни в слезах обнимал на улице забитую, умирающую лошадь.

Не стоит забывать: Ницше часто актерствовал, пытаясь шокировать «филистеров», а со времен маркиза де Сада лучшим способом шокировать считалось воспевание жестокости. Вот только настоящие садисты не склонны к публичным признаниям, и когда мы говорим, что человек притворяется, это означает, что он притворяется кем-то или чем-то другим, а не самим собой. Нацисты, которых якобы вдохновлял Ницше, никогда не похвалялись жестокостью, они предпочитали роль благодетелей человечества. Опасно играть роль перед наив-

ными – они принимают тебя всерьез. И такое недопонимание Ницше тоже предвидел: «Бывает заносчивость доброты, имеющая вид злобы»²²⁶.

Подобно мастерам дзена, Ницше побуждает своих учеников к бодрствованию коанами – парадоксами, алогичностью, неожиданностью, потрясением. Один из самых знаменитых коанов приписывается Лин Чи: «Если встретишь Будду, убей его». Иногда дело не ограничивалось умственной встряской. Я бы с удовольствием привел собственных студентов в чувство с помощью коана Току-саны: «Тридцать ударов палкой, если тебе есть что сказать, тридцать ударов, если тебе нечего сказать»²²⁷.

У Ницше – единственного среди западных философов – имелось главное буддийское свойство, вкус к жизни, и уже ради этого его стоит читать и перечитывать. Впрочем, «ранним утром, в начале дня, во всей свежести, на утренней заре своих сил читать книгу – это называю я порочным!»²²⁸ «Порочным» в самом конце вкусного описания звучит так неожиданно, так совершенно, что порождает редчайшее из читательских чудес – радостный хохот над книгой.

Вкус к жизни, который я причислил к низшим формам трансцендентного, представляет собой скорее отношение, чем состояние, а потому его можно в себе выработать. Начинать нужно с отрешенности, а затем достичь той парадоксальной вовлеченностии, слияности с миром, которая возможна лишь благодаря отрешенности, пробудить в себе любопытство, внимание, анализ. Вкус к жизни – это любовь к миру без приятия навязанных миром ценностей, напротив, все важное мира кажется в этом свете смешным. Это всепереворачивающий юмор, праздник абсурда человеческого существования, иронический поклон неисчерпаемому комическому, космическому гению – Богу.

Воплощением этого юмора жизни служит Пак из «Сна в летнюю ночь», посредник между уморительно скандальными эльфами и столь же уморительно скандальными людьми. Пак – слуга, исполнитель чужих поручений, сам он практически ничего не решает, и, как это обычно бывает с мелкими

служащими, ему не сообщают подробностей, но ругают, если выходит не то. Однако Пак не жалуется: в отличие от современных ворчунов, он с готовностью трудится сверхурочно, пошешаясь над человеческой глупостью («Слабый разум смертным дан!»²²⁹) и всеобщей пуганицей («Я люблю, когда кругом / Все крутится кувырком»²³⁰).

Пак – ироничный и изощренный «владыка буянов», предводитель средневекового карнавала, чья задача как раз и состояла в издевательстве, пародировании установленного порядка. Насмешка и сатира присутствуют во многих ранних экстатических ритуалах. Так, издавна веселье возносило человека в трансцендентные сферы и непочтительный юмор был тем облаком, на котором человек возлетал во области заочных.

Откуда взять эту живость? Ищите ее в искусствах малых форм – в философии она встречается редко (если не перейти от трактатов к афоризмам, как поступил Ницше), в романах тоже нечасто (хотя Терри Сазерн в повести «Чудо-христианин» делает главным героем истинного «владыку буянов» нашей эпохи – проказника-миллиардера Гая Гранда).

В поэзии и в джазовой музыке живость ощущается непосредственно, тем более что и то и другое основано на ритме. Непринужденная прямота и лаконичность хороших стихов и джазовых песен придают им видимость простоты, можно подумать, такое любой сочинит, вот все и пытаются, а в результате поэзия и песни на 99 процентов превратились в удручающий вздор. Сколько времени и сил уходит на откапывание жемчужины из навозной кучи!

Особенно трудно стало найти настоящие джазовые соло. Эти поиски привели меня в легендарный нью-йоркский клуб – скорее, я отправился в паломничество к былым святыням, чем в самом деле надеялся обрести вдохновение. Ничего вдохновляющего в облике клуба и не было – темное, сырое подвальное помещение, с бессовестной наценкой там продавали вино, отдававшее антифризом и уксусом. Музыканты – обрюзгшие и разочарованные негры средних лет, от них требовалось дважды за вечер (и трижды по выходным) импровизировать и удивлять публику. Кому такое по силам? Они играли кое-

как, иронически-насмешливо отбивал такт седой барабанщик, игравший некогда с великими покойниками, а теперь таким вот способом зарабатывавший себе на хлеб. Немногочисленная белая аудитория проявляла так же мало энтузиазма, как и сам ансамбль, отвечавший усталыми поклонами на жидкие хлопки. Жизнь есть жизнь. Делаем, что можем. Справляемся, как умеем.

Но под конец последнего номера один из саксофонистов вдруг выступил вперед, расставил ноги, набрал в грудь воздуха и, приподнявшись на цыпочках, подул изо всех сил – громко, насмешливо, неистово, *сверх меры*. Словно электрический удар вывел всех из состояния ленивого всезнайства. Наша привычная дрема – не жизнь. *Вот* жизнь – неожиданная, сложная, с капелькой азарта, щепоткой бахвальства.

Публика взорвалась искренним восторгом, но музыкант ничего не слышал. Он рухнул на банкетку и прислушивался лишь к тем аплодисментам, что поднялись изнутри, в его сердце. Но, может быть, он почувствовал, как старый барабанщик, чье лицо до той минуты оставалось неподвижным, словно высеченным из скалы, перегнулся и легонько постучал палочками по его плечу.

ЧАСТЬ IV

Последствия

Абсурдность работы

В тускнеющем вечернем свете группка людей торжественно становится в круг, выдерживая дистанцию примерно в метр друг от друга, и с ожиданием смотрит на своего руководителя — тот берет в руки большой моток шпагата и, удерживая свободный конец в руке, перебрасывает клубок одному из членов группы со словами: «Майк, ты сегодня предложил отличную идею». Майк хватается за веревку (связь установлена) и кидает «мяч» дальше: «Джо, ты замечательно выступил». Джо тоже хватается за шпагат и с подобающими комплиментами передает моток Крису. Уменьшаясь в размерах, зато обрастая хвалой, моток переходит от Криса к Джил, от Джил к Дейву, к Сью, Бобу, далее к Джен и Заку и так, пока последний в цепочке не вернет его лидеру и тот зажмет в каждой руке по кончику шпагата, словно вожжи, с гордостью оглядит переплетающиеся нити — наглядное воплощение товарищества среди его подчиненных — и скажет радостно: «Как мне повезло с такой замечательной командой!»

Ритуалом «паутины» завершается церемония «проводов дня». Таковы обряды современной религии работы — сравнительно недавно она присоединилась к основным мировым конфессиям, но с огромной скоростью набирает приверженцев — растет и число фундаменталистов.

Нигде человек так не нуждается в отрешенности, как на рабочем месте. Но именно здесь ее труднее всего достичь, ибо он приходит на работу, чтобы платить за дом и машину, за обе-

ды в пафосных ресторанах с большими тяжелыми ложками и накрахмаленными салфетками, за отпуск в Провансе, на вилле, утопающей в цветах бугенвиллии. Что бы он делал, если бы не работал? Грел бы руки у костра вместе с побродяжками? Человек посвящает работе уйму времени и сил и нуждается в пропорциональной отдаче, а потому склонен переоценивать своих коллег, саму работу и собственный вклад. Легко податься самообману: я – незаменимый участник превосходной команды классных ребят, и все мы отлично справляемся с нашим важным делом.

Величайшей победой новой мировой религии стало то, что она добилась от людей послушания, полностью избавив их от осознания собственной покорности: когда-то люди работали, чтобы жить, теперь работа и *есть* жизнь. Как покупки, путешествия, информационные технологии, работа из средства превратилась в цель. Работа дает человеку статус и идентичность – и поглощает его целиком. В прошлом осталось представление о скучной повинности, обеспечивающей веселую жизнь, – теперь работать рвется каждый. Короли и президенты, наемные убийцы, священники, поэты и проститутки – все утверждают, что они обычные работяги и просто выполняют свои обязанности. Новая религия укрепляет свои позиции, и смешными кажутся пророчества XX века, будто развитие технологий обеспечит нам всем досуг. Даже пугались – как люди распорядятся таким избытком свободного времени? Ханна Арендт печалилась о будущем трудового сообщества, лишенного рабочих мест. Подумать только, в Средние века люди работали всего несколько дней в неделю и неполный год, а ныне в большинстве американских и английских корпораций установилась 70-часовая рабочая неделя с одним коротеньким отпуском. Эрих Фромм справедливо заметил: «В истории нет другого периода, когда свободные люди столь полно отдавали свою энергию единственной цели – работе»²³¹.

Успех религиям, как правило, обеспечивает благостный патернализм: в обмен на свою свободу человек получает иллюзию любви и заботы и обещание удовлетворить все его нужды. Корporации превратились в маленькие вселенные с собствен-

ными магазинами, кафе, барами, ресторанами, тренажерными залами, парикмахерскими, медицинскими и массажными кабинетами. Работа – новая дикарская община, где каждый получает и дело, и статус, и все необходимые услуги, и разнообразнейшую социальную жизнь, и – массу удовольствий!

«Братское» общество не может существовать без социальных сетей, а работа и есть готовая социальная сеть. Зачем искать друзей где-то еще, зачем искать в другом месте любовь? Табу на романтические отношения внутри компании отменяется. По данным сайта вакансий CareerBuilder, заметно сократился процент сотрудников, старающихся держать свои интрижки с коллегами втайне: «Все слыхали изречение “Не макай свою ручку в рабочую чернильницу”, но для нынешних корпоративных работников это уже вчерашний день».

The New York Times публикует типичную рождественскую историю: «Вскоре после того, как прошел слух о нежных отношениях Сары Кей и Мэтта Лэкса, мисс Кей вызвали в кабинет директора по кадрам. В прежние времена подобное приглашение означало бы, что роману конец, и даже карьера обоих служащих оказалась бы под угрозой, но, как радостно отчитывается 29-летняя Сара Кей, директор по кадрам отечески молвил ей: “Мы все очень рады, что у вас появился друг”»²³².

Никто, похоже, теперь не скажет, что коллег мы не выбираем и что, если бы мы познакомились с теми же самыми людьми вне работы, мы бы, скорее всего, повернулись к ним спиной. Рабочая среда создает определенную личину – приветливого и поверхностного, бодрого, общительного, шутливого человека. Этот новый человек и зовется не так, как прежде, – односложные клички уместнее всего: теперь бок о бок трудятся Джо, Крис, Джил, Дэйв, Сью, Джен и Зак. Меня, разумеется, давно уже кличут Майком. Новые имена (как у принимающих постриг) означают отречение от прежней личности и полное принятие обычав и ценностей новой общины. Подобно сестре Перпетуе и брату Бенедикту, я возродился в образе коллеги Майка, разве что, в отличие от религиозного возрождения, для этого еще не придумали обряд и никто не объявлял официально: зваться тебе с сего дня Майком. Меня вроде бы

никто и не заставлял, едва ли кто-нибудь, кроме новоиспеченного «Майка», заметил, как это произошло. Прекрасный пример «анонимной власти». Сопротивляться невозможно, ведь нет ни приказа, ни источника власти, против которого воссташь. Несколько месяцев я, как мог, пытался не превратиться в «Майка», и все же сдался. Теперь даже вижу в том пользу: это имя не дает забыть, что у меня – две разные личности.

Роман Николсона Бейкера «Бельэтаж» с удивительной точностью воспроизводит атмосферу современного офисного здания – огромного корпоративно-анонимного пространства, где обитают люди, для которых дружелюбие обернулось мучительным беспокойством:

«В офисе всегда присутствует остаточная группа людей, с которыми ты еще не знаком и не шутишь о погоде; этот остаток постепенно уменьшается, и Боб – один из последних его представителей. Его лицо мне настолько примелькалось, что нынешний статус незнакомца приводил в замешательство, и уверенность, что мы с Бобом следуем встречными курсами, он – вниз, а я – наверх, и обречены разминуться на середине, в двадцати футах над полом гигантского, похожего на склеп вестибюля из красного мрамора, где нам придется скрестить взгляды, кивнуть и что-то пробормотать, или упорно смотреть в пустоту... эта уверенность переполнила меня отчаянием и отвращением»²³³.

Принуждает к послушанию и то, что все сотрудники все время видны как на ладони. Новые офисы строятся с открытой планировкой, в лучшем случае – с прозрачными перегородками, так что насладиться приватностью можно разве что в уборной (но и там дверцы срезаны внизу и вверху, чтобы слишком-то не уединялись). Для Бейкера последним приватным местом остался офисный лифт, и его персонажи стараются выжать по максимуму из этой почти незаконной роскоши:

«Одни кабины были переполнены, в других, как мне представлялось, стоял один пассажир, переживая момент редкостного уединения – в сущности, большего, нежели уединение в кабинке офисного туалета, поскольку в лифте можно говорить во весь голос, петь и не бояться, что тебя услышат. Л. рас-

сказывала мне, что изредка, оставаясь одна в лифте, она задирает юбку на голову. Я поверил, потому что во время одиночных поездок в лифте притворялся, будто натыкаюсь на стены, как заводная игрушка, сдирил с лица маску из латекса, изображал вопли агонии, указывал на воображаемого собеседника и цедил: «Слыши, приятель, сейчас вобью тебе кадык в глотку, поал? Ну, *смотри!*»²³⁴.

Безусловно, изолированные кабинеты безнадежно устарели. Теперь на рабочем месте человек не может остаться один, не на виду, и ему негде питать свое внутреннее «я» размышлением. «Думать» на рабочем месте столь, простите за каламбур, неуместно, что задумчивое выражение лица стало признаком не мечтательности, а жизненных тревог. Уединяться (даже внутри себя) столь «неправильно», что коллеги решат – наверно, у него горе.

Мир, к которому принадлежит работающий человек, стремится к максимальной открытости и жажду приватности воспринимает как нечто архаическое или даже извращенное, как будто человек запирается лишь затем, чтобы мастурбировать над детской порнографией, а то и похуже. Неужели он читает?! Был такой простенький, но симпатичный сюжет у Джошуа Ферриса в романе «И не осталось никого»: последний застойный читатель приезжает на работу раньше своих коллег, ксерокопирует библиотечную книгу и весь день проводит за своим столом, читая стопку бумаг, которая выглядит словно рабочие документы²³⁵.

Но и таким персонажам все труднее уйти от разоблачения. Ревностные сотрудники безопасности следят, чтобы стеклянные перегородки не обклеивали календарями, постерами и даже напоминаниями. Ваши же сотрудники ханжески донесут на вас: правила безопасности достаточно мелочны и категоричны, чтобы привлечь мелкие душонки.

У меня вышла дивная беседа с сотрудником безопасности, когда я выходил из ремонтируемого здания. Он преградил мне путь и заявил:

– Вы не имели права пользоваться этим выходом. Существует угроза падения сверху строительных материалов.

— Ну что ж, — отозвался я. — Как видите, я вышел и остался невредим.

— Нет-нет, вы должны вернуться в здание и выйти через *предписанный выход*. Там внутри есть указатель. — И он подался вперед, оттесняя меня обратно к двери.

— Постойте, я вас правильно понял? — Я улыбнулся широкой улыбкой идиота. — Чтобы уберечь меня от падающего сверху строительного мусора, вы приказываете мне *вернуться обратно в здание под градом этого самого мусора?* Или я чего-то недослышал? — И я растянул губы в совсем уж безумной ухмылке.

Продолжительная пауза.

Наконец, охранник произнес:

— Назовите ваше имя и личный номер.

Еще один источник давления — корпоративные мероприятия. Как будто недостаточно видеть коллег целыми днями на протяжении рабочей недели, нужно еще и в выходной укреплять связи, дружно исследуя какую-нибудь заброшенную шахту. Начальство непременно организует «выездную конференцию», за немалые деньги снимет для этого помещение, добраться до которого намного труднее, чем в будний день на работу, так что все обзаводятся картами и расписаниями электричек, тратятся на бензин или билеты, чтобы в итоге оказаться в конференц-зале — точно так же, как в своем офисном здании: тот же опускающийся из-под потолка экран, те же плакаты с загнувшимися от старости уголками, то же компьютерное оборудование, и стол президиума, и те же выступающие, те же любители поговорить. В новой трудовой религии постоянные выступающие — эквивалент верных прихожан, занимающих передние ряды в церкви. Работа — святилище современного фарисея.

Единственное, чем украшена «выездная конференция», так это бесплатным ланчем, но и еда все та же, удручающе знакомая: крохотные пресные сэндвичи, азиатские закуски (для экзотики) и, конечно же, поднос со свежими фруктами — ломтики арбуза, ананаса и две клубничины, которые никто не решается взять себе. И все так же сидит за компьютером руководитель

«команды», что-то настраивает перед докладом и восклицает, закатывая в восторге глаза: «Ох, как здорово-то вырваться на денечек!» Суть этих поездок — иллюзия, будто никто из нас не превратился в раба на галере, во всем мире царит радостная гармония и *это на самом деле*.

Вторая половина дня тянется бесконечно, вы отваживаетесь даже съесть одну из двух сиротливых клубничин, большая команда разбивается на группы поменьше для кратковременных «сессий», задача которых — определить Сильные, Слабые стороны коллектива, его Возможности и Риски. Каждая группа составляет собственный список и возвращается с ним на второе пленарное заседание.

Очередная презентация, какой-то полный энтузиазма новичок наклоняется к моему уху и спрашивает (с искренним интересом, клянусь!): «А что они потом сделают с этими отчетами?»

Мини-слойки подъедены, какая-то сволочь умоляла даже вторую клубничину, кофе чуть теплый и гадкий, а впереди еще проклятая «паутина», так что я без особых изысков отвечаю: «Подотрутся».

Юноша откидывается на спинку своего сидения, до глубины души потрясенный моей грубостью.

Говорят, будто мы живем в цинические времена, однако на работу цинизм ни в коем случае не распространяется. «Мы не испытывали особой приязни к циникам»²³⁶, — признается герой-рассказчик в романе Джошуа Ферриса. Так что даже кротчайшее сомнение в пользе выездных конференций, административных собраний, а также игр с мотком шлагата воспринимается как предел цинизма. И как будто бы никого не пугает перспектива просидеть всю жизнь в застекленном или вовсе не отгороженном стойле, думая лишь о том, чтобы в по-чтовом ящике не скапливалось больше пятисот неотвеченных сообщений. Нытье ноют — и по поводу больших объемов работы, и насчет недостаточной поддержки сотрудников, ошибок руководства, и т. д., но даже нытье ритуализируется и никому не мешает, ведь это все — без обид. Нытье — то же дружеское подшучивание: какая у нас, в сущности, прекрасная команда!

Мы незаметно приспосабливаемся, и улавливаем это лишь изредка. К примеру, на работе я пью дешевый растворимый кофе, а дома прилежно мелю французские бобы и на итальянской машинке готовлю себе правильный напиток с толстым слоем сливок. На работе растворимый кофе вроде бы не так уж противен, и как-то раз, когда под рукой не нашлось кофе в зернах, я решил сделать себе такой же и дома – его невозможно было пить. А утром за рабочим столом он вновь оказался вполне сносным. Значит, даже мой вкус на работе утрачивает изощренность и сложность.

Проблема в том, что работа требует от нас не только определенной деятельности, той самой, за которую нам платят, но создания упрощенной личины и постоянного ее поддержания, *постоянной ролевой игры*. Вот почему, сталкиваясь с коллегами вне рабочего места – даже в обеденный перерыв – удивляешься, какие они вдруг стали жалкие, вроде бы и ростом меньше, и стараются скорее пробежать мимо. На полчаса они отключились от источника энергии, пропали искусственные вибрации, осталась пустая оболочка. Самое страшное, что мы играем, не осознавая притворства, мы уже принимаем все это за истинную сущность, тщательно подавляем в себе любые негативные реакции на происходящее. Не потому ли вполне профессиональные люди с хорошо оплачиваемой и вроде бы удовлетворявшей их работой вдруг впадают в депрессию? Утрачивая самоидентичность, мы растворяется в группе, и маска прирастает к лицу. Ребята в рекламном агентстве Джошуа Ферриса прямо-таки обожают друг друга («Большинству из нас нравились почти все остальные»), все они умные, креативные, юморные, энергичные, и все они сидят на антидепрессантах («Мы боролись с депрессией... Мы принимали душ сидя, а по выходным не могли выбраться из постели. Наконец, мы проконсультировались с отделом персонала касательно возможности обратиться к врачу, и врач прописал нам лекарства»).

Как-то раз я набросал список курсов, которые действительно требуются профессионалам для успешной карьеры. Я бы предложил четыре базовых модуля:

1. Профессиональный юмор.
2. Теория и практика профессионального подлизывания.
3. Неология.
4. Менторство.

Профессиональный юмор, или попросту ПЮ – более изощренная форма профессионального ку-ку, главный навык, который требуется от новичка, некая универсальная смазка, позволяющая сразу же проникнуть во внутренний, привилегированный круг. Непривычному человеку тут с ходу не разобраться: хотя любую шутку приветствует дружный смех, забавного в этих подначках вроде бы ничего и нет. И это правильно, ибо ПЮ на самом деле не юмор, а клоунада, его назначение – не разобраться с реальностью (в этом главная функция юмора), а уйти от нее. Основная форма шутки для ПЮ – видимость бунта при полном его отсутствии.

Старослужащий (*оглушительно ревет*). Вы хоть стараетесь, сэр?!

Новичок (*неуклюже, сказывается отсутствие курса ПЮ*). Да...

Старослужащий (*еще громче*). Господи, зачем?!

Звучать это должно жутко крамольно и одновременно совершенно безобидно.

Первый коллега. И вот я отправился на эту конференцию...

Второй (*с недоверием в голосе*). Вас что, туда пустили?

Третий (*с еще большим недоверием*). Мы что, вас отпустили?

И все собрание хохочет, но громче всех – Первый коллега.

Профессиональный юмор представляет работу как немыслимый хаос, который удается вынести лишь благодаря бодрости и живости ума сотрудников. От младших членов команды наконец-то есть польза – они украшают свои рабочие места (*не стеклянные перегородки*) лозунгами в духе ПЮ:

- Чтобы здесь работать, не обязательно сходить с ума – но это плюс!
- Благословенны треснувшие пополам, ибо сквозь них проходит свет!
- Дела плохи, шлите шоколад!

Я прилежно собирал эти изречения, хотя больше всего мне нравится вот какое: «Пятница выручит только Робинзона, а нам еще работать!»

Лучшим пособием по ПЮ станет книга «Эффект левитации: почему легкость окупается», авторы – консультанты по мотивации персонала Адриан Гостик и Скотт Кристофер. Гостик дает определение «левитации»: «Больше легкости, скорее умение быть забавным, чем умение забавлять»²³⁷. Задача – организовать все так, чтобы «работать с легким сердцем». В качестве дополнительного чтения я порекомендую своим студентам книгу «Рыба! Отличный способ улучшить настроение и показатели». Это пособие учит достигать легкости с помощью метода, издавна применяемого рыботорговцами Сиэтла: они поднимают свой моральный дух, швыряя друг в друга рыбой²³⁸. Для офиса настоящая рыба, пожалуй, слишком вонюча, но можно предложить корпоративный эквивалент: мягкую игрушку «Крошка Окунь».

Профессиональный юмор сам по себе для кого-то становится карьерой. В некоторых организациях уже появились менеджеры и целые команды по «левитации», как, например, в рекламном агентстве Irish North America, которое обзавелось «отделом улыбок» и возложило на него обязанность «поддерживать всеобщее благоприятствие и устраивать волшебные импровизации».

Модуль теории и практики профессионального подлизывания будет главным образом посвящен искусству лести – как и ПЮ, это штука более сложная, чем кажется на первый взгляд. Многие думают, что уж целовать босса в попу умеет каждый. Но ведь босс давно уже научился отличать высококачественную лесть, он получает ее в больших дозах ежедневно, и продукт низшего качества вместо благодарности вызовет скорее

недовольство. Помните, лесть – это искусство. Прежде всего, требуется внимание, вдумчивость и даже чуткость, чтобы определить, какой именно сорт лести подходит данному боссу. Далее, нужны деликатность и такт, чтобы выбрать подходящий для преподнесения лести момент, а еще определенные языковые навыки, чтобы оформить лесть «под клиента», и навыки ПЮ, чтобы подать лесть как шутку, легкую болтовню. Все это необходимо для той лести, что направляется на вышестоящих, однако по нынешним временам столь же важно льстить и нижестоящим. Боссы часто допускают ошибку, прибегая к голой силе, однако в современной корпорации, где все друзья, лесть стала гораздо эффективнее приказа или угрозы. Чем командовать, умный босс добьется гораздо большего, ломая руки и горестно причитая: «Майк, мне так неприятно тебя нагружать, но это важно, а *больше никому я не могу это доверить*». Так подпитывается важнейшая для служащих иллюзия – иллюзия собственной незаменимости. Рассказчик у Ферриса признает: мол, каждому нравится думать, будто без его повседневного вклада все дело пойдет к чертям. По правде говоря, незаменимых людей нет: любой наемный работник будет замещен и забыт так же быстро, как безымянные рабы – строители пирамид.

В-третьих, я предлагаю курс неологий – искусства создавать и использовать новые слова, названия, конструкции фраз. Сей навык необходим во всех сферах жизни, а для начала я окрещу самих специалистов по этому искусству: мои студенты будут зваться неологами. Как полезно бывает ошеломить собрание высказыванием в духе неологий: «Настала пора дружно покинуть свои каморки и поискать новые возможности синергии и перекрестного опыления». Синергия и перекрестное опыление – самые любимые ныне в корпорациях слова, ибо они подразумевают новые (неологические) формы сотрудничества, общения и взаимодействия. «Наша организация бурлит талантами, только бы люди вышли из своих закутков и начали общаться».

Еще одно ключевое понятие – инновация, настолько инновационное понятие, что для его обозначения все время требуются новые слова. Мы только и знаем, что «раздвигаем рамки», «мыс-

лим за пределами привычных категорий», «рвемся к небесам», «карабкаемся к высоко висящим плодам» (впрочем, для наших предков это не было бы такой уж инновацией). Для каждого случая придумывается собственная поговорка: «Нет дыма без копчушки», «Метод дублеров», «Это вне моей компетенции» (ага, это ж совсем не то же самое, что сказать: «Понятия не имею»).

Новоизобретенные звучные названия весьма важны для поддержания боевого духа. Одним из самых успешных переименований стало превращение отдела кадров в «управление человеческими ресурсами». В разговоре специалисты по человеческим ресурсам шутливо именуют себя «люди для людей».

Последний модуль, менторство, будет посвящен тому, как правильно выбирать в компании людей, от которых может зависеть карьерное продвижение, как сближаться с ними, а затем, с этой выгодной позиции, самому в свою очередь становиться наставником для тех, кто готов и способен оказывать полезные услуги. Простейшая тактика сводится к выпивке с потенциальным ментором после работы – и не забудьте пустить в ход благоприобретенные навыки юмора и лести. В случае надобности обзаводитесь соответствующими хобби или спортивными интересами. Как-то раз я загубил неплохую перспективу, неосторожно признавшись боссу-яхтсмену, что ощущаю себя в безопасности только в тех каналах, до которых хотя бы лет сто не добирались штормы.

Работа не волк, но загрызть может – выживают в первую очередь лицемеры. Многие мыслители обличали порок лицемерия, Христос был непримирим к нему. Но ведь Христу не приходилось работать по найму и терпеть коллег (ученики – другое дело). Мало кто может позволить себе роскошь быть искренним за служебным столом. Глупо открывать коллегам свои истинные чувства, еще глупее – позволить вовлечь себя в дрязги, в бесконечные споры, тлеющие антипатии, открытые междуусобицы. Напоминайте себе слова стоиков о тщетности гнева, в особенности рассуждения Сенеки – он подробно исследовал эту тему²³⁹. Скора – это выплеск эмоций, это серьезные взаимоотношения с другими людьми, а на рабочем месте не место (пардон!) искренним отношениям. С другой сторо-

ны, нельзя и держаться над схваткой – покажетесь высокомерным и ничего не смыслящим в делах своего отдела, что весьма опасно для репутации. На работе нужно ухитриться вполне разгадать своих коллег, но не допустить, чтобы они разобрались в вас (и с вами). Например, можно использовать технику шутливой болтовни, примешивая к своему тону тончайшую, ироническую любезность – вы как бы и не нарушаете правила, но и не играете в точности по ним. Создается полезная для вас двусмыслица, все гадают, что ж вы на самом деле задумали.

Существует и другая, парадоксальная форма ограждения себя на работе: маниакальная увлеченность делом, исступленное усердие, совсем не похожее на официально предписанные бодрость и трудолюбие. В фильме «Хладнокровный Люк» есть такая сцена: заключенные посыпают гравием дорогу и, как обычно, двигаются еле-еле, всячески тянут время. Вдруг Люк (Пол Ньюман) начинает размахивать лопатой, как безумный, его товарищи сперва удивляются, затем следуют его примеру. Охранники удивлены и испуганы: что еще эти придурки затеяли? Заключенные продолжают в ускоренном темпе сыпать на дорогу лопату за лопатой, да с таким пылом, что вскоре дорога заканчивается. Тогда работники валятся на землю, обессилев от хохота, а стражники неистовствуют в бессильном гневе.

Учтем, что человек живет ожиданиями и старается взять верх над своими собратьями, а потому трудно подавить в себе желание сделать карьеру. Ныне же, в век притязаний, каждый уверен, что заслужил продвижение по службе. Даже если этот более высокий пост подразумевает определенную квалификацию и опыт, люди без знаний и стажа все-таки подают свои резюме и обижаются, когда их отвергают. «Я заслужил», – волят они растерянно и злобно, только не спрашивайте их, как и почему они заслужили продвижение. Я также не рекомендую спрашивать человека, получившего вожделенную должность, окупает ли прибавка к зарплате дополнительные обязанности и повышенный стресс: не в деньгах и не в обязанностях дело, продвижение – благо в себе.

Степень удовлетворенности работой определяется не деньгами и даже не статусом, но уровнем личной ответственности,

однако люди перестали это осознавать. Где бы я ни работал, я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь из моих коллег заговорил о самостоятельности как о существенном преимуществе нынешней его должности или как о желанном качестве той должности, которую он рассчитывает занять. Хуже того, карьерное продвижение часто означает утрату автономии. Если подумать, так я вообще не слышал от коллег этого слова, хотя полнота профессиональной жизни в первую очередь зависит от самостоятельности.

Начальство, разумеется, понимает, до какой степени надежда на повышение окрыляет служащих, и беспокоится из-за недостатка высших вакансий – как тут часто поощрять всех «имеющих право»? И была разработана система премий в надежде, что за пару лишних центов люди сделают все что угодно. Ах нет – психолог Фредерик Герцберг, изучавший во второй половине XX века рабочую мотивацию, выявил два основных источника удовлетворенности работой: во-первых, гигиенические факторы, т. е. условия труда, оплата и льготы, а во-вторых, мотивационные факторы, т. е. содержание самой работы и уровень ответственности работника. Однако гигиенические факторы не дают удовлетворения – они (вернее, их недостаток) могут лишь вызвать недовольство. Низкая оплата снижает заинтересованность работника, но повышение зарплаты мало что меняет. Мотивация усиливается лишь благодаря большей автономии работника и более интересным, сложным заданиям²⁴⁰. На работе, как и во всех сферах жизни, личная ответственность и трудности необходимы для самореализации человека.

Герцберг выявил еще два изъяна в системе поощрительных премий. Во-первых, система предполагает точный замер результатов труда каждого работника, а это во многих отраслях невозможно – значит, сотрудники будут думать, что подсчеты успехов и распределение наград зависят от расположения начальства. Во-вторых, система исходит из предпосылки, будто один аспект труда может измениться, притом что все остальные останутся прежними, а это неверно: все факторы взаимосвязаны, так что, если изменится что-то одно, изменится все.

Наиболее важное последствие поощрительных премий – утрата рвения. Как правило, полностью исчезает то самое, ради чего и вводилась система поощрительных премий – добровольное старание работника. Те, кто не получил в этот раз прибавки, задаются вопросом, а на кой черт усердствовать, если их усилия остаются незамеченными.

Финансовый стимул может вовсе уничтожить гораздо более естественное удовлетворение от хорошо сделанной работы, а значит, он снижает мотивацию. Психолог Эдвард Деси предложил двум группам людей решить ряд задач, причем одной группе он платил за каждое правильное решение. Он разрешил всем продолжить работу и после того, как истекло первоначально установленное время. Отрадный факт: неоплачиваемая группа продержалась вдвое дольше оплачиваемой!²⁴¹ Деси провел еще более сотни различных экспериментов, и все они подтверждают: внешняя мотивация зачастую оказывается контрапродуктивной²⁴².

Лично меня весьма ободрил провал системы поощрительных премий в университете. Это был один из самых прекрасных эпизодов в моей профессиональной жизни. Руководство объявило о новой системе оплаты труда и, потирая руки, ожидало потока заявок на премии. Однако лекторы прекрасно понимали, что преподавание не поддается точному учету и что введение рейтингов всех только поссорит, а потому договорились между собой не подавать заявки. Я был уверен, что кто-то не устоит перед денежным соблазном, однако договор соблюдали все и ни одной заявки не было подано. Начальство забеспокоилось и само предложило «избранным» просить прибавки, но тем самым убедило всех в том, что премии будут распределяться по начальственному благоволению. Фавориты отказались от выгодного предложения из страха прослыть подлизами и любмчиками. В отчаянии руководство перевело деньги на счета тех, кого сочло нужным поощрить, но поощренные их не утаили, а, сняв со счетов, разделили поровну с коллегами. Это была великая победа, я проникся уважением к товарищам, я получал радость от каждого рабочего дня, да что там – я заново поверил в род человеческий!

Итак, систему поощрений легко саботировать, попросту отказавшись подавать заявку на премию или повышение по службе. К сожалению, во многих сферах подобное отсутствие честолюбия приведет к увольнению, однако на государственной службе и особенно в преподавании такое поведение вполне уместно. Если вы достигли позиции, обеспечивающей вам достаточно заработную плату и желанный уровень самостоятельности, к чему подвергать себя лишнему стрессу? Таким образом можно отказаться играть по чужим правилам, не подвергая себя обвинению в нарушении этих правил. Из рук начальства будет выбито единственное оружие, которым оно умеет размахивать, и автономный работник пребудет автономным.

Но приходится также принимать во внимание современный культ перемен ради перемен. Ныне служащие все чаще меняют место, характер и уровень работы не ради прибавки в деньгах и не ради повышения статуса, но просто потому, что это «движение». Сложилось представление, будто всякий, кто несколько лет проторчит на одном и том же месте, безнадежно застоялся. А ведь чтобы полностью освоиться с новой работой требуется год или два — пока еще проникнешь во все тайные ритуалы нового места, сделаешься вполне компетентным, заслужишь доверие. В тот самый момент, когда сотрудник мог бы пожинать плоды стабильности, его, как это ни парадоксально, перебрасывают на другое место — все равно что вырвать человека с корнями и отправить в чужой город без карты, знания языка и отчетливого представления, зачем он там нужен. Николсон Бейкер в «Бельэтаже» уверяет, что есть лишь одно место, где новичку не будет не по себе:

«У новичков количество таких визитов может доходить до восьми-девяти в день, поскольку корпоративный туалет — единственное место во всем офисе, где совершенно ясно, чего от тебя ждут. Остальные обязанности пока туманны... Но в туалете ты чувствуешь себя маститым профессионалом: спуская воду, жмешь на рычаг так же небрежно и привычно, как мужчины, проработавшие в этой компании всю жизнь. Однажды я взял с собой на обед новенького, и хотя он задавал бессмысленные вопросы, пока мы жевали сэндвичи, и кивал на

мои ответы, явно ничего не понимая, в коридоре, на подходе к туалету, он вдруг состроил гримасу «между нами, мужчинами» и заявил: «Схожу отолью избытки. До встречи. Еще раз спасибо»».

И все же большинство людей регулярно подвергают себя всем пыткам, связанным с переходом на другую работу, причем Бейкер не упоминает, например, такие несчастья, как необходимость разобраться с незнакомым ксерокосом — как же, черт подери, заставить его печатать на обеих сторонах листа — пока у тебя за спиной собирается очередь коллег, с трудом сдерживающих умножающийся, ксерокопируемый гнев. Привычка — не такая уж плохая вещь, по крайней мере хоть часть своих рутинных обязанностей мы могли бы исполнять без напряжения. Это в частной жизни привычка губит все — на работе она бы пригодилась.

И еще один животрепещущий вопрос: насколько нам усердствовать в работе? Совет Христа уподобиться растениям едва ли практичен, да и мудрым его не назовешь. «Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут...»²⁴³ Трудовая этика протестантов создавалась в обход этих недвусмысленных призывов расслабиться, и я, пожалуй, мог бы указать и другие причины не увиливать от труда, помимо неодобрения коллег и опасности увольнения. Прежде всего, поскольку все в нашей жизни взаимосвязано, халтурное отношение из одной области деятельности просочится в другую, а главное, увиливая, не получишь ни малейшего удовлетворения. Будда, Спиноза, Рильке и Фредерик Герцберг напоминают: наше призвание не цвести полевыми лилиями, но искать трудности и бороться с ними. Огромное количество работников берут на себя дополнительные обязанности и не радуются, а возмущаются, когда им за это доплачивают, словно деньги — единственный стимул. Именно в труде человек может ощутить «поток», ни с чем не сравнимую радость освобождения от себя и от хода времени. Христос мог бы сказать: блаженны получающие деньги за любимую работу, ибо сих есть Царствие Небесное.

Получать удовольствие можно практически от любой работы. В автобиографической повести Александра Солженицы-

на «Один день Ивана Денисовича» заключенных ГУЛАГа выводят на пронзительный холод строить стену, и они понятия не имеют, кому и зачем понадобилась эта стена, однако принимаются за дело и к концу дня осознают, что хорошо, с удовольствием провели время²⁴⁴. И уж если можно быть счастливым, выполняя на морозе принудительную работу в ГУЛАГе, то стоит попытаться словить кайф и несчастному рабу офиса, чей монитор (в кабинете с прозрачными стенами, разумеется, или вовсе в открытой «кабинке») сплошь заклеен листочками с неотложными заданиями. Секрет интересной работы – служить делу, а не руководству: растворяйтесь в работе, а не в корпоративной этике.

Но как устоять перед искущением приласкаться к боссу? Тут нет простых решений, это было нелегко и в прежние времена, когда начальство стремилось править, словно царь и бог, а теперь, когда начальник еще и набивается тебе в побратимы, стало гораздо сложнее. Главное не забывать те выводы о последствиях бездумья, которые сделала Ханна Арендт, наблюдая поведение Эйхмана, не забывать о результатах экспериментов на подчиняемость: авторитетные лица легко могут склонить послушных даже к откровенно садистским действиям, например бить другого человека током.

Команда психологов из Голландии исследовала «парадигму административного послушания» на рабочем месте и провела схожие эксперименты. Участникам поручили провести отборочный тест среди людей, которых представили претендентами на новую работу, хотя на самом деле это были сообщники психологов. «Претенденты» могли получить работу лишь при успешном прохождении теста. Участников эксперимента предупредили, что устный тест рассчитан на проверку стрессоустойчивости, и поэтому во время собеседования «вступившим в должность» «администраторам» следует усиливать давление на «соискателей», критиковать их ответы в тесте и не воздерживаться даже от «перехода на личности», начиная со сравнительно краткого «Что ж вы так глупили?» и постепенно доходя до откровенной враждебности и оскорблений. В ходе собеседования «соискатели» проявляли все большее беспокойство, впадали в стресс,

протестовали, но когда «администратор» готов был отступиться, строгий исследователь настаивал на продолжении. Измученные «соискатели» все чаще давали неверные ответы, заваливали тест и – «администратор» понимал это – лишались шанса получить работу. Тем не менее, даже видя растерянность «соискателей» и безнадежность их положения, 91 процент «администраторов» слушался исследователей и доводил издевательства до конца. Заметим, что результаты опроса сравнительной выборки «администраторов» показали: почти 90 процентов людей убеждены, что никогда не исполнят таких требований – уровень конформизма оказался прямо противоположным заявленному. Точно такой же результат был получен, когда в роли «администраторов» выступали руководители кадровых отделов, вроде бы обученные внимательному отношению к «человеческим ресурсам»²⁴⁵. Вот вам и «люди для людей».

Если люди слепо подчиняются даже незнакомому исследователю, насколько же сильнее желание исполнить волю большого начальника, что восседает в роскошном кабинете и распоряжается твоими средствами к существованию.

В первую очередь стоит напомнить себе, что начальник, быть может, не так уж и величествен. «Импотенция – если применять этот термин не только к сексуальной сфере, но и ко всем сферам человеческих возможностей – влечет за собой садистское стремление к господству. Пока и поскольку индивид силен, т. е. способен реализовать свои возможности на основе свободы и целостности своей личности, господство над другими ему не нужно и он не стремится к власти. Власть – это извращение силы, точно так же как сексуальный садизм – извращение половой любви»²⁴⁶, – пишет Эрих Фромм. Еще один пример знакомого нам правила: человеку нет нужды притворяться таким, каков он есть на самом деле, а значит, тот, кто стремится к власти, хочет выглядеть сильным именно потому, что слаб. Представительная фигура за широким столом может оказаться такой же подделкой, как и деспотичные исследователи в психологическом эксперименте. Как только служащий это поймет, никакой босс ему уже не страшен. И наоборот, «настоящим» может оказаться невзрачный с виду начальник.

Лучшими управляющими обычно становятся те, кто вовсе не рвется управлять. Кому в здравом уме охота командовать человеком – существом от природы упрямым, ныне же просто невыносимым? Притязая на все, он не признает за собой никаких обязанностей.

В худшем случае босс получает удовольствие от издевательств – это опасней, однако такой начальник на деле слабее, чем обычный самодур. Классический хам – «верхним сам лижу, нижние пусть мне лизнут» – и привычка «лизать верхним» превращает его в труса. Этот босс обрушивается лишь на тех подчиненных, кого может запугать, и отсутствия страха зачастую довольно для защиты. Правильнее всего относиться к подобному негодяю с презрением, только не надо обнаруживать презрение слишком явно: задиры и трусы мстительны. Ханна Арендт полагала, что революция происходит тогда, когда презрение к дурной власти распространяется повсеместно и система разваливается сама собой. Падение коммунизма подтвердило эту теорию²⁴⁷. Итак, помаленьку сейте и нагнетайте презрение к начальнику с замашками армейского «деда», и в зале ксероксов произойдет-таки бунт.

Веками люди проливали пот, зарабатывая себе на хлеб насущный, и просто удивительно, сколь мало наставлений можно найти о том, как вести себя при исполнении этой почти всеобщей повинности. Конечно, философам лихо удавалось ускользнуть от наемной работы, они даже старались не забивать себе голову этой проблемой. Но литераторы тоже большей частью избегают писать о ней, хотя они-то, как правило, могут опереться на личный опыт и знают, что такое работа: место, где совершенно разные, часто противопоказанные друг другу люди вынуждены проводить бок о бок долгие часы, причем все они кипят яростными чувствами – жаждой власти, алчностью, похотью, ненавистью, гневом. Казалось бы, отличный материал для книги – но и художественная литература уходит от «производственных тем». Наверное, трепетным мастерам пера просто тяжко описывать столь чудовищные затраты времени и сил. Или же мертвящая рутина работы не позволяет разгуляться воображению. Так или иначе, показательно –

и любопытно, – что действие романов почти никогда не разворачивается целиком на рабочем месте.

Вот что придает особую ценность «Бельэтажу». В этой книге множество зорко подмеченных деталей, обстановка узнаваемая, и читатель вдруг понимает, что «работа» – не скучная пустыня, а удивительное и причудливое место, обитель человеческих странностей, людского абсурда. Взять хотя бы описание поста секретарши:

«В самом интимном уголке своего рабочего места, в тени полки под невключенной флуоресцентной лампой, она прикрепила снимки мужа в полосатой рубашке, племянников и племянниц, Барбары Стрейзанд и увеличенную ксерокопию набранного готическим шрифтом изречения, которое гласило: “Не можешь выломиться – врубайся!” Хотел бы я когда-нибудь отследить продвижение по городским офисам этих лозунгов для обслуживающего персонала; в кабинке Диэнн висел на стенах еще один, с заглавными буквами, уже осыпавшимися от бесчисленных копирований. Он звучал так: “ХОТИТЕ, ЧТОБЫ Я ПОСПЕШИЛ СО СПЕШНОЙ РАБОТОЙ, КОТОРУЮ И БЕЗ ТОГО ДЕЛАЮ НАСПЕХ?”

К сожалению, «Бельэтаж» описывает лишь обеденный перерыв. Если б этот роман растянуть на весь рабочий день, вышел бы новый «Улисс», и благодарные читатели, втискиваясь в утренние электрички, чувствовали бы себя героями эпоса. Книга Николсона Бейкера прославляет *даже* работу; автор с удовольствием цитирует слова Марка Аврелия: «Каким образом ясно является уму, что нет в жизни другого положения, столь подходящего для философствования, как то, в котором ты оказался ныне!» – и дает читателю наставления насчет того, как наслаждаться одному лишь ему внятным богатством и шутствием жизни, почти что не отходя от рабочего места:

«Однажды, запервшись в туалете, я невольно прервал разговор старшего менеджера с важным посетителем оглушительным, громким пердежом, похожим на дробь бонго. На мгновение собеседники умолкли, а потом преспокойно возобновили разговор:

– О, это очень способная сотрудница, я ничуть в этом не сомневаюсь.

– Прямо как губка – впитывает информацию везде, где только можно.

– Вот-вот! Упорная, в том-то и дело. Крепкий орешек, голыми руками не возьмешь.

– Для нас она настоящая находка...

К сожалению, карикатурное вмешательство моего пердежа насмешило меня, я сидел, сдерживал во рту смешок и от настути снова пукнул. И беззвучно хватил себя кулаком по колену, жмурясь и багровея от подступающей истерики».

12

Абсурдность любви

Как романтичен ужин на двоих при свечах! Но для начала придется решить – кафе поближе к дому или же «выход в город». Кафе поблизости сужает выбор, зато не придется трястись в городском транспорте и аперитив можно выпить заранее, дома, в уютной обстановке. В городе меню побогаче, но тогда терпите автобусную тряску и выпивайте в дорогом и шумном баре.

Итак, сегодня вечером они решили никуда не ездить. Но что за ресторанчики поблизости? Прошлый век! Сто лет тому назад итальянская, китайская или индийская кухня, возможно, кого-то и привлекала, но эти отсталые ребята в соседних квартилах про новую волну и не слышали, что ли? Когда же, наконец, кто-нибудь додумается открыть здесь *вьетнамский* ресторан?

Далее: *он* предлагал заказать столик заранее, *она* возражала: а что, если в облюбованном ресторане *никого не будет*?

– И что тут плохого, если рядом не будут шуметь?

На столь глупый вопрос она отвечать не стала, просто закатила глаза к небу, собралась с силами и ответила ему достойно и выдержанно:

– Давай спокойно пройдемся и поглядим, что где дают.

Они двинулись по уличке, изучая давно знакомые вывески. *Она* знала, что *ему* хочется китайских блюд, а потому заранее приговаривала: «Ох уж этот мне соус». *Он* знал, что *она* – любительница индийской кухни, а потому холодно усмехался: «От одного чтения их меню прибавишь в весе».

Оставался единственный выбор – итальянская кухня, не вызывавшая энтузиазма у обоих. К тому же в итальянском

кафе отвратительный метрдотель, одновременно и льстивый, и властный. Однажды он чуть было не загнал их в *подвалчик*. А теперь метрдотель с порога спрашивает, заказан ли у них столик — он же прекрасно знает, что не заказан! Она требует столик у окна; метрдотель, картино и неискренне заламывая руки, убеждает их, что столик зарезервирован. Ну, не идиот? Такая красивая, изысканная пара непременно должна сидеть у окна — ей бы следовало *платить* им за то, чтобы они сидели у окна, привлекая клиентов получше, чем это *старичье*.

Но нет, им приходится протискиваться за крошечный столик между двумя другими столиками — места расположены впритык друг к другу, даже шепот слышен и справа, и слева. Вот тебе и романтический ужин! А он-то хотел намекнуть — как насчет столь же романтического порно после ужина, т. е. не грубого, боже упаси: вполне со вкусом, ориентированного на женщин — он так долго подыскивал что-нибудь подходящее. Она, кстати говоря, собиралась при свечах обсудить свою сторону проблемы: ее либидо сходит на нет.

Скользнув на сиденье ближе к стене — по крайней мере отсюда открывается вид на ресторанный зал, — она проформы ради спросила:

— Ты не против?

— Нет, — усмехнулся он. — Я всегда смотрю в стену.

Приносят меню и карту вин. Он тычет пальцем в домашнее вино — разница в цене между ним и марочным весьма существенная. Она возражает: домашнее красное — заведомая кислятина. Он заказывает дорогое «Кьянти Рисерва», официант приносит бутылку и сразу же начинает разливать вино по бокалам. Об этой неприятной стороне дела они и забыли: официанты здесь неусыпно несут вахту, бросаются стремглав подливать гостям в бокал, лишая даже в этом самостоятельности. Начинаешь заглатывать, будто на поезд опаздываешь, ведь это нечестно — кто пьет быстрей, тому и достается побольше. Что делать? Поднять шум или сдаться?

Доходит дело до основного меню. Она, из женского романтизма и любопытства, предлагает заказать разные блюда и затем поделиться друг с другом — по крайней мере поход в

ресторан обогатит их новым гурманским опытом. Но в их гармоничном союзе вкусовые предпочтения, как правило, совпадают, и, зная это, он пытается опередить ее, поспешно называя облюбованные им блюда.

— Так вот ты как! — с ледяным презрением отмечает она.

— Почему бы нам не сделать одинаковый заказ, если обоим этого хочется?

Этот вопрос, как и многие его вопросы, не удостоен ответом. Женщина попросту отказывается от первоначального выбора, заказывает совершенно другую закуску и другое главное блюдо и сердито захлопывает меню.

И только теперь, когда официант отошел, они заметили ужасное упущение: у них на столе *нет свечи!* На всех остальных столиках мерцает желтоватый свет, а им достался официант, который подливает вино, когда его никто о том не просит (как достал!), а о самом главном забыл! *Где же свечка, засранец?*

Но и при свечах с романтикой дело обстоит туговато.

Современные отношения обременены многочисленными и разнообразными иллюзиями, трудностями, требованиями, разочарованиями и конфликтами — удивляться следует не тому, что столько союзов распадается, а что хоть какие-то выживают. С другой стороны, никогда еще люди не жаждали так пламенно отношений, не вступали в очередной роман со столь завышенными ожиданиями. В реальности романы превращаются в кратковременные сделки, а в мечтах расцветает идеал вечной любви. Вот же парадокс: в романтические 1960-е 40 процентов женщин допускали брак без любви, а в жесткие, расчетливые 1980-е лишь 15 процентов соглашались принять финансовую обеспеченность без «чувства»²⁴⁸. Странный, катастрофический обратный эффект: в практике отношений люди становятся все менее терпимыми, в теории — все более требовательными, они ждут для себя в любви большего, а отдавать готовы гораздо меньше, и даже неизбежный крах отношений не отрезвляет новоявленных романтиков. Киберпространство заполнено жаждущими любви, и никого не смущает опыт многократных неудач. В любой другой сфере жизни после стольких провалов человек давно бы уже сдался, разочарованный и сбитый с тол-

ку, или, по крайней мере, начал бы задавать себе наводящие вопросы. Но в сексуальных отношениях сильнее всего действует главный стимул нашего века – магия возможного. Любовь, точнее, ожидание любви слепо.

Первая и главная иллюзия: создать новые отношения легко. Это заблуждение отражается в языке: «влюбиться», «подпасть под обаяние», «заболеть кем-то» – все это не действие, а пассивное принятие действия высшей силы; «быть влюбленным» – также пассивное и словно бы окончательное, не могущее перемениться состояние. «Убеждение, что ничего нет легче, чем любить, продолжает оставаться преобладающим вопреки своей очевидной ошибочности»²⁴⁹, – пишет Эрих Фромм в начале классического труда «Искусство любить». Людям кажется: чтобы влюбиться и оставаться влюбленным, нужно всего лишь найти правильного человека, и он своей вечной, оберегающей любовью немедленно устранит все трудности, тревоги, одиночество.

Отказ от личной ответственности, привычка требовательно ждать чего-то от внешнего мира, не заглядывая внутрь себя и не беря на себя обязательства, также способствует распространению суеверного представления о «правильном человеке». Кто-то другой должен обеспечить любовь и поддерживать отношения, крах отношений – не моя, чужая вина. Значит, с принцем или принцессой ошибочка вышла, нужно еще настойчивее продолжать поиски. Удивительно, как люди, оставляющие за собой широчайшую кильватерную волну разбитых отношений, не признают себя даже отчасти виновными, не ищут корни проблемы в себе. Еще удивительнее, что эти постоянные неудачи не заставляют их тревожиться о будущем *очередных* отношений – напротив, после стольких горестей они заслужили свою удачу. Горести лишь укрепляют уверенность в своем праве: по справедливости, на этот раз все должно быть хорошо. Никакого опыта, никаких предосторожностей, безоглядность только возрастает. Одиночка возобновляет поиски партнера, словно заядлый игрок, который ставит тем больше, чем больше его проигрыш – надо же отыграться.

Когда же одиночка находит партнера, он бросается в отношения с самозабвением отчаяния. Любовь – экстатическое растворение своей личности в другом, полный отказ от самого себя, мистический союз. Влюбленные осыпают друг друга комплиментами, подарками, обещаниями, ласками, с гордостью представляют свое приобретение родителям, коллегам и друзьям, проводят вместе весь досуг, а едва расставшись, начинают бомбардировать друг друга романтическими эсэмэсками – словом, полная растворенность, поглощенность друг другом, идеальная среда для исподволь складывающихся садомазохистских отношений. Происходит это вкрадчиво, незаметно для влюбленных, на первых порах они только радуются взаимозависимости, избавленные от тревог и бремени свободы, и тот, кто склонен доминировать, тоже надеется, что так будет всегда, а склонный к покорности уверен, что обо всех его нуждах позаботятся. И вдруг, откуда ни возьмись – проблемы, конфликты! Оба в отчаянии: как могло все пойти под откос, я же *всего/всю себя отдавал(а) нашей любви*? Но та самая изначальная капитуляция, капитуляция во имя любви, и уничтожила в зародыше перспективу устойчивых отношений. Остаются растерянность, гнев, нетерпение – и вывод: опять подвернулся не тот.

Ибо отношения эти, при всей их насыщенности, все же были временными – постоянства теперь нет даже в браке. И хотя нам кажется, будто ради пущей свободы любое наше решение должно быть обратимым, временный и необязательный, выбор приносит гораздо меньшее удовлетворение, чем ответственный и постоянный. Пример самосбывающегося пророчества: брак, который не считают безусловно окончательным и навсегда, скорее всего не будет окончательным и навсегда.

Еще одна проблема: в условиях современного города супружеские отношения остаются чуть ли не единственными, придающими структуру, смысл и магию человеческому бытию. В традиционных обществах магия и смысл исходили от религии, времена года и важнейшие события структурировались ритуалом, каждый человек множеством связей врастал в общину и рассчитывал на поддержку разветвленной семьи. Теперь «отношения» стонут под грузом всех этих смыслов, на их

хилые плечи полностью ложится бремя осмысленного бытия. И под такой тяжестью «отношения» рушатся.

Продолжим перечислять проблемы: первая фаза отношений всегда наиболее увлекательная, особенно в эпоху, подверженную мечтам и иллюзиям, ослепленную гламуром возможного. По правде говоря, начальная фаза настолько отличается от последующих, что для них следовало бы изобрести разную терминологию, к примеру первую фазу именовать увлечением или страстью и лишь более позднюю стадию – любовью. Повальное заблуждение: все говорят о любви, а ищут страсти.

Ничего удивительного. Практически все «любовные романы» повествуют именно о первой фазе, о страстном увлечении. Давно ли вы читали роман или смотрели фильм о зреющей, счастливой любви? Каждый вроде бы мечтает о таком блаженстве, но никому не охота читать о нем или видеть его на экране.

В западной литературе романтическая любовь зачастую как раз и подразумевала невозможность соединиться. Данте и встречал-то Беатриче считанные разы, Абеляра быстренько избавили и от яичек, и от повинности жить вместе с Элоизой, Тристан был предательски убит, так что до совместных поисков новой квартиры у них с Изольдой дело не дошло. Изысканное ухаживание трубадуров предназначалось для недоступных замужних дам – эти рыцари и поэты даже руку возлюбленной поцеловать не осмеливались, я уж не говорю о большем. Ромео и Джульетта унесли в могилу единственную брачную ночь (одна ночь экстаза – популярнейший сюжет любовных, то бишь страстных историй, от «Тристана и Изольды» до книги и фильма «Холодная гора»). Юный Вертер у Гёте влюбляется в Шарлотту, которая – как удобно! – другому отдана, так что отвергнутый влюбленный отделяется от любых неблагоприятных последствий, покончив с собой. В «Грозовом перевале» Кэти и Хитклифф всю жизнь играют друг с другом в кошки-мышки, а классический анализ любви-страсти – трактат Стендаль «О любви» – был внущен ему безответной страстью к Матильде Дембовской.

Влюбленность Стендаль описывал как процесс кристаллизации объекта любви. Подобно тому как в соляную шахту

бросают ветку, и она покрывается «множеством подвижных и ослепительных алмазов», так и влюбленный «из всего, с чем он сталкивается, извлекает открытие, что любимый предмет обладает новыми совершенствами»²⁵⁰. Иными словами, влюбленный создает фантазию, которая почти ничего общего не имеет с реальным «предметом страсти», и влюбляется в собственное творение: «...только воображением вы уверены, что данное достоинство существует в женщине, которую вы любите»²⁵¹. Итак, на самом деле влюбленность есть любовь к самому себе, форма нарциссизма, и расцветает она главным образом в предвкушении. Стендаль отмечает, что встреча с возлюбленной во плоти может даже помешать чувству. Мир съеживается, а возлюбленные увеличиваются в размерах, покуда не превратятся во все заслонивший сияющий образ. Страсть, таким образом, подразумевает не принятие на себя ответственности, но уход от нее – все скучные житейские обязанности отпадают, ибо влюбленный всецело посвятил себя «предмету». В легенде о Тристане и Изольде в безответственном поведении влюбленных виноват был волшебный напиток – в современном мире можно ссылааться на лишающую воли, иррациональную природу увлечения. Еще одно клиническое расстройство – влюбленные над собой не властны.

Однако иррациональной страсть выглядит лишь постольку, поскольку мы не понимаем ее движущих сил. Бывает по-разному: безумное совпадение взаимодополняющих патологий – садист повстречал мазохиста. Или же объект страсти (бессознательно) выбирают, чтобы воссоздать какие-то смутные детские воспоминания. Возможна даже – опять-таки неосознаваемая – социальная мотивация: например, молодые люди из рабочей среды, получив образование, фатальным образом тянутся к принцессам из среднего класса, которые чаще всего отвечают им презрением и насмешкой.

Влюбленным нравится мнить себя случайными жертвами стрел Купидона, однако гораздо чаще они становятся жертвами своей слабости, одиночества, неуверенности в себе: им самим хочется избавиться от ответственности и предаться мечтам – мало кто стремится к самосознанию и пониманию. За-

чем человеку в чем-то разбираться, когда его распирает экстаз и мир и жизнь наполнились высшим смыслом? Разве страсть не обеспечивает классный секс, да и вообще все становится гораздо интереснее. Одна беда: опьянение не может длиться вечно. Согласно общепризнанному мнению, максимальная продолжительность влюбленности – два года, хотя обычно и того меньше, в среднем чуть дольше года (вероятно, в современном мире сокращается не только время концентрации внимания, но и средний срок влюбленности). Одержимые страстью знать не знают о ее кратковечности, а потому конец страсти оказывается для них не просто разочарованием – шоком.

Почему конец неизбежен? Влюбленность – трансцендентное состояние, утрата себя, а трансцендентное состояние не может длиться всю жизнь. Вознесшийся к небесам обречен спуститься на землю. Реальность и ослино-упрямое «я» всегда возьмут верх.

Недавние открытия в области нейрофизиологии подтвердили принципиальное отличие влюбленности от любви. Антрополог Хелен Фишер обозначает две фазы отношений как романтическую любовь и привязанность. Романтическую любовь ей удалось обнаружить во всех 175 культурах, которые она изучала. Чтобы разобраться в действии этой старинной черной магии, она предложила команде специалистов провести сканирование мозга людей на разных стадиях любви. Сканирование обнаружило, что романтическая любовь и привязанность задействуют принципиально разные нейронные ансамбли и нейромедиаторы. Романтическая любовь вызывает повышение уровня дофамина и снижение уровня серотонина, привязанность же у женщин связана с окситоцином, а у мужчин – с вазопрессином – оба эти нейромедиатора выделяются и при образовании пар у животных. Напротив, уровень дофамина и нейронные цепочки при влюбленности больше соответствуют мозговой активности людей, которые злоупотребляют тяжелыми наркотиками, вызывающими привыкание. Фишер пришла к выводу, что романтическая любовь – форма химической зависимости²⁵², чем подтвердила мысль Стендalu: влюбленность, маскирующаяся под самое что ни на есть беско-

рыстное чувство, по сути – сплошной эгоизм. Влюблются не в человека, а в собственную эйфорию. Возлюбленный, конечно, вызывает прилив восторга, но примерно так, как «окрывает» дорожка кокаина. По этой же причине влюбленность быстро проходит: наркозависимость вызывает привыкание, чтобы добиться нужного эффекта, требуются все большие дозы, однако влюбленность не может превысить некий порог, а потому эйфория в какой-то момент идет на спад. Другая команда нейрофизиологов исследовала продолжительность эйфории при влюбленности и подтвердила бытовое наблюдение: «опьянение», как правило, длится от года до полутора лет²⁵³.

Что делать, когда влюбленность сойдет на нет? Есть вариант принять ситуацию stoically – к тому времени парочка, вероятно, успеет вступить в брак и обзавестись детьми. Такой выход был общепринятым в традиционном обществе. В книге Томази ди Лампедузы «Леопард» князь рассуждает о любви так: «Огонь и пламя на год, пепел на тридцать лет»²⁵⁴ – и за плотскими утехами обращается к проституткам. В современном мире с успехом используется адюльтер – приключенческий туризм представителей среднего класса средних лет. Альтернатива – иной вид принятия – решить, что, раз прежнее пламя угасло, пора искать нового партнера. Зачем жить на пепелище, если в другом месте огонь может вспыхнуть заново? К чему терзаться разочарованиями, если можно переходить – серийно, маниакально – от одного увлечения к другому? Тоже вполне популярный выход, но со своими оговорками: нежелательно обзаводиться детьми, да и сексуальная привлекательность с годами того гляди уменьшится, и как тогда искать идеального партнера? Боюсь, закат серийного влюбленного будет столь же тусклым, как у любого гедониста.

И наконец, можно осознанно принять переход от влюбленности к любви. Повесть о страсти заканчивается словами: «Читатель, я вышла за него замуж», повесть о любви начинается словами: «Читатель, я поняла, что мне придется провести с ним вместе всю мою жизнь». Пока что таких историй написано немного. Одна из них – «Семейное счастье» Толстого: двое влюбляются (бешено, безумно), вступают в брак, наслаждают-

ся проведенными наедине вечерами, музыкой, смехом только для двоих. А затем страсть остывает. Как повествует жена – рассказчица этой истории: «Мы уже давно перестали быть друг для друга совершеннейшими людьми в мире, а делали сравнения с другими и втайне судили один другого»²⁵⁵. Она помнит, что муж ее – хороший человек, добрый, мягкий, превосходный супруг и отец, но его ум становится для нее предсказуемым, его неизменное спокойствие раздражает, а внешне он кажется старым и отталкивающим. В горе и ярости молодая женщина мечтает о переменах, волнении, опасности и, подобно Эмме Бовари, пытается вернуть себе романтику юности с помощью непрестанных балов и вечеринок, окунувшись в лихорадочную светскую жизнь, однако и это искусственное возбуждение проходит, а в результате супруги еще более отдаляются друг от друга. В отличие от Эммы, героиня Толстого пытается найти смысл внутри брака, а не за его пределами. Она признается мужу в своих чувствах и узнает, что его спокойствие – не поза, рассчитанная на то, чтобы вывести жену из себя, но последствия сознательного отдаления, ибо он предвидел и понимал постигшие их брак трудности. По словам мужа, они не могли избежать этого опыта: «Всем нам... надо прожить самим весь вздор жизни, для того чтобы вернуться к самой жизни; а другому верить нельзя». Жена понимает его мысль, и с этого начинается возвращение «к самой жизни»: «С этого дня кончился мой роман с мужем; старое чувство стало дорогим, невозвратимым воспоминанием, а новое чувство любви к детям и к отцу моих детей положило начало другой, но уже совершенно иначе счастливой жизни...»

К сожалению, Толстой не раскрывает природу «совершенно иначе счастливой жизни», не говорит и о том, как к ней прийти. Ясно одно: путь к ней долг и мучителен. Разумеется, переход от влюбленности к любви дается с трудом, ибо во многом эти состояния противоположны друг другу. Влюбленность устремлена к трансцендентному, любовь возвращает нас на землю. Страсть порождает фантазии, любовь держится за реальность. Влюбленность подобна наркозависимости, любовь – это обязательства. Влюбленность стремится к единству с «предметом»,

любовь начинает ценить границы, влюбленность уходит от ответственности, любовь всем сердцем ее принимает. Влюбленность дается сама собой, любовь – тяжелый труд.

И как раз в тот момент, когда особенно нужна трезвая голова, влюбленных подхватывает и кружит самая опасная фантазия – мечта об идеальной свадьбе. Поразительно: люди все меньше вкладывают в брак, но затраты на свадьбу подскочили до небес: в Великобритании затраты на среднестатистическую свадьбу нынче заметно превышают среднестатистический же годовой доход²⁵⁶. Вот и еще один пример того, как образ берет верх над сутью: планируется не реальность супружеской жизни, но символика одного дня. Как всякая показуха, современная свадьба непременно «опирается на традицию»: в ход пошли памятные места, исторические костюмы, пышные аксессуары – действие происходит в замке или загородной усадьбе, дамы надевают тиары, кавалеры являются в цилиндрах, съезжаются на винтажных автомобилях, а то и в каретах (одна уступка современности неизбежна – фотокамеры на каждом столике). Современная свадьба чем-то напоминает Олимпийские игры: сложный, чудовищно дорогой спектакль тщательно продумывают, готовят годами, а стоит ему начаться – глядишь, и кончился. Даже если удается полностью вплотить в жизнь идеальный план, свадьба все равно длится один лишь день, и большую часть этого дня счастливых новобрачных гоняют с места на место и ставят в выигрышные позы фотографы; когда же гости расходятся и наряды возвращаются в коробки, откуда их никогда больше не извлекут, обычный мужчина и обычная женщина поглядят друг на друга и не смогут удержаться от мысли: «И это все?»

Полагаю, тщательный статистический анализ выявит закономерность: продолжительность брака обратно пропорциональна расходам на свадьбу. Любой союз, для заключения которого на заказ выдувались бокалы, обречен.

После «свадьбы моей мечты» реальность покажется шоком, и проблемы, которые отступили было перед блеском возможного, обрушатся сногшибательным ударом. Нет на свете «идеального» партнера и тем более нет такого человека, с ко-

торым легко было бы жить вместе, да еще такого, кто умел бы ежесекундно и по любому поводу обволакивать вечной и безусловной любовью. Фундаментальное правило: *нет человека, с которым было бы легко жить вместе*. Конечно, есть разные уровни трудностей, но главное – помнить, что партнер весь оброс не «множеством подвижных алмазов», но множеством раздражающих убеждений, привычек, суеверий, неврозов, настроений, болячек, поблажек самому себе, не говоря уж об изъянах вкуса, о противных родственниках и прилипчивых друзьях. Совместная жизнь обнажает всю эту банальность и мерзость. Пряди волос, соблазнительно блестевшие в мерцании свечи, грязным клубком засоряют слив ванны, а та самая часть тела, что завораживающе вздымалась в эрекции, превратилась в дряблый, съежившийся кусочек плоти, который забрызгивает мочой сиденье унитаза. Если совместимость супругов вообще бывает, то дается она не свыше, а ценой долгих стараний. И хотя неприятные привычки супруга вскоре начнут бросаться в глаза, свои собственные как-то не столь заметны: многие люди, особенно дети любящих родителей, привыкли воспринимать свои чудачества чуть ли не как выражение естественного права и даже самые противные свои привычки считают умильными.

Нет человека, с которым было бы легко строить совместную жизнь, и нет в любви окончательной, раз навсегда сценариировавшейся стадии. Любовь, как и счастье, – процесс, совместное, творческое и не имеющее завершения предприятие. Мы говорили о том, что стремление к счастью само по себе может обернуться счастьем, так и поиски самореализации сами по себе – полнота жизни. Как любое творческое усилие, любовь знает подъемы и спады, проходит цикл от изнеможения до возрождения, и радость обновления недостижима без «маленькой смерти». Нужны только время и терпение. Вся человеческая жизнь уходит на то, чтобы по-настоящему научиться чему-то серьезному – например, любви.

Любовь требует не капитуляции и растворения, но независимости и отстраненности. Взросление партнера зачастую воспринимается как угроза, а на самом деле это и есть залог обновле-

ния. И то, что с виду идет на пользу лишь одному из супругов и кажется эгоистичным, на самом деле может пригодиться обоим. Верно и обратное: когда один партнер перестает развиваться, в другом пробуждается презрение или страх: «Господи, неужели всю жизнь *так*?» А в отношениях, личных или групповых, нет ничего страшнее презрения: диктаторы лишаются власти, когда в обществе презрение к ним доходит до крайности, браки рушатся, ибо презрение, как сильнейшая кислота, разъедает любые узы. С независимым, самостоятельным партнером жить труднее, однако он вряд ли вызовет презрение, так что брак становится надежнее, когда оба супруга побуждают друг друга к самостоятельному росту. Парадокс: в зрелой любви самостоятельность, даже умение отгораживаться, усиливает привязанность. Говоря словами Рильке, «любовь человека к человеку... это труд, без которого все остальные наши труды ничего не значат. <...> ...учение требует времени и сосредоточенности; вот почему любовь... есть одиночество, глубокое, ни с чем не сравнимое одиночество любящего»²⁵⁷. Радикальный совет: чтобы стать по-настоящему любящим, научитесь одиночеству!

Итак, любовь не есть зависимость и пассивность, но активное, самостоятельное строительство.

Рильке напоминает нам: любовь, как и счастье, нельзя взять «в лоб», она «побочный продукт» осознанного бытия. Фромм пишет: «Иллюзия – считать, что можно разделить жизнь таким способом, что она будет созидающей в сфере любви, и несозидающей во всех других сферах. Созидательность не допускает такого разделения труда. Способность любить требует состояния напряжения, бодрствования, повышенной жизнеспособности, которые могут быть результатом только созидающей и активной ориентации во многих других сферах жизни. Если кто-то не созидален в других сферах, он не созидален и в любви»²⁵⁸.

В любви опять звучит буддистский призыв к внимательности. Но следует также помнить, почему Будда и другие мыслители опасались любви – в ней есть дикость, безумие.

Любовь как треножник, она стоит на симпатии, уважении и желании. Стоит одной ножке надломиться, и рухнет вся кон-

структуря, но из этой троицы убеждению поддаются лишь симпатия и уважение, желание – темная лошадка, джокер в колоде. Из-за него все так сложно, нестабильно, взрывоопасно.

Брак (да и любые сексуальные отношения с совместным проживанием) колеблется, словно погода или финансовый рынок. Слишком много факторов действуют в этой системе, разумом не охватить, можно лишь отметить постоянные тенденции, которые, по-видимому, не случайны. Так, хорошая или плохая погода, раз устоявшись, побудет с нами некоторое время, а подъем или спад мирового рынка длится не один день – он должен пройти определенный цикл. Так и в браке затишье ведет к еще большему спокойствию, а стоит начаться ссорам, они перерастут в более серьезный конфликт. С другой стороны, в хаотических системах нередко случается, что уже наметившаяся тенденция вдруг купируется неким непредсказуемым обстоятельством, зачастую с виду тривиальным: какая-то малость добавлена к критической массе, а результат непропорционально значителен. Как говорится, бабочка помахала крылышками в Южной Америке, а в северной Европе разразилась буря. В браке это означает, что все может идти гладко и сладко, но достаточно одного неудачного слова – и разразится ад.

Система входит в состояние турбулентности, где уже не действуют обычные законы. На смертном одре физик Вернер Гейзенберг признался, что хочет узнать у Бога только одно: «Почему турбулентность?»²⁵⁹ Возможно, перейдя в мир иной, любовники спрашивают Бога о том же. Как во мгновение ока все обращается в свою противоположность: любовь становится ненавистью, доброта – жестокостью, желание угодить сменяется желанием причинить боль, а желание вовеки не сводить глаз с любимого – желанием никогда больше не видеть эту гадину? Супружеская ссора – явление странное и страшное: мгновенно налетающий вихрь отрывает обоих супругов от земли, зашвыривает в поднебесье, кружит там, а затем бросает оземь – из неможенных, опустошенных, растерянных. *Что за черт? Что это было?* Никто не в состоянии объяснить этот процесс. Каждая чета со времен Адама и Евы переживала такой опыт, но в литературе мы найдем крайне мало убедительных описаний

подлинных супружеских распрай. Джон Мильтон, как и все прочие, уклонился от подобной задачи, сказав о первой в истории человечества ссоре лишь самые общие слова:

В попреках обоюдных зря текли
Часы; никто себя не осуждал,
И тщетным спорам не было конца²⁶⁰.

Взрывоопасным материалом становится в первую очередь секс. Нестабильность присуща любым сексуальным отношениям: неуемная потребность в другом человеке соединяется с полнейшим отсутствием контроля над этим другим, и это сочетание пробуждает такое отчаяние, что любовь во мгновение ока меняется на свою противоположность. Ярость от собственного бессилия, отвращение, стыд – гремучая смесь, из которой рождается ненависть, и всепоглощающее желание – завладеть – оборачивается столь же всепоглощающим желанием – уничтожить. Один американский судья признался, что разводящиеся парочки внушают ему больший страх за собственную безопасность, чем рецидивисты, и что кнопкой тревоги ему и его коллегам чаще всего приходится пользоваться именно тогда, когда супружеский гнев выходит из-под контроля²⁶¹.

В сексуальных отношениях непременно присутствует напряжение, ибо животные и душевые потребности не терпят отлагательств, а полностью их контролировать или даже понять не удавалось еще никому. Но без напряжения не было бы и самих отношений: та сила, что грозит разнести жизнь в клочья, – она же и создает эту жизнь. Хотя все мы нуждаемся в общении и хотя во взрослой жизни дружеский секс может стать одним из лучших источников утешения, сексуальные отношения никогда не соскользнут в «просто дружеские». Как бы ни соблазняли нас стабильность и равновесие, для отношений это спокойствие смерти. В любви необходим привкус опасности и риска, каждый любовник хоть немножечко – демон-искуситель.

Но демон может и заскучать. Как только отношения идут на спад, первым идет на спад секс. Зачастую это и есть предупреждающий сигнал. Секс можно уподобить канарейке в шах-

те: пока поет, все в порядке, но ее смерть – знак, что воздух наполнился ядовитыми парами*.

Как спасти канарейку? Как помешать демону заскучать? Одна из проблем сексом – секс никогда не бывает в «чистом виде», к нему примешиваются тщеславие, жажда власти и контроля, неуверенность в себе, привычка, новизна, мода, желание, чтоб все было как у людей, – а ныне секс успешно превращается в отрасль индустрии развлечений: в некоторых странах уже появились тематические секс-парки. Наверное, мое поколение – последнее, для которого секс означал тайну и чудо, не уставал нас изумлять. Боже, порой одного лишь присутствия женщины было достаточно, чтобы воспарить к небесам. Каждый, каждый был очарован, заколдован, покорен, а теперь секс – праздное развлечение. Современная любовь – сфоткать себя во время минета и с помощью служивых информационных технологий тут же распространить снимки среди широкого круга друзей.

Ныне мы пресыщены, мы столько всего перепробовали, нас подгоняли рассуждениями о прелести новизны, твердили, что успех благополучных отношений – разнообразный, всегда «свежий» секс. Сексуальная революция, как и все политические перевороты до нее, выродилась в тиранию.

Первый учебник эпохи освобождения – «Радости секса» – был опубликован в 1972 году²⁶². В ту пору это было откровение, мир впервые известили о таких гурманских блюдах, как «устрица по-венски», «фланкет» (он же «расщепление камыша») и «птичья песенка» поутру. Тем не менее, поколение спустя книгу пришлось существенно пересмотреть, добавив более сотни новых позиций, а главное – признать возрастающую роль наручников и других орудий садо-мазо, а также повышенного интереса к анусу, теперь уже у гетеросексуалов²⁶³. По правде говоря, современным партнерам одного пособия мало, им бы целую полку учебников, включая справочник по эроти-

* У горняков существовала практика брать с собой в шахту канарейку. Птичка очень чувствительна к составу воздуха, и, если она умирала, людям необходимо было незамедлительно покинуть туннель.

ческой мебели («качели любви», «королевское кресло» и прочие прелести), другой справочник по эротической бижутерии (зажимы на соски, колечко на член и пробку в попку) и постоянно обновляющийся путеводитель по техническим средствам (фаллоимитатор на трусиках «Вибрирующий кролик», многоскоростной турбовибратор, стимулятор-теледиллоник – о, это новое слово!). Не пора ли создать музей секс-игрушек, куда престарелые парочки придут, чтобы пролить ностальгические слезы над первым немедицинским вибратором в оригинальной упаковке 1970-х годов, с тогдашней красоткой на лицевой стороне коробки – густой-прегустой слой помады и туши, волосы уложены узлом и залиты лаком. Боже, как в былые дни все это было душераздирающее просто, а теперь секс – словно музыкальная постановка на Бродвее, тут тебе и оригинальный сценарий, и костюмы, и реквизит, и декорации, специальное освещение, и как же без целой труппы подтянутых, энергичных и увлеченных атлетов, поющих, пляшущих, выполняющих акробатические номера. Каждый теперь вынужден превращать свою постель – нет, весь свой дом, постель это так консервативно! – в арену цирка.

Чтобы помочь ошалевшим влюбленным во всем этом разобраться, требуется непрестанно пополняющая свои ряды армия врачей и консультантов, их советы раздаются уже с экранов телевизоров в прайм-тайм. Это ясноглазые и пылкие фанатики, одержимые поисками нового Грааля – точки G – mestечка столь же мифического, желанного и не дающегося в руки, как Атлантида. Вообще-то G означает не Грааль, но «Графенберг»: немецкий гинеколог Эрнст Графенберг первым высказал предположение, что на передней стенке вагины должна располагаться эротическая зона, поскольку стимулирующий эффект совокупления по-собачьи «невозможно объяснить лишь... ритмическим движением яичек, которые подобно молоточку ударяют по клитору»²⁶⁴. Нынешние святители секса возводят на пьедестал новую святую троицу: хотя традиционный оргазм не так уж плох – снисходит белозубо улыбающейся с экрана врачу, – но куда лучше «бигазм», охватывающий и клитор, и точку G, а предел наших стремлений, конечно же, «тригазм»,

в который будут вовлечены все трое: клитор, точка G и анус, воспевающие на современный же лад осанну: «Еще-еще-еще!»

При этом секс все более отрывается от физиологических потребностей человека, от естественных его возможностей и биологических циклов. Расплывается, теряет границы даже сексуальная ориентация: все меньше людей могут с уверенностью сказать, кто они: гетеро-, гомо- или бисексуалы. Каждого преследует ужасное подозрение, что он лишает себя какого-то удовольствия. Оторвавшись от физической реальности и потребностей человека, секс все более перемещается в мозг, нами правят образы и концепции, причем свои идеи мы черпаем из фантазий, а образы – из порнографии. Фантазия, в свою очередь, подхлестывается новизной и ощущением чего-то противозаконного, потому все так и увлеклись анальным сексом (анус – это новая вагина) и изысками садомазохизма. Ирония, божественная ирония: в эпоху освобождения половой акт не состоится без наручников. В сети секс-шопов Энн Сammerс самый ходовой товар – «Садо-мазо набор для начинающих». А последняя новинка садо-мазо для пресытившихся – похищение на заказ. Платите денежки, и вас, когда вы, ни о чем не подозревая, бредете по улице, схватят крепыши в лыжных масках, запихают в фургон, увезут и запрут в подвале, где подвергнут всем унижениям, предусмотренным в контракте. (Насколько я понял, тут существуют и предпочтения по национальному признаку: англичане все больше просят, чтобы их похищали грубые деревенские парни с американского Юга.) Тот, кто придумал столь оригинальную услугу, объединил любовь к наручникам с нынешней страстью к напряженному ожиданию: заказчик не ведает, в какой день и час состоится маскарадное похищение, он проводит дни и даже недели в восхитительном предвкушении, и ожидание можно ему еще подсладить, если обеспечить наблюдение и преследование на улицах – о, эта жажда внимания! Напоследок всячески удовлетворенный «похищенный» получит бонусный диск с записью всего пережитого, ибо опыт не состоялся, если не запечатлен на камеру. Я бы присвоил изобретателю этой услуги звание предпринимателя столетия²⁶⁵.

Кому эти игрища причиняют вред? Люди в лыжных масках действуют по инструкции и не переступят границ безопасности, что касается наручников от Энн Сammerс, они же мягкие, с розовым мехом внутри. И все же проблема существует: стоит однажды перешагнуть черту, и в следующий раз для удовольствия понадобится нечто большее. Только что вас премило шлепали шелковым тапочком, и вот уже ваша мошонка прибита гвоздями к полу.

Всеобщий интерес вызывают транссексуалы – воплощение возможного, ведь они сочетают в себе идентичности, функции и оснастку обоих полов – эдакий человек – швейцарский нож. Идея, превратившаяся в образ, образ, ставший плотью и кровью. Ожившая сексуальная игрушка. И сама по себе концепция – специально для эпохи потребителей: покупайте два в одном, или платите за один пол, второй получаете в подарок.

Еще одно обстоятельство нового времени: порнография, которая прежде обходилась дорого и добить ее было непросто (да и стыд-то какой!), сделалась доступной в тиши и удобстве собственного дома. Порнография, конечно же, помогает канарейке вновь запеть, однако после просмотра остается немало побочных эффектов. Очередная ирония века ожиданий: порнография пропускает напряженное ожидание, прелюдию, опьянение первым сближением, ароматы чужого тела, первое трепетное прикосновение, проблеск молний – я имею в виду расстегивающиеся молнии, – податливость пуговиц, шорох, шепот, шелест соскальзывающих на пол одежд. Вместо этого порнография сразу же вводит нас в мир обнаженных тел, пневматического пыхтения, накачивания, сосания. Тут невозможны полутона, лишь наглядность визуального пособия и решительные действия. Забудьте о нежности совокупления, это автогонки, мужчина старается вовсю и гонит в своем темпе (а я-то думал, ритмом должна управлять женщина, чуть замедляя его – только не перед самым концом). Оргазм происходит не внутри, где предназначено природой, нет, дождь блаженства – или как там его называют теперь – поливает партнершу с ног до головы. И даже наедине любовник теперь нежно шепчет подруге: «А на лицо тебе можно кончить?»

И все же количество отверстий, позиций и комбинаций достаточно скоро исчерпывается. И когда мы вдоволь наляемся на плазменных телеэкранах в собственных гостиных на все возможности человеческого тела, каков будет следующий запретный плод? Передовые люди уже трудятся над решением этой проблемы. Дэвид Леви, специалист по искусственному интеллекту, солит, что к середине XXI века «секс с роботами сделается столь же нормальным делом, как любовь между людьми, причем количество половых актов и разнообразных позиций, обычно используемых людьми, заметно возрастет, поскольку роботы сумеют научить нас большему, чем все учебники секса вместе взятые»²⁶⁶.

Серьезнейшее заблуждение современности: будто бы разнообразие предотвращает привыканье и скуку. Был проведен весьма показательный эксперимент на эту тему: две группы добровольцев еженедельно являлись в лабораторию для прохождения заданий. Задания на самом деле были обманкой – настоящий эксперимент заключался в выборе предлагавшегося в награду десерта.

Первой группе участников разрешили каждую неделю заказывать десерт по желанию, а другим просто всякий раз давали их любимое лакомство. Когда под конец эксперимента ребят попросили оценить, насколько им понравилось исследование в целом, выяснилось, что получавшие один и тот же десерт больше довольны потраченным временем, нежели те, кому досталось разнообразное меню²⁶⁷. Объясняется это так: за неделю привлекательность любимого блюда успевала «восстановиться», и оно не приедалось. То есть вырваться из порочного круга привыkanия нам поможет не столько разнообразие, сколько реже-разие: приправляйте свою жизнь не вечными переменами, а просто достаточными паузами между главными удовольствиями.

Готов опровергнуть также заблуждение, будто любовь проникает из сексуальной удовлетворенности. Вполне возможно, что дело обстоит с точностью до наоборот. Не освоенная по учебнику техника, но любовь и нежность гарантирует нам самый прекрасный секс.

Наши удовольствия тем полнее, чем больше мы ради них потрудились, и секс тут не исключение. Наиболее интенсивные переживания даются нам после трудностей, боли, гнева, турбулентности – иными словами, лучший секс бывает после ссоры. Примирение в постели – сладчайшее из наслаждений, дарованных смертным.

И это, конечно, не повседневный дар. Для регулярного «десерта» я дам вам один крайне эксцентрический совет: попробуйте (только изредка, не до пресыщения!) самый простой секс, то самое меньше, которое больше, дзен-секс. Представьте себе, как вы лежите рядом, касаясь кончиками пальцев, дивясь друг другу, лишь изредка позволяя себе приникнуть к любимым устам с поцелуем не страсти, но благодарности. Потом медленно, не подгоняя друг друга, в едином естественном ритме, примите миссионерскую позицию и соединитесь – нежно. В сладостной тишине замрите (женщина сама направит те немногие усилия, которых требует этот исполненный взаимного доверия акт), и – каждый из вас сам по себе, но оба вместе – примите благоговейно волну экстаза.

Так бы и умереть. Достичь высочайшего абсурда – прихода и ухода в одно и то же мгновение. Но нет, после долгой совместной жизни, исполненной взаимной ответственности и заботы, непорядочно было бы навалиться на возлюбленную остывающим трупом. Лучше не надо. Пусть будет просто тишина – сладостная, страстная, священная.

13

Абсурдность старости

Как мог я состариться – я, который вечно был младшим в классе? Старость немыслима – ужасна – абсурдна!

От физических перемен никуда не деться. Но ведь происходят еще психологические, душевые изменения...

1. Утрата памяти. Вообще-то, информация не утрачена – беда в том, что на извлечение ее требуется все больше и больше времени, больше, чем и жить-то осталось! В какой-то момент очнешься, воскликнув с торжеством: «Ну конечно же, вспомнил, тот парень, который еще пел Chantilly Lace, это же Биг Боппер!» – и взмахнешь рукой, и стукнешь изнутри по крышке гроба.

2. Убывание. Все съеживается – съеживается тело и все его части, мозг, печень, член, а главное – сердце. Единственное, что радует, – психологическое убывание. Глядишь, и это съежится. Хуже другое: убывают интересы, съеживаются сферы деятельности. С годами все больше тянет спрятаться от трудностей в тепличные условия. В особенности хочется перестать думать, оставить столь трудное и бесплодное занятие. Мир становится все более странным, так стоит ли ломать над ним голову? Но подобная капитуляция прямым ходом ведет к старческому слабоумию. Единственный способ сохранить жизнь – интересоваться всем в ней (или, по крайней мере, всем, кроме рэпа и знаменитых шеф-поваров). А иначе жизнь отомстит: кому не интересна жизнь, тот сам не вызывает интереса.

3. Скупость. Старый скряга – старый стереотип. И верный. Я и сам у себя отмечаю все большую неохоту сунуть руку

в карман. Полагаю, это прямое следствие оскудения ресурсов: убывают силы, энергия, время – начинаешь учиться бережливости, и вырабатывается инстинкт скрупульности.

4. Ускорение времени. Времени остается все меньше, а то, что осталось, уже не проходит – летит. Вернее, тут двойственный эффект, и обе его стороны пугают: короткие отрезки времени растягиваются до бесконечности, а длинные – исчезают мгновенно. Психологическое объяснение будет таково: временная ось подобна любой из трех пространственных. На картине, где использованы законы перспективы, расстояние кажется большим, если между двумя точками помещены какие-то привлекающие взгляд объекты, и сокращается, если между ними пустота. Что касается временной оси, юность забита интересными событиями или событиями, которые вызывают яркие переживания, ибо все эти переживания вновь – все в первый раз, и это – в первый раз; напротив, в середине жизни человека настигает ощущение, будто ничего нового уже не происходит, будто не происходит вообще ничего. Вот почему годы начинают ускользать быстрее, и этим же объясняется другой широко известный феномен: мы с трудом припоминаем, что было вчера, а впечатления юности все еще не померкли в памяти.

5. Метафизическое нетерпение. Вероятно, это также следствие ускорения – тупая ярость: сопротивление косной материи выводит из себя, мир не торопится выполнять наши желания. Хотя нетерпение это главным образом метафизическое, оно принимает и конкретные формы: к примеру, люди выходят из себя в очереди, я лично не переношу пробок на эскалаторе – стоит мне увидеть парочку, занявшую ступеньку целиком, и я готов удавить обоих.

6. Неуверенность. Предполагается, что юность – пора сомнений и переменчивости, а зрелые годы приносят уверенность. Могу сказать лишь, что для меня все было наоборот: молодость кипела страстными убеждениями, энтузиазмом и гневом, а с возрастом я становлюсь все менее решительным. Однажды я с ужасом понял, что сам уже не знаю толком, во что верю и верю ли хоть во что-нибудь. Я даже не пойму, что

мне нравится, а что нет. Морской окунь или лосось? Как выбрать? Хороший ли Фолкнер писатель? Меня это вообще интересует?

Средний возраст выбросил меня на греческий архипелаг апории, атакции и ангедонии – говоря нормальным языком, на острова замешательства, равнодушия и безрадостности.

7. Одержанность собственным кишечником. Да, странная штука, и теорию я еще не успел изобрести, однако сам феномен неоспорим. У меня есть друг восьмидесяти с лишним лет, исчезающая порода – *мудрый человек*, так что когда он предложил раскрыть мне смысл жизни, я насторожил слух.

Он выдержал паузу – с чувством времени у него пока все еще в порядке – и произнес нежно:

– «Бисакодил»!

Молчание. Я – как он того и добивался – был в полной растерянности.

Наконец я отважился переспросить:

– Что-то вроде «Виагры»?

Старик нетерпеливо поморщился:

– Нет, нет! Трахаться – это ерунда. – Гrimаса неудовольствия исчезла, даже морщины разгладились от блаженной улыбки: – Все чушь, главное – *какать*, как в молодости.

8. Эффект «смерти в Венеции». Мой восьмидесятилетний друг соврал, когда заявил, будто утратил интерес к противоположному полу. За ланчем он не сводил глаз с официантки. Красота юности – красота, которую сама юность редко осознает, – изумляет, ослепляет стариков. Рильке сказал: «Ибо сама красота – только вестница страха, уже нестерпимого сердцу»²⁶⁸. И страх этот возрастает с годами, и вот уже любое молодое существо кажется прекрасным и внушающим ужас. Жизнь, столь изобильно цветущая в юном теле, напоминает старости о скором конце, и в то же время потребность любоваться молодостью необорима. Красота – яркий свет фар, в котором замирает обреченный на смерть седой кролик, красота – безжалостное солнце, иссушающее полуторуп. Отведи свой слабеющий взор, *отведи свой взор*.

На следующий день после того разговора я обедал с человеком совсем иного пошиба – с дантистом, среди пациентов которого числились кинозвезды, телеведущие и знаменитые повара. Мы познакомились через наших жен и детей – малыши ходили в один детский сад, когда этот дантист еще не достиг вершины успеха и не перебрался в огромный особняк с бассейном в престижном пригороде. На обеде присутствовали его не менее зажиточные соседи, их жены, сорока или пятидесяти лет, оживленно болтали и много смеялись, смеялись от души и от ума. Прекрасный апрельский день, полный свежих ароматов и послов. На ровной поверхности бассейна плясали зайчики, шампанское текло в изобилии, словно вода из подземного ключа, бутылки марочного напитка открывались одна за другой с небрежной щедростью, точно банки колы. Я словно побывал на одной из мифических вечеринок Великого Гэтсби – никогда еще я не видел, чтобы шампанское буквально лилось рекой.

В какой-то момент жены надумали искупаться. В современном мире нас со всех сторон бомбардируют образами обнаженной плоти, но исключительно плоти юной и до нелепости скучной, так что я был не прочь полюбоваться куда более редким и прекрасным зрелищем полновесных и щедрых, широких, по-настоящему женских бедер. Но только пловчихи, переодевшись в купальники, вышли из дома, как хозяин передвинул свой шезлонг и уселся прямо передо мной, загородив обзор.

– Вы вроде бы человек умный, – заговорил он. – Объясните мне – назовите хоть одну причину, – ради чего мне утром вставать с постели.

От Гэтсби подобных вопросов не ждешь. За его спиной прекрасные нереиды, девичьи повизгивая, окунали великолепные тела в воду, в солнечные зайчики на воде.

Выяснилось: если б не гости, наш Гэтсби в тот день, скорее всего, так и не проснулся бы. Обычно он проводил выходные в постели и все увеличивал дозу антидепрессантов.

– Я одним из первых на Харли-стрит занялся эндодонтней, – повествовал он. – Теперь этим занимаются все. Они моложе меня, меньше берут, наверное, и делают лучше. И я

сорвался, я живу в постоянном страхе напортачить. Пациенты у меня нервные, нетерпеливые, от них пощады не жди. Я разорюсь, вот что со мной будет. – Безнадежным взмахом руки он охватил свой дом, сад и бассейн. – Все пойдет к чертям! Я в долгах по уши, я живу в кредит.

И далее как по прописи: депрессия, бесконечная усталость, боли в груди, утрата либидо – о последнем симптоме он мог мне и не говорить: он даже не обернулся, когда за его спиной жены в торжествующем изобилии плоти восстали из воды и, расточая брызги и смех, устремились к дому. Я так и эдак вытягивал шею, пытаясь хоть что-то разглядеть, но, конечно, все упустил. Только полотенца мелькали в воздухе, и дразнил воображение смех.

А дантист мрачно и сосредоточенно смотрел на меня, как будто и впрямь ожидал разумного совета. Но времена мудрости остались в прошлом, так что профессиональный совет прозвучал не из моих, а из его уст:

– Вам давно пора отбеливать зубы.

Я попытался устоять. Я спросил его:

– Сколько вам лет?

– Недавно исполнилось пятьдесят четыре.

В таком случае, предположил я, это такой *эпизод*. Он совсем не похож на пресловутый «кризис среднего возраста», когда мужчина лет сорока с небольшим обзаводится ярко-красным, будто пожарная машина, спортивным автомобилем с откидным верхом и носится в поисках пышногрудых юных дев. У моего собеседника наблюдались в точности противоположные симптомы – он утратил интерес к сексу, и ему даже не хотелось вставать по утрам. «Эпизоды» происходят обычно после пятидесяти, а не после сорока, и свойственны как мужчинам, так и женщинам. У большинства моих друзей после пятидесяти лет случались «эпизоды» различной силы и продолжительности и по-разному выражавшиеся, но общим был именно этот симптом: мир внезапно рушился, и у кого-то наступала глубокая продолжительная депрессия, а кто-то страдал от приступов паники. Коллапс происходил из-за утраты уверенности в себе, задора и отваги. Человек, который до сих

пор со всем справлялся, вдруг говорил себе: «Нет, я больше не могу, у меня ничего не получится».

У меня «эпизод» начался с ужаса перед необходимостью читать длинные лекции. Годами я выступал перед студентами, и вдруг – пожалуйста: тревога, боль в груди, учащенное сердцебиение, проливной пот, в руках дрожь. Наработанный авторитет, профессиональный опыт и умение преподавать – все исчезло в одночасье, остались пустота и одна лишь мысль: «Больше у меня это никогда не получится».

Как я выбрался? До сих пор не вполне отдаю себе в этом отчет, однако думаю, что прибег к когнитивной поведенческой терапии, хотя тогда еще понятия не имел об этом методе и даже не слышал такого термина. Во-первых, я кое-как справился с тревожностью, тщательно, до мелочей, подготавливая материал для очередного урока, чтобы не полагаться ни на память, ни на вдохновение. Затем я попытался разумно уговорить самого себя: после двадцати лет профессионального преподавания эти страхи просто нелепы. Наконец, я понудил себя восстановить более формальные отношения со студентами, с позиции авторитета: стоит утратить авторитет, и они тебя съедят, а мне не хотелось быть съеденным.

Но чем вызван «эпизод»? Полагаю, тому есть много причин. Я замечал, что старею и слабею физически, понимал свою ничтожность и беспомощность, видел, что мир становится все более равнодушным, более требовательным и беспощадным по мере того, как в человеке убывают силы. Далее – утрата веры, из-за чего начинаешь чувствовать себя шарлатаном, старым мошенником. И осознание неизбежности смерти, после которой о тебе тут же забудут, словно и не жил, и еще хуже физической смерти утрата возможного, нависание неизбежности. Пока мы молоды, мы живем в постоянном ожидании, все время верим, что вскоре что-то хорошее случится, сбудется, откроется некая возможность, и мы сделаем решительный шаг вперед, ухватимся за свой шанс и станем, наконец, тем, кем должны стать. Однако в среднем возрасте приходит тошнотворное ощущение: ничего не подвернется, не будет волшебного избавления. Что есть, то есть, и больше ничего не будет. Хуже: и то, что есть, постепенно убывает.

Такие вот термиты грызут нашу уверенность в себе – грызут бесшумно, незримо и неотвратимо, покуда наша уверенность не рухнет вдруг и не рассыплется в прах. Самый жуткий страх – что депрессия или паника теперь уже никуда не уйдут, а то еще и усугубятся. К счастью, большинство людей благополучно проходят через «эпизод» и потом оглядываются на него с некоторым недоумением. С «другого берега» я воспринимаю это как своего рода инициацию: подобно тому как подростки проходят обряд посвящения, чтобы стать взрослыми и выйти в жизнь, так «эпизод» подготавливает взрослого человека к старению и смерти. Мы проходим Долину Бедности и Небытия – последнюю долину, которую в поэме Фарида ад-Дина Аттара должны пересечь птицы, чтобы найти Симурга, вернее – осознать Симурга в самих себе.

И за мучения нас ждет награда – «с той стороны» все выглядит намного радостнее. Та кривая, о которой я говорил ранее, график флюктуации заданной точки, имеет форму подковы: высокие показатели юности падают до минимума в середине жизни, но затем вдруг начинают карабкаться вверх до прежнего уровня²⁶⁹. Этому же закону подчиняется и кривая удовлетворенности в браке: она упорно идет на понижение в среднем возрасте, но, если брак удастся сохранить, перевалив через минимум, она вновь идет вверх²⁷⁰. Даже память следует этой кривой: в семьдесят лет люди отчетливо помнят дни своей юности, мало что хранят в памяти из середины жизни и готовы во всех подробностях обсуждать последние события²⁷¹. С какой стороны ни глянь, средний возраст ужасен. По данным ВОЗ, депрессия стала «основной причиной потери трудоспособности людей средних лет». Появились даже сведения о росте доли самоубийств, приходящихся на этот возраст. В США с 1999 по 2004 год количество самоубийств среди молодежи оставалось практически неизменным, а в диапазоне от 45 до 54 лет возросло почти на 20 процентов, в то время как среди старших возрастных групп сократилось в среднем на 10 процентов²⁷². Подковообразная форма кривой темперамента становится все более выраженной, и, мне кажется, всем стоит понять это: не вешай нос, и не придется вешаться.

Все вышесказанное вполне объяснимо. С возрастом волей-неволей мы отрешаемся от многого: уходим с работы, дети покидают дом, слабеет половое влечение. Мы научаемся понимать свою природу, потребности, желания и причуды, а потому нам легче их контролировать, мы гораздо лучше понимаем, что доставит нам удовлетворение, а что нет. Хотя само по себе положение старика может быть гораздо более удручающим, нежели ситуация молодости, зато и намного легчеправляться с негативом. Сканирование мозга показало, что у людей поможе миндалевидное тело реагирует и на положительные, и на отрицательные стимулы, но у старииков оно отвечает преимущественно на положительные²⁷³. Предполагается, что префронтальная кора с годами все лучше контролирует миндалевидное тело. «Я» наконец-то научаетсяправляться с «оно».

В этом возрасте уже маловероятны как головокружительные сексуальные приключения, так и резкий карьерный взлет, голос сирен – голос мира сего – слабеет. Все меньше потребность «быть как все», все меньше потребность нравиться другим, да и к людям можно относиться уже беспристрастно, а потому нет необходимости ломать себя и подстраиваться. Своеволие – одна из прекраснейших услад поздних лет, только бы своееволие было и впрямь добровольным и вместе с тем не вырождалось в тупое упрямство. Лично для меня одним из самых поразительных открытий стали результаты исследования Говарда Фридмана из Университета Калифорнии: оказывается, бодрость духа никак не способствует долголетию, напротив, вечные бодрячки не так уж вечны: «Советовать людям взбодриться, чтобы подольше прожить, неверно»²⁷⁴. Итак, в старении есть еще одно преимущество: скрипите подольше, и спляшете на могиле надоедливого оптимиста.

С другой стороны, вдумчивость, внимательность, старение научиться новому действительно продлевают жизнь и к тому же повышают ее качество²⁷⁵, так что склонность пожилых избегать трудностей и новизны может и впрямь оказаться роковой. Появились даже доказательства того, что разум вовсе не обречен угасать с годами: мозг способен порождать новые нейроны вплоть до самой смерти – чудо, именуемое нейрогенезом²⁷⁶.

А самое главное: убывание возможностей, которое прежде воспринималось бы словно катастрофа, на самом деле оказывается благоденствием, ибо чары возможного суть злые чары, помрачающие разум и чувства. Когда эти чары рассеиваются, наконец становится легче усвоить главный жизненный урок: путь важнее цели, действие существеннее исхода. К этому выводу нас подталкивают снова и снова. Борьба за знание дает нам больше, чем сами знания, одной из самых приятных форм размышления остается размышление ни о чем, погрузиться в изучение какого-то непростого дела – значит ощутить «поток», т. е. нечто гораздо более прекрасное, чем любая награда за труды, и стремление любить даст нам большее удовлетворение, чем сама любовь. Все несет награду в себе самом.

Все яснее становится, что у нас есть только эта жизнь, которую мы проживаем, – но это хорошая новость! Можно радоваться всему: своей способности видеть и слышать, пробовать на вкус, ходить пока что самостоятельно, а то и подниматься по лестнице, а если уже и эрекции удается добиться «естественным», а не медикаментозным путем... Да это просто офигенно прекрасно! Природа открывается нам в своем торжествующем изобилии, и мир человеческий – в торжествующей абсурдности. Но это сокровище дается нам лишь на короткий срок, так что наш прямой долг – ценить, впивать его. Едва ли не последняя строчка, написанная рукой Шекспира, призывает: «Поблагодарим за то, что есть»²⁷⁷. Дивный и удивительный дар старости – благодарность.

С какой точки зрения мы бы ни взглянули на жизнь, мы увидим все тот же подковообразный график. Кривая силы, энергии и честолюбия – перевернутая парабола, выгнутая вверх, кривая темперамента – обычная парабола, она достигает нижней точки в середине жизни; а наш путь по жизни – та же подкова, лежащая на боку, словно разворот автобуса, который сперва проезжает по одной стороне шоссе, и мы выходим, а затем возвращаемся за пассажирами, и мы входим в него снова, но уже не столь обремененные багажом и лучше научившиеся ценить то, что имеем. Так, на склоне дней к супружеской паре возвращается нежность, но без пылких битв юности и без уто-

мительных обязанностей по воспитанию детей. В преклонном возрасте можно вновь стать студентом, но уже без давления обязательных экзаменов и выбора карьеры, т. е. наконец-то появляется свобода выбирать предметы для изучения и по-настоящему получать удовольствие от процесса. Разумеется, итогом этого возвратного пути станет второе детство, и я все больше ощущаю справедливость этого выражения по мере того, как приближаюсь к последней фазе жизни, однако на данный момент я (по вполне понятным причинам) предпочел бы не исследовать все обертоны *этого* выражения.

Самое главное для нас, достигших второго коленца кри-вой, – принять свое старение и смертность, но сделать это в цивилизации вечной молодости не так-то просто. Кто ныне решится повторить вслед за Рильке: «Я верю в старость: работать и стареть – разве не этого требует от нас жизнь?»²⁷⁸

Братское общество изгнало из своих городов смерть. Я рос в маленьком ирландском городке, где присутствие смерти ощущалось постоянно. Каждый раз, когда я навещал деда, тот со злорадным удовольствием перечислял сверстников, скончавшихся со времени моего последнего визита. Местная газета отводила одну полосу новостям, и две-три – некрологам. Погребальные кортежи торжественно проезжали по улицам, и все прохожие останавливались, снимали шляпы, почтительно склоняли головы. На дверях дома, где лежал покойник, вывешивали огромные венки, прощание длилось несколько дней, чтобы все успели воздать последний долг «останкам».

В современном городе смерть сделалась невидимкой. Нет кортежей, не печатаются извещения о смерти, никаких вам «останков». Год за годом инопланетянин мог бы даже не догадываться, что люди склонны умирать. Покойники в городе – точно крысы: они рядом с нами, однако мы никогда их не видим. Заупокойные службы забыты, а деловая светская кремация избавляет всех, кроме самых близких, от необходимости созерцать тело, гроб, да и саму кремацию. Это больше похоже на проводы не из жизни, а с работы на пенсию, с той лишь разницей, что сам виновник торжества почему-то отсутствует.

Раньше всякий мог твердить: «Когда я помру», «Этого я на моем веку не увижу», «До этого я не доживу», но теперь само упоминание о смерти и смертности сделалось неприличным. Чем ближе мы к смерти, тем, казалось бы, очевиднее осознаем ее неизбежность, но не тут-то было: сам процесс жизни, как и любая наша деятельность, способствует формированию привычки. Мы просто насмерть привыкли жить. Как пишет Эмиль Сиоран (Чоран): «Чем старше становится человек, тем более он предпочитает рассуждать о своей смерти, будто о событии отдаленном и маловероятном: жизнь вошла в привычку, и он решительно не готов к смерти»²⁷⁹.

Итак, наш новый способ решать загадку смерти – сплавить ее с глаз долой и укрыться от нее в привычке. Но вкус жизни придает лишь сознание ее быстротечности. Смертность – проправа к нашему бытию.

В эссе «Преходящее» Фрейд опровергает мнение молодого поэта, утверждавшего, будто непостоянство губит все, что есть ценного в жизни: «Напротив, – говорит он, – ценность возрастает! Преходящее дорого нам, ибо малость торжествует над временем. Чем ограниченнее возможность наслаждения, тем более мы наслаждаемся»²⁸⁰.

Сознание собственной смертности придает любому переживанию интенсивность и сфокусированность, и это опять же – дар поздних лет. У молодежи времени полно, и потому она заносчива и беззаботна, как все богачи – когда все по карману, вряд ли будешь хоть что-то ценить, но старики, скучные временем, понимают, что приобрести могут уже очень немногое, и потому ценят все, что имеют. Необычно усиливается и утончается сексуальное наслаждение, ибо ясно, что уже недолго осталось и в любой момент конец ему могут положить импотенция или смерть. Я тоже однажды написал поистине поэтическую строку: «Если бы каждый раз мог оказаться последним, он был бы прекрасен, словно первый».

Со времен Гомера литература всеми способами пытается напомнить нам о чуде земного существования. Когда Одиссей в царстве мертвых хочет ободрить Ахилла вестью о том, как героя чтят на земле, славнейший из воинов отвечает:

О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;
Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый²⁸¹.

«Философствовать – это значит учиться умирать» – так мы переводим французский афоризм Монтеня, позаимствованный им у римлянина Цицерона, который в свой черед перевел на латынь с греческого мысль Платона. Будда опередил их всех: «Прежде всего, что любят, с тем нужно расстаться»²⁸².

Учиться умирать значит учиться жить. Смерть дает нам жизнь. «Теперь или никогда», – предупреждал Элвис.

Смерть может послужить даже продлению жизни. Монахи на горе Афон в Греции носят черные одеяния, чтобы весь день, с рассвета до заката, помнить о смерти, а доживают, как правило, до глубокой старости. Возможно, в этом и заключается секрет долголетия: признать, что жизнь коротка. Даже если от этого признания количество отпущеных нам лет не возрастет, качество их улучшится непременно. Среди монахов на горе Афон ни единый не страдает болезнью Альцгеймера.

Признание – вот ключ к тайне. Реакции бывают разные, от ставшего знаменитым яростного протesta Томаса Дилана: «Не уходи в ночь, смиренно попрощавшись» – до дивной сдержанности Марка Аврелия: «Увидеть в человеческом однодневное, убогое; вчера ты слизь, а завтра мумия или зола. Так вот – пройти в согласии с природой эту малость времени и расстаться кротко, как будто бы упала зрелая уже оливка, благословляя выносившую ее ветвь и чувствуя благодарность к породившему ее дереву»²⁸³. С виду эти реакции противоположны, но в одном они совпадают: не отвергается сама реальность смерти.

Лишь признав реальность смерти, обретем мы ту искру, то сияние, которым вспыхивает наше бытие в предвестии гибели. Укажем на известный феномен – «поздний стиль», расцвет на закате, столь характерный для большинства художников, композиторов и писателей. Жанры искусства, люди искусства

чрезвычайно разнообразны, однако в этой стадии жизни есть у них общее – неистовое, граничащее с безумием нетерпение. Словно одержимые, они отбрасывают в сторону сковывавшие их прежде требования, забывают риторику, отделку, нарушают уже устоявшиеся формы, вырываются за пределы разработанной техники, вместо сознательного контроля отдаются инстинкту своего гения и с полным равнодушием принимают критику и хвалу. Эти произведения пугают современников своей инфантильностью, грубостью, фрагментарностью; художник повторяется и ничего не заканчивает, все это – продукты разлагающегося духа. Но сменится поколение, и потомки разглядят шедевры кипучей энергии, то, что критик Барbara Хернштайн Смит окрестила «старческим взлетом»²⁸⁴. Как ни парадоксально, когда художники, писатели, композиторы начинают творить для самих себя, их общение с миром становится более напряженным и непосредственным. Им уже не нужно угождать, нравиться, производить впечатление, уговаривать, убеждать – бездна бездну призывает, глубина откровенно, настойчиво говорит с глубиной.

Всеми этими качествами обладают творения восьмидесяти-, девяностолетнего Пикассо – всеми и бесстыдным эротизмом в придачу. Художник ни в чем не раскаивался – он скорбел о том, что приходится расставаться с раем плоти, и одержимо рисовал обнаженных женщин и переплетенные в объятиях парочки. Его обнаженные этого периода массивны, с монументальными членами, огромными, дико вытаращенными глазами, пальцы на руках размерами напоминают бананы, пальцы ног – луковицы, обязательная деталь – неправильной формы, хаотично расположенные на теле груди с черными кругами сосков, а распахнутая, грубо, словно на подростковом граффити, намалеванная вульва – неизменный центр каждой его картины. Пикассо хотел наделить своих женщин такой реальностью физического присутствия, чтобы зритель мог уткнуться им в промежность, почутъять аромат подмышек. «Надо учиться вульгарности, – твердил он. – Рисуйте то, чего не смеете назвать»²⁸⁵. Одно его произведение называется «Писающая женщина», и это отнюдь не метафора, на другой картине женщина ма-

стурбирует, пустьв в ход обе руки. Еще безумнее изображения любовников – глаза их раскрыты даже шире, чем глаза обнаженных женщин, тела переплетены, и кажется, будто мужчина не то душит, не то пожирает женщину. Никогда еще любовное слияние не изображалось так неистово. На одной из последних картин – Пикассо нарисовал ее в девяносто с лишним лет, уже незадолго до смерти – руки и ноги любовников буквально смешались, настолько они перепутаны, и, если бы не всё так же четко и вульгарно очерченные гениталии, невозможно было бы определить, где мужчина и где женщина. Существуют и поздние автопортреты. Один, написанный после восьмидесяти лет, изображает художника по пояс, одетым в полосатую майку. Торс обрисован яростными штрихами, цветные полосы одежды Пикассо клал огромными влажными мазками, как будто поощряя краску к ослушанию – пусть брызгает, расползается, течет. Лицо суворо, темные впадины глаз закрыты от мира, обращены внутрь к некоему пугающему откровению. И, наконец, в тот же месяц, когда Пикассо в последний раз нарисовал переплетающихся любовников, он создал и последний автопортрет – гигантскую голову с огромными, выкаченными в ужасе глазами: нечто неотвратимое надвигалось все ближе и ближе.

На первой выставке публика чуть ли не в один голос насмехалась над этими картинами; все дружно признали, что прославленная техника Пикассо под старость изменила мастеру. Сам он говорил, что техника дошла до предела и сама себя отменила²⁸⁶. Более проницательными оказались собратья по искусству. Мексиканский поэт Октавио Пас отозвался на эту выставку: «Он рисует по настоятельной необходимости и рисует настоящее настоящего. Он – Художник Времени»²⁸⁷. Так, в позднем стиле выделяется главная его черта – безотлагательность. Пикассо подтверждает это: «Времени остается все меньше, а сказать надо все больше»²⁸⁸.

На последних картинах Клода Моне мы не увидим обнаженных женщин, вообще людей не увидим, и тем не менее, в них пульсирует все та же чувственная сила. Невыносимое расставание с земной юдолью этот художник передал в образах

любимых кувшинок – кувшинки становились все крупнее, все больше часов Моне отдавал лихорадочной работе, поднимаясь спозаранку и трудясь до темноты. От реализма в этих поздних работах он полностью отходит, это оргия абстрактных штрихов, прямых и кривых линий, шматов краски, среди которых проглядывает голый, шероховатый холст. Он не заглаживает движений своей кисти, каждое оставляет на картине неровный отпечаток, в том месте, где кисть впервые соприкоснулась с полотном, лежит густой красочный слой, а заканчивается проход бледными пятнами с разрывами или тоненькими раздвоенными и растроенными щупальцами – Моне умышленно пользовался старыми, растрепанными кистями для создания такого «неправильного» эффекта. Краска словно счастлива вырваться на свободу – она ложится на холст сочными пятнами, неровными шлепками, кривыми мазками, буграми и каплями. Если отойти подальше, все начнет сливаться и останется лишь одно впечатление – торжество цвета. Таким было его видение славы мира, с которым художнику предстояло расстаться. Всмотритесь в эти поздние работы, и в страхе, радости, восторге вы изумитесь мужеству, породившему столь блестательное безумие.

Если мы обратимся к музыке, нас ждут поздние квартеты Бетховена, более похожие на размышления вслух, чем на попытку привлечь внимание слушателей. То же самое мы вправе сказать о композиторе, принадлежавшем к совершенно иному времени и стилю – о джазисте Эрле Хайнсе. Общего у Бетховена с Хайнсом не так уж много, однако оба они играли на рояле и дожили до старости. В молодости Хайнс был шоуменом, музыкантом, руководителем джаз-ансамбля в ночном клубе Чикаго (гангстерском клубе, разумеется), потом его забыли, и новое открытие Хайнса последовало только в его старости, когда музыканта пригласили дать сольный концерт в Малом театре Нью-Йорка. Он вышел на сцену и заявил публике, что играть будет, словно у себя в гостиной, после чего поразил зал дерзостью и богатством звучания. С тех пор Хайнс отказывался играть и в оркестрах, и даже в маленьких группах, он исполнял только соло на рояле – случай для джазиста редкий,

едва ли не уникальный. Когда я слушаю записи этих затяжных, насыщенных композиций, с внезапными переменами темпа, резкими контрапунктами, правая и левая рука играют не просто разные – противоборствующие темы, – я готов поверить, что Хайнс и вправду забывал о публике, играл, словно у себя дома, спорил яростно только с самим собой. Разумеется, кроме общих свойств «позднего стиля» есть также индивидуальные. Хайнс бурно праздновал жизнь, его радость прорывалась даже в задумчиво-печальных жанрах баллад и блюзов. Он как будто возродился и жил озаренный своим открытием: «От забот все лицо покрывается морщинами. Зачем я стану переживать, ворчать, склонять лицо свое и влечь стопы и всех вокруг погружать в уныние? Будь тем, кто ты есть, и тебе непременно представится шанс, среди туч блеснет солнечный луч»²⁸⁹.

А в литературе великолепный образец «позднего стиля» – Шекспир, под конец жизни решительно отвергавший прежние рамки пьесы, в особенности же правила единства времени и места. «Зимняя сказка», «Цимбелин», «Буря», «Перикл» и «Два знатных родича» прорывают пространство в поисках уже не драматургической свободы, но своеобразия романа. Нетерпение чувствуется и в языке этих пьес, сжатом, настоянном, настойчивом, в синтаксисе, меняющем прежние черты под написком новых идей. Надоело Шекспиру выстраивать грамматически правильные предложения. Когда в «Зимней сказке» Леонт восклицает: «...Не очи – звезды, а у прочих – угли / Потухшие»²⁹⁰, читатель сам должен сообразить, что в этих восьми словах вдовец сравнивает очи своей жены со звездами и утверждает, что перед их сиянием глаза всех прочих женщин – все равно что погасший уголь.

Толстого та же действующая под конец жизни сила и вовсе заставила обратиться от художественной литературы к настойчивым вопросам «В чем моя вера?», «Что такое искусство?», «Что же нам делать?» и к весьма актуальному для наших времен трактату «О безумии». Когда же он в эту пору все-таки писал «художественное», то создавал персонажей ожесточенных и растерянных перед лицом неотступно надвигающейся погибели. «Смерть Ивана Ильича» повествует о последствиях упорного, на протяжении

всей жизни, отрицания смерти. Крупный чиновник Иван Ильич всю жизнь заботился лишь о статусе да о своем удобстве, жил прилично и приятно, изолированный от всяких бед и от любой мысли рутиной, однако смертельная болезнь застала его врасплох, и вот он умирает в одиночестве, заранее отторгнутый той рутинной жизнью, к которой он так привык. Жена и дочь с нетерпением ждут, когда же он скончается и они смогут вернуться к светской жизни; для сотрудников его смерть – открывающаяся вакансия и не более того. Лишенный всяческих внутренних или внешних ресурсов, Иван Ильич мучительно умирает – последние три дня «он не переставая кричал»²⁹¹.

Среди поэтов стоило бы упомянуть Уильяма Йейтса, в числе последних творений которого значатся «Эта сумасшедшая девочка» и «Буйный старый греховодник». Он утверждал, что старого поэта к песне понуждает лишь гнев или похоть, и бросал в лицо молодости риторический вопрос: «А почему бы старцам не сходить с ума?» Физические его силы убывали, а воображение крепло и освобождалось от уз – как у Пикассо.

Ну что мне делать с этим наважденьем:
Мятется сердце, будто бы репьи
В собачий хвост, впиваются года,
Пародия зовется одряхленьем,
Хоть не были видения мои
Столь страстными доныне никогда,
Не отличались прежде глаз и ухо
Столь буйным, как теперь, воображеньем²⁹².

В одном из прекрасных последних стихотворений, «Ляпис-лазурь», Йейтс описывает трех старых китайцев на картине из камня:

Но в сетке морщин глаза их юны,
В зрачках их древних мерцает смех²⁹³.

Сам Йейтс был суровым, сдержаным человеком, он не в силах был отбросить хорошие манеры и поревзиться, и все же

сумел различить веселость – вдохновение восточных культур. На Западе «поздний стиль», при всей своей энергичности, зачастую агрессивен или полон горечи, но восточная старость, точно так же отвергая рутину и отстаивая свою независимость, еще и весела, приветлива, радостна.

Вот Хокусай, оказавший заметное влияние на Моне (французский художник приобрел одну его картину и перенял у японского мастера идею многократного воспроизведения одного и того же пейзажа, как в цикле «Сто ликов Фудзи»). В семьдесят три года он планирует на полвека вперед: «К семидесяти трем годам я кое-что понял в подлинной сути природы, животных, растений, птиц, рыб и насекомых. Значит, когда мне исполнится восемьдесят, я достигну большего, к девяноста годам проникну в тайну вещей; сто лет, несомненно, станут моим расцветом; когда же мне будет сто десять, все, что я нарисую, будь то прямая или точка, оживет. Написано в возрасте семидесяти трех лет мною, некогда Хокусаем, ныне Гакэдзином – стариком, одержимым живописью»²⁹⁴.

Какую антологию можно было бы составить из престарелых восточных поэтов – сколько в них отваги, задора, радости жизни! Вот – познавший многие разочарования Ду Фу:

Я стою во дворе со свечой и зову, чтобы факела
Два принесли. В ущелье крикнул гибон.
Я стар, я устал, я сед. Я пою и танцую без сна,
Опираясь на палку. *Попробуй, поймай меня!*²⁹⁵

ЧАСТЬ V

Хеппи-энд

Счастье абсурда

Одним из самых тревожных открытий XX века стало открытие абсурдности жизни. Кафка первым развил эту мысль. Он создавал необычные «квесты» — герой оставался ни с чем, так и не получал доступа в Замок или к Закону, но не мог он и забросить поиски. Иными словами, поиски смысла не приводят к смыслу, но должны продолжаться все равно.

И пока Кафка работал над этой темой в литературе, физики пришли к выводу: частицы микромира существуют лишь постольку, поскольку их наблюдают. Иными словами, поиски реальности уперлись в зловещий факт отсутствия реальности. Вернер Гейзенберг, открывший принцип неопределенности, в отчаянии заявил: сама природа абсурдна.

В философии Камю сравнивал положение человека с судьбой Сизифа, который обречен вновь и вновь вкатывать камень на скалу. Эта судьба нелепа — но Камю утверждал, что Сизиф, тем не менее, может быть счастлив.

Беккет придал этому сюжету новый поворот — в его саге о поисках нет даже поисков. Герои «В ожидании Годо» — пара бродяг, вполне современные люди: им лень куда-то двигаться в поисках смысла, да и любопытство в них давно иссякло, так что они болтаются на одном месте и ждут: авось смысл сам придет к ним. Скоро явится Годо, неустанно твердят они, хотя в глубине души прекрасно понимают, что Годо не придет никогда. Беккет находил эту нелепость смехотворной. Смех, колючий смех, кажется единственной возможной реакцией.

Отрезаны все пути обратно – к уверенности, простоте, невинности, – нам некуда идти, кроме как к еще большему знанию, т. е. сомнению и смятению. Вздох изумления заглушен сардоническим смехом скептика. Возвышенное сменилось нелепым.

Все прочие источники иссякают, абсурд плодится, множится и заполняет землю. И это – благая весть. Можно и попричудливее провести время в ожидании Года. К примеру, сторож автостоянки Боб Прайор на досуге проходит «квест» в тиши родного дома: он собирает героев «Звездного пути» и декорации к фильму из упаковок рисовых хлопьев Rice Krispies²⁹⁶. На мой взгляд, именно эта подробность – упаковки рисовых хлопьев – придает истории колорит. Но есть люди, которым столь скромных моделей мало. Подражатель Элвиса Джеймс Коули потратил десять лет и 150 000 долларов на строительство в своем гараже полномасштабной копии командного пункта звездного крейсера «Энтерпрайз» все из того же «Звездного пути»²⁹⁷.

Для более активных личностей, жаждущих зрелищ и развлечений, придуманы соревнования в поглощении пищи. Новый вид спорта успел обзавестись официальными структурами – Международной федерацией состязаний в еде (IFOCE), которая устанавливает мировые рекорды, ведет текущий рейтинг и проводит олимпиады. Любой участник, с которым приключится «римский инцидент» (движения, противонаправленные глотательным), будет дисквалифицирован. В этом виде спорта лидирует Япония (как Бразилия в футболе): нынешний чемпион мира – японец Такеру Кобаяши по кличке Цунами – проглотил 53 хот-дога за 12 минут (и восемь килограммов коровых мозгов за четверть часа). Среди выдающихся гастроатлетов следует упомянуть Карла Конти (Попрыгунчик), который слопал за 10 минут 168 устриц, Олега Жорницкого, справившегося за восемь минут с четырьмя килограммовыми банками майонеза, и Дона «Мозеса» Лермана, который съел за пять минут семь стограммовых пачек масла. Боюсь, у нормального читателя «римский инцидент» может приключиться от одного этого перечня. Но есть свой парадокс и в спортив-

ном поглощении пищи: все чемпионы отличаются худобой. Кобаяши весит всего 59 килограммов.

И для артистических личностей современное искусство открывает столь же блистательно-абсурдные перспективы. Крупнейшие государственные музеи заплатили некоему художнику за артефакты в виде использованных гигиенических прокладок его подружки, другому за оригинальную идею – а пускай через галерею раз в полминуты проносятся бегуны, третий представил видеофильм, на котором он сам спускался по канату с потолка своей студии в чем мать родила, но с ледобуром в заднице. Британская галерея «Тейт» заплатила 30 000 фунтов из средств налогоплательщиков за «Чек монохромный (белый)», т. е. попросту чек из супермаркета, с довольно прозаическим списком товаров: пакетики риса для быстрой варки, маринованные яйца, опять-таки прокладки и пакеты для мусора. Впрочем, пакеты для мусора, быть может, имеют-таки художественное значение: этот же мастер как-то раз представил загадочное произведение – предположительно, автопортрет – в виде надутого мешка для мусора (черного).

Так, теперь политики. Не прекрасен ли западный мир, где можно сделаться руководителем крупнейшей страны, рассыпая направо и налево фразы вроде «Меня недопереоценивают», или «Говорят, я нерешителен, но тут я сомневаюсь», или «Выиграет тот, чьими картами будет играть большинство», а еще лучше «Уверен, люди могут мирно сосуществовать с рыбами»²⁹⁸.

Как прекрасно жить в дивном веке абсурда, когда такое не только возможно – нормально! Слабый разум смертным дан!

Скажете, уж в бизнесе-то подобным штучкам не место? Не тут-то было! Крупные корпорации платят астрономические суммы гуру менеджмента, который именует себя «лучшим в мире специалистом по креативному мышлению» и утверждает, что «безо всякой похвальбы» он создал систему, «подобной которой не было 2400 лет, со времен Платона, Сократа и Аристотеля». Эта система – «шесть думающих шляп» – предписывает руководителям надевать красную шляпу, когда они выдвигают проект, желтую – когда перечисляют преимущества проекта, черную – когда переходят к недостаткам, и т. д. Помимо цвет-

ных шляп они получают афоризмы, каких не слыхали со времен Платона и Сократа: «Нельзя прорыть нору в новом месте, углубляя все ту же дыру», «Есть проблема – ищите решение» – или: «Птица не самолет, хоть оба и летают»²⁹⁹.

Вдохновенный такой мудростью предприниматель уж как-нибудь придумает сто один абсурдный способ разбогатеть. Можно, к примеру, грязью торговать. Я не имею в виду грязные картинки – самой настоящей грязью. Алан Дженкинс, американец ирландского происхождения, сделался мультимиллионером, поставляя на рынок трехсотграммовые пакетики сертифицированной ирландской грязи. Как опытный бизнесмен, Алан предоставляет существенную оптовую скидку, например манхэттенскому адвокату из Гэллоуэя он продал довольно ирландской грязи для могилы за вполне умеренную цену, всего 100 000 долларов, а некий уроженец Корка за 148 000 долларов приобрел несколько тонн ирландской земли для фундамента, на который водрузил свой новый американский дом. XXI век придал новый оттенок иммиграции: теперь, обустроившись на чужбине, посылают домой не только за родственниками, но и за родимой грязью. У Дженкинса появился подражатель в еврейской общине, Стивен Фридман, глава компании «Святая земля» – он импортирует в Штаты землю Израиля с официальным сертификатом от рабби Вельвела Бревды, главы иерусалимского Совета Геулы. Остается пока еще вакантным место продавца исламской земли из Мекки, но истинный новатор увидел бы открывающиеся глобальные возможности и учредил бы компанию «Святая земля интернешнл» для продажи земли со всех концов света во все концы света.

Трезвомыслящая наука не уступает в абсурде твердолобому бизнесу. Чем глубже ученые заглядывают в природу вещей, тем больше находят абсурда. Теперь уже не поймешь, где его больше, в микромире или в макро, в ядерной физике или в космической.

Сначала атом представляли в виде ядра, окруженного электронами, и ядро вело себя вполне прилично, только электрон был со странностями: вроде нынешних бисексуалов, и нашим, и вашим, то он частица, то волна, в зависимости от того, кто

ему строит глазки. Он и существовал-то – как нынешние знаменитости – только пока на него глядят. Несколько тревожно, но по крайней мере ядро оставалось надежным и скучным, точно полисмен в провинциальном городке. А потом доброе старое ядро вдруг рассыпалось на такие же неуловимые, как электрон, частицы. Целый зоопарк, хотя нас уверяли, что все это одна и та же частица – кварк. То есть всего частиц две – кварк и электрон, но у электрона обнаружилось два более тяжелых близнеца, мю-мезон и тау-мезон, а кварков – целых шесть типов, по-научному говоря, «ароматов»: верхний, нижний, странный, очарованный, прелестный, истинный. Ну и где-то еще водятся суперкварки – скварки.³⁰⁰

Кроме того, из атомов состоит отнюдь не все вещества вселенной, а только четыре процента. Что же остальные 96 процентов? Про них ничего не известно, предположительно, это на четверть темная материя и на три четверти темная энергия. Иначе сила тяжести была бы куда сильнее, тяжеловесно поясняют ученые. С темной материей шутки плохи.

Добрались и до пустоты, последнего прибежища. Пустота уже не пуста и тишина не безмолвна. Твердь сделалась маслобойней, где врачаются, превращаются друг в друга материя и антиматерия. Материя оказалась беспокойной и неустойчивой, ей бы только обратиться в своего антипод, и она тут же, разочарованная, возкаждет перехода вспять.

Микромир ухитрился переплестись с макромиром – тут обнаружилось еще одно жутковатое явление, «запутанность» (хороши современные термины!) квантовых состояний. Если я правильно понимаю, событие на уровне квантов здесь, на Земле, может иметь серьезнейшие последствия где-то в дальней галактике.

Галактики, со своей стороны, вовсе не хотят с нами путаться. Говорят, звезды теперь движутся прочь от нашей системы гораздо проворнее, чем прежде. Кто бы их в этом упрекнул после того, как мы предъявили себя космосу? Из всех наших «квестов» самым живописным и самым абсурдным была высадка человека на Луне. Кафка с Беккетом в соавторстве не выдумали бы столь изощренный сюжет. В этом эпизоде уже были

заложены все черты, что станут главными приметами нашего времени: преимущества образа над содержанием (от этой экспедиции не ждали никаких результатов, кроме снимков, зато фотографии и ценились больше добытого лунного грунта); превосходство относительного над абсолютным (главной задачей было высадиться на Луну раньше советских космонавтов) и средств над целью (людей отправили на Луну, чтобы доказать, что человек сумеет добраться до Луны).

Впервые событие столь масштабно освещалось средствами массовой информации – почти 600 миллионов человек следили за экспедицией по телевизору, не подозревая о том, сколь уязвимы были тогда космические технологии и как все чуть было не закончилось крахом. Лунный модуль промахнулся мимо места посадки, а у навигационного компьютера (мощностью он уступал нынешним мобильным телефонам) с натуги выскошла грыжа, и он выдал сообщение об ошибке 1202 – что это означало, никто понятия не имел. Представьте себе, какого это было – нестись над поверхностью Луны в модуле, видеть, что стрелка топливомера приближается к нулю, а вместо совета получить от навигатора диковинную комбинацию цифр 1202. Философ мог бы истолковать этот код как шуточку Господа Бога (вот и получили доказательство, что у Бога есть чувство юмора), но у астронавтов для философствования не имелось ни времени, ни склонности. Нил Армстронг переключился на ручное управление и в отчаянии следил за мелькавшим под брюхом модуля пейзажем – нечего было и пытаться сесть на эти бугры. Когда топлива оставалось на десять секунд, наконец-то показалась плоская площадка, где они и прилунились.

Шестьсот миллионов зрителей следили, затаив дыхание. Ждали, ждали, ждали. Что делал Нил Армстронг – осматривал местность, проверял экипировку, продумывал свою речь? Или замер, потрясенный своим ничтожеством перед лицом Вселенной? Ничего подобного – Нил прибирал посуду. Отличный муж, хозяин, он и дома накануне полета разобрал и починил посудомоечную машину.

Наконец, Нил вынырнул наружу, за ним следовал Базз Олдрин – и он надолго застрял на ступеньках модуля. Оказавшись

впечатлительнее своего товарища, он замер в ужасе и преклонении? Куда там – решил отлить. Может быть, то был акт протеста, вроде как написать в роскошный бассейн – дело в том, что сначала Баззу отводилась роль первого человека на Луне, и он негодовал, что ему пришлось уступить свой черед Нилу. По этой же причине он отказался фотографировать Нила на Луне, он, мол, «чересчур занят»³⁰⁰, и единственную свою фотографию Нил сделал сам, поймав отражение в забрале шлема своего напарника. Снова незначительное различие, в данном случае – очередность выхода, породило зависть и негативизм. Один из товарищей-астронавтов удачно сформулировал: Базз так огорчался, что не стал первым, что уже не радовался тому, что оказался вторым. Вообще-то Базз добился своего, выделился: он стал первым (и пока что остается единственным) человеком, который исходил дерзьом на Луне (завершающий штрих – обделался прямо в Море Спокойствия).

У Базза хватало поводов для огорчения. Нижнее белье в экипировке космонавта его тоже не устраивало. Вернувшись на Землю (спасшись от почти верной гибели на Луне), он первым делом дал поручение жене: «Джоан, принеси мне утром нормальные трусы»³⁰¹. А поскольку астронавтов на три дня задержали в штаб-квартире НАСА для отчета и медицинского осмотра, они пропустили тот телевизионный ураган, который Базз – несомненно, опередивший свое время – считал «настоящим событием».

Средства массовой информации и впрямь никогда еще не доходили до такого безумия. Преподобный Теренс Мэнген опубликовал подробный архитектурный план строительства церкви на Луне, группа отелей «Хилтон» рассматривала возможность создания подземного лунного курорта (предполагалось, что Луна, подруга влюбленных, станет излюбленным местом для проведения медового месяца)³⁰², непальцы тем временем яростно возражали против осквернения Луны, кою они считали местом упокоения душ усопших, а Союз персидских сказителей опасался, что искусство сказа изменится раз и навсегда.

Фотографии, сделанные с «Аполлона-11», впервые предъявили человечеству истинные масштабы Земли – крошечного

шарика, потеряного в бесконечной ночи. Армстронг обнаружил, что, стоя на Луне, он может скрыть от себя Землю, попросту загородив ее большим пальцем. «Вы почувствовали себя великаником?» — спросили его. «Нет, пигмеем», — искренне ответил он³⁰³.

Армстронг сохранил разум после этого испытания, но Базз Олдрин скатился в депрессию и алкоголизм.

Депрессия становится обычным уделом современной личности — жадной до денег и внимания, завистливой, уверенной в своем праве получить больше, чем дали, одержимой страхом что-то упустить (где-то в другом месте дают что-то получше), вечно страдающей от непризнания своих заслуг, вечно неудовлетворенной. Нужно вернуть себе отвагу и смиренение героя классического мифа — Сизифа, который не искал удовлетворения, но умел воспользоваться тем, что назначили ему боги, и обретал награду в самом труде. Сизиф вечно толкает камень в гору — и он счастлив в своей малости, в абсурдности своей судьбы.

Разумеется, время от времени Сизиф ворчит. Было бы не плохо, кабы гора была не такой крутой, камень дали полегче. Но ведь могло быть и хуже — круче гора, тяжелее камень. Ему есть за что быть благодарным: приговор назначил ему скалу и камень, но не ограничил в выборе троп к вершине: существуют миллионы путей наверх, достанет на всю вечность. Сизиф ищет самый лучший путь, но втайне мечтает никогда его не найти. А кто запрещает ему двигаться вбок или по серпантину, так, что камень почти что сам собой катится? Если уж совсем выбьется из сил, то позволит себе оступиться, и камень скатится к подножью — небеса омрачатся, громыхнет гневная молния, но Сизиф только пожмет плечами, предъявит богам пустые, ободранные ладони, и спустится вниз, чтобы начать все с начала.

Порой он притворяется, будто застрял, прислоняется к камню спиной, якобы чтоб его сильнее подтолкнуть, но на самом деле в этот миг человек и камень сливаются воедино и дают друг другу опору. Тут можно и помечтать, вспомнить любезную супругу, ощутить нежную эрекцию. А то вдруг Си-

зиф с яростным воплем набрасывается на камень и одним непрерывным, сметающим все на своем пути усилием гонит его до самой макушки горы. Боги таких номеров не одобряют, но что они ему сделают? И, конечно же, ему безраздельно принадлежит миг отдыха на вершине, тот миг, что он предвкушал всю дорогу, и хотя на самом деле этот миг никогда не бывает столь совершенен, как виделось снизу, все же им стоит насладиться. И разве он должен лететь под гору с той же скоростью, что и падающий камень? Да ни за что! Сизиф спускается медленно, зигзагами, дразня своей беззаботностью богов. Боги злятся, пыхтят от бессилия — они приговорили его к тяжелой, однообразной работе, а он вон чего выдумал! Каждый раз что-нибудь новенькое.

Но даже если (о чем не сказано в мифе) Сизифу предписан один-единственный способ вкатывать камень наверх и спускаться вниз, остаются его отношения с камнем, которые вечно будут развиваться. Его руки знакомятся с каждым выступом и владиной этого осколка скалы, и камень после каждого подъема становится все более родным, понимающим, отзывчивым. Подумать только, человеческие ладони способны смягчить жесткий камень! Бывают, конечно, дурные моменты, когда камень, упорствуя, не поддается, и Сизиф проклинает его, бьет. Но чаще камень послушен и даже игрив, он катится легко и свободно, словно зовет хозяина за собой. И тогда покровы Сизифа становятся лаской, камень кажется живым и теплым.

А боги следят за ним и все больше сердятся. Им, греческим богам, не чуждо утонченное коварство, и однажды они говорят:

— Сизиф, мы следили за тем, как хитроумно ты разнообразишь свою работу, и прониклись сочувствием к тебе. Мы облегчим твоё бремя — вот тебе камень попроще.

Сизиф смотрит в изумлении и видит перед собой намного меньший камень, гладкий, идеально круглый — он ложится ему в руки и словно сам собой скользит вверх по склону. На миг Сизиф немеет, а боги, довольные успехом своего коварного плана, добавляют злорадно:

— Неужто ты верил, что долгий тяжкий труд дарует тебе свободу? Ни одному человеку не спастись от мук выбора.

Сизиф все еще молчит. Его старый камень тяжелеет в руках, Сизиф явственно ощущает неровность, неуклюжесть, несовершенство привычной ноши, это мертвый вес, гнетущий его к земле... Но вот пробуждается сила и слава рода человеческого — упрямство, — уксус и желчь бодрящей струей заливают душу титана. Он может посрамить богов — он может отказаться — может сказать нет. Гордость и смиренение, мятеж и принятие своей судьбы, абсурд и счастье — все в этом жесте Сизифа, любовно похлопывающего старого друга:

— Вот *мой* камень!

Благодарности

Мне хотелось бы поблагодарить Дженнифер Айлс, которая подарила мне идею этой книги, Эмили Маклафлин за помощь с цитатами, Дженнифер Кристи, Керри Шарп, Кирсти Эддис за множество ценных советов и мою жену Мартину, также прилежного исследователя абсурда, за обширную подготовительную работу.

Также я хочу выразить благодарность учреждению — Кэмденской городской библиотеке. Ныне часто жалуются, дескать, библиотеки перестали заказывать новые книги, но здесь я нашел практически все недавно вышедшие книги, в которых нуждался, а когда мне требовались фолианты из таинственного Хранилища, библиотекари покорно спускались за ними куда-то в подвал. Это одна из тех государственных служб, которые нужно поддерживать и ценить.

Примечания

1. Mahon D. *The Yellow Book*. Gallery Press, 1997.
2. The New York Times для Observer. 2009. May 17.
3. Цит. по: Rousseau J.-J. *Collected Writings*. Univ. of New England Press, 1994.
4. Арендт Х. *VITA ACTIVA*, или О деятельности жизни / пер. В. В. Бибихина. СПб.: Алетейя, 2000.
5. Миль Дж. С. *Автобиография* / пер. Г. Е. Благосветлова. СПб., 1874 (орфография изменена на современную).
6. Флобер Г. *Письма* / пер. М. И. Ромма и др. // Собр. соч.: в 5 т. М.: Правда, 1956. Т. 5.
7. Эта фраза, ставшая расхожей цитатой, присутствует в письме Флобера Луизе Коле от 1846 года, однако не представлена в русском переводе в пятитомном собрании сочинений. — Прим. пер.
8. Кант И. *Основы метафизики нравственности* / пер. В. Ф. Асмусса // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4 (1).
9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. Ю. М. Антоновского // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2.
10. Brampton S. *Shoot the Damn Dog*. Bloomsbury, 2008.
11. Фромм Э. *Бегство от свободы* / пер. Г. Ф. Швейникофа. М.: Прогресс, 1995.
12. Толстой Л. Н. *Письмо к Валерии Берсеневой 9 ноября 1856 года* // Труайя А. *Лев Толстой* / пер. Е. Г. Сутоцкой. М.: Эксмо, 2007.
13. Kjaergaard I. *Advertising to the Brain* // Focus. Denmark, 2008.
14. Данные приводятся в книге: Шварц Б. *Парадокс выбора. Почему «больше» значит «меньше»* / пер. Д. В. Скворцова. М.: Добрая книга, 2005.
15. Линдстром M. *Buycology: увлекательное путешествие в мозг современного потребителя* / пер. Е. В. Фалюк. М.: Эксмо, 2011.
16. Платон. *Федр* / пер. А. Н. Егунова // Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. Т. 2.
17. Аврелий М. *Наедине с собой. Размышления* / пер. С. М. Роговина. Черкассы: РИЦ «Реал», 1993. Гл. X (38).

18. Цит. по: Bly R. *The Sibling Society*. Hamish Hamilton, 1996.
19. Армстронг К. *Будда* / пер. Н. Захарович. М.: Альпина нон-фикшн, 2008.
20. Фрейд З. *Введение в психоанализ. Лекции* / пер. Г. В. Барышниковой. М.: Наука, 1989. Л. 31.
21. *Дхаммапада* / пер. В. Н. Топорова. М.: Изд-во восточн. лит., 1960. XVIII (252).
22. Ясперс К. *Великие философы: Будда, Конфуций, Лао-Цзы, Nagarjuna* / пер. Г. Б. Шаймухамбетовой. М.: ИФ РАН, 2007.
23. Армстронг К. *Будда*.
- 24–25. Ясперс К. *Великие философы: Будда, Конфуций, Лао-Цзы, Nagarjuna*.
26. Эту статистику приводят Джон Майлклюэт и Адриан Вулдридж в книге: Micklemthwait J., Wooldridge A. *God is Back: How the Global Rise of Faith is Changing the World*. Allen Lane, 2009.
- 27–31. Спиноза Б. *Этика* / пер. Н. А. Иванцова. М.: Мир книги, 2010.
32. Цит. по: Беленький М. Спиноза. М.: Молодая гвардия, 1964.
33. Обсуждение этой теории приводится в книге: Элленбергер Г. Ф. *Открытие бессознательного*: в 2 ч. / пер. К. М. Бутырина и др. М.: Янус, 2001. Ч. 1, гл. 4.
- 34–35. Шопенгауэр А. *Мир как воля и представление* / пер. Ю. И. Айхенвальда // Собр. соч.: в 4 т. М.: Просвещение, 1992. Т. 2. Гл. XLVI.
- 36–39. Ницше Ф. Так говорил Заратустра.
40. Так выглядит расхожая цитата. В переводе Ю. М. Антоновского: «Что его (человека) не губит, делает его сильнее» (Ницше Ф. *Ecce Homo*. Как становятся сами собою // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2).
41. Цит. по: Фромм Э. *Кризис психоанализа. Дзэн-буддизм и психоанализ* / пер. Э. А. Гроссмана. М.: Айрис-Пресс, 2004.
42. LeDoux J. *The Emotional Brain*. Simon and Schuster, 1996.
43. Heilman K. *Matter of Mind: A Neurologist's View of Brain-Behavior Relationships*. Oxford Univ. Press, 2002.
44. Cohen J. *Separate Neural Systems Value Immediate and Delayed Monetary Rewards* / J. Cohen et al. // Science. 2004. Vol. 306.
45. Цит. по: Фромм Э. *Концепция человека у Карла Маркса* / пер. Э. М. Телятниковой // *Душа человека*. М.: Республика, 1992.
46. Macdonald F. *A Truly Captive Audience* // Metro. 2009. Febr. 4. Приводятся слова Феликса Пауза, основателя Videogames Adventure Services. Аналогичные услуги предлагает и компания Spy Games, сайты соответственно www.semagoediv.com и www.spygames.com.
47. Данные опубликованы в: The New York Times. 2007. Oct. 28.
48. Baggini J. *Complaint: From Minor Moans to Principled Protest*. Profile, 2008.

49. К примеру, сайт www.unboxings.com.
50. Боттон А. де. Искусство путешествий / пер. П. Фаворова. М.: Афиша Индастриз, 2006.
51. Wallace D. F. A Supposedly Fun Thing I'll never Do Again. Abacus, 1998.
52. Первым эту тенденцию выявил Эрих Фромм, определивший ее как «рыночную ориентацию»: «Поскольку успех зависит, по большей части, от того, как ты умеешь продать свою личность, то ты воспринимаешь себя как товар, или, вернее, и как продавца, и как товар одновременно. Человек заботится не о своей жизни и счастье, а о том, чтобы стать ходким товаром». См.: Фромм Э. Человек для себя / пер. Л. А. Чернышевой // Душа человека. М.: Республика, 1992.
53. Эти новаторские пути к славе и богатству проложили Уильям Берроуз, Дэмиен Хёрст и Оззи Осборн.
54. Seneca L. Moral Essays. Loeb Classical Library, 1989.
55. Аврелий М. Размышления / пер. А. К. Гавrilова. М.: Наука, 1993. Гл. VII (61).
56. Сенека Л. А. О провидении / пер. Т. Ю. Бородай // Философские трактаты. СПб.: Алетейя, 2001.
57. Сенека Л. А. Письма к Луцилию / пер. С. А. Ошерова. М.: Эксмо, 2010.
58. Сенека Л. А. О скоротечности жизни / пер. Т. Ю. Бородай // Философские трактаты. СПб.: Алетейя, 2001.
59. Аврелий М. Размышления. X (23).
60. Там же. IV (1).
61. Эпиктет. Беседы / пер. Г. А. Тароняна. М.: Ладомир, 1997.
62. Аврелий М. Размышления. VI (6).
63. Матфей 10:36.
64. Там же. 7:29.
65. Там же. 12:11.
66. Там же. 22:21.
67. Фромм Э. Бегство от свободы.
68. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. В. И. Колядко. М.: Республика, 2000.
69. Кьеркегор С. Болезнь к смерти (изложение христианской психологии ради наставления и пробуждения. Написано Анти-Климакусом, издано С. Кьеркегором) / пер. С. А. Исаева // Страх и трепет. М.: Республика, 1993.
- 70–71. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии.
- 72–73. Камю А. Миф о Сизифе / пер. С. И. Великовского. СПб.: Азбука-классика, 2007.
74. Беккет С. Счастливые дни / пер. Л. Г. Беспаловой. СПб.: Азбука: Амфора, 1999.

75. Haidt J. The Happiness Hypothesis. Heinemann, 2006.
76. Epley N., Dunning D. Feeling Holier Than Thou // Journal of Personal and Social Psychology. 2000. Vol. 79.
77. См. к примеру: Layard R. Happiness: Lessons from a New Science. Penguin, 2005.
78. Mischel W. Predicting Adolescent Cognitive and Self-Regulatory Competencies from Preschool Delay of Gratification: Identifying Diagnostic Conditions / W. Mischel et al. // Developmental Psychology. 1990. Vol. 26.
79. Easterlin R. Explaining Happiness // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2003. Vol. 100.
80. Schopenhauer A. The World as Will and Idea. Dent, 2004.
81. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / пер. А. Анисиматенко, И. Знашевой. СПб.: Ювента, 1999.
82. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / пер. Н. Н. Полилова // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2.
83. Трудно поверить в подобную статистику, однако она приводится в двух скрупулезных исследованиях: Tavris C., Aronson E. Mistakes Were Made (but Not by Me): Why We Justify Foolish Beliefs, Bad Decisions and Hurtful Acts. Pinter & Martin, 2008 и Wheen F. How Mumbo-Jumbo Conquered the World. HarperPerennial, 2004.
84. Clancy S. A. Abducted: How People Come to Believe They Were Abducted By Aliens. Harvard Univ. Press, 2005.
85. Menand L. The Devil's Disciples // The New Yorker. 2003. July 28.
86. Толстой Л. Н. Война и мир // Собр. соч.: в 8 т. М.: АСТ, 2006. Т. 3. Ч. 3, гл. 4 (XXV).
87. См., например: Nettle D. Happiness: The Science Behind Your Smile. Oxford Univ. Press, 2005.
88. Шопенгауэр А. Афоризмы и максими / пер. Ф. В. Черниговца. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991.
89. Nettle D. Happiness: The Science Behind Your Smile.
90. Lykken D. T., Tellegen A. Happiness is a Stochastic Phenomenon // Psychological Science. 1996. Vol. 7.
91. Handelman J. B. в: The New Yorker. 1996. Sept. 16.
92. Rose S. Lifelines: Life Beyond The Gene. Vintage, 2005.
93. Blanchflower D., Oswald A. Is Well-being U-shaped over the life cycle? // Social Science & Medicine. 2008. Vol. 66. №8 (Apr.).
94. Layard R. Happiness: Lessons from a New Science. Penguin, 2005.
95. Medvec V., Madey S., Gilovich T. When Less Is More: Counterfactual Thinking and Satisfaction among Olympic Medalists // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69.
96. Schopenhauer A. The World as Will and Idea.
97. Шекспир У. Генрих VIII / пер. В. Н. Томашевского // Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Терра, 1996. Т. 13. Акт IV, сц. 2.

98. Beck A. Cognitive Therapy and the Emotional Disorders. International Univ. Press, 1976.
- 99–100. Эллис А., Драйден У. Практика рационально-эмоциональной поведенческой терапии / пер. Т. Саушкиной. СПб.: Речь, 2002.
101. James O. The Selfish Capitalist: Origins of Affluenza. Vermillion, 2008.
102. Lehrer J. The Decisive Moment: How the Brain Makes Up Its Mind. Canongate Books, 2009.
103. Nettle D. Happiness: The Science Behind Your Smile.
104. Шопенгауэр А. Введение в философию. Мн.: ООО «Попурри», 2000.
105. Damasio A. Looking for Spinoza: Joy, Sorrow and the Feeling Brain. Harcourt, 2004.
106. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. Б. С. Пинскера. М.: ИРИСЭН, 2008.
107. The Times. 2007. Aug. 21.
108. Фрейд З. Недовольство культурой / пер. А. М. Руткевича // Психодиагностика, религия, культура. М.: Ренессанс, 1992.
109. Armstrong J. Conditions of Love: The Philosophy of Intimacy. Penguin, 2002.
110. Ясперс К. Великие философы: Будда, Конфуций, Лао-Цзы, Нагардхуна.
111. Peterson Ch., Seligman M. Character Strengths and Virtues: A Handbook and Classification. Oxford Univ. Press, 2004.
112. Примеры есть у Хайдта: Haidt J. The Happiness Hypothesis.
113. Рильке Р. М. Письма к молодому поэту / пер. Г. И. Раттгауза // Новые стихотворения. М.: Наука, 1977.
114. Rilke R. M. Letters on Life. Modern Library, 2006.
115. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / пер. А. П. Хомика. М.: ACT, 1997.
116. Эпос о Гильгамеше / пер. И. М. Дьяконова. М.: Наука, 2006.
117. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. Гл. 2 (2).
118. Матфей 10:34.
119. Ясперс К. Великие философы: Будда, Конфуций, Лао-Цзы, Нагардхуна.
120. Кафка Ф. Афоризмы / пер. С. К. Апта // Процесс. Замок. Новеллы и притчи. Афоризмы. Письмо отцу. Завещание. М.: ACT, 2005.
121. Кафка Ф. Процесс / пер. Р. Я. Райт-Ковалевой // Там же.
122. Farid Ud-Din Attar. The Conference of the Birds. Penguin, 2005.
123. В пандан к исламской притче XII века можно привести афоризм равви Тарфона (I век н. э.): «Вы не обязаны закончить работу, но и бросить ее вы не вправе». Не напоминает ли это Кафку?

- Экзистенциалист Карл Ясперс: «Цель философского образа жизни не может быть сформулирована как некое состояние, которое было бы достижимо и исполнимо. Наши состояния есть лишь проявления постоянной озабоченности нашей экзистенции или воспрепятствования ей. Наша суть – бытие-в-пути» (Ясперс К. Введение в философию / пер. Т. В. Шитцовой. Мн., 2000).
- Ницше, отец экзистенциализма, выразился более коротко и резко: «Не существует никакого «бытия», скрытого за... становлением» (Ницше Ф. Генеалогия морали / пер. К. А. Свасьяна // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2).
- Сартр был напыщенно теоретичен: «Существование предшествует сущности» (Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / пер. М. Н. Грецкого. Изд-во иностр. лит., 1953).
- Буддийская притча выражалась четко и ясно: «Когда учитель спросили: «Что есть Дзэн?» – он ответил: «Иди своей дорогой».
- Пруст выразил это в своем романе: «Мудрость сама в руки не дается, ее нужно открыть, пройдя путь, который никто другой не может пройти за тебя, не может тебя от него избавить, ибо это взгляд на вещи» (Пруст М. Под сенью девушек в цвету // По направлению к Свану. Под сенью девушек в цвету / пер. Н. М. Любимова. М.: Эксмо, 2010).
124. Кавафис К. П. Стихотворения / пер. С. Б. Ильинской. М.: Худлит, 1984.
 125. Hi-Tech Is Turning Us All into Time-Wasters // Observer. 2008. July 20.
 126. Block J. Issues for DSM-V: Internet Addiction // The American Journal of Psychiatry. 2008. Mar.
 127. Driver wins £20 000 damages for stress of parking tickets // Observer. 2009. Febr. 8.
 128. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии.
 129. Don't Worry, Woody: Anxiety Is in the Genes, Study Finds // Independent. 2008. Aug. 11.
 130. It's Not You, Dear, It's Me: The Genetic Reason Why Some Men are Just Born to Cheat // The Times. 2008. Sept. 2.
 131. Gray J. Straw Dogs: Thoughts on Humans and Other Animals. Granta, 2002.
 132. Damasio A. Descartes Error: Emotion, Reason and the Human Brain. Putnam, 1994.
 133. LeDoux J. The Emotional Brain. Simon and Schuster.

- 134–135. Damasio A. *Descartes Error: Emotion, Reason and the Human Brain*.
136. Ridley M. *Nature Via Nurture: Genes, Experience and What Makes Us Human*. HarperPerennial, 2004.
137. Alas Poor Darwin: Arguments against Evolutionary Psychology / H. Rose, S. Rose (eds.). Vintage, 2001.
138. Rose S. *Lifelines: Life Beyond the Gene*. Vintage, 2005.
139. Полное описание этого исследования см. в: Doidge N. *The Brain That Changes Itself*. Penguin, 2007.
140. Christakis D. A. Early Television Exposure and Subsequent Attentional Problems in Children / D. A. Christakis et al // *Pediatrics*. 2004. Vol. 113.
141. Шекспир У. Гамлет. Акт 3, сц. 4 (подстрочный перевод).
142. British Medical Journal. 2001. June 2.
Guardian. 2001. Dec. 13.
143. Asleep at the Wheel // BBS One documentary. 2004. Oct. 26.
144. Sherif M. *Group Conflict and Co-operation: Their Social Psychology*. Routledge & Kagen Paul, 1966.
145. Делилло Д. Белый шум / пер. В. И. Когана. М.: Эксмо, 2003.
146. Langer E. J., Rodin J. The Effects of Choice and Enhanced Personal Responsibility for the Aged: A Field Experiment in an Institutional Setting // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1976. Vol. 34.
147. Ash S. E. R. Studies of Independence and Conformity: A Minority of one Against an Unanimous Majority // *Scientific American*. 1955. Nov.
148. Neurobiological Correlates of Social Conformity and Independence During Mental Rotation / G. S. Berns et al. // *Biological Psychiatry*. 2005. Aug. 5.
149. Blass T. *Obedience to Authority: Current Perspectives on the Milgram Paradigm*. Lawrence Erlbaum Associates, 1999.
150. Zimbardo Ph. *The Lucifer Effect*. Rider, 2007.
Флобер Г. Письма.
151. Constant, Constant Multi-tasking Craziness: Managing Multiple Working Spheres / G. Mark et al. // *Proceedings of CHI*, 2004.
152. Executive Control of Cognitive Processes in Task Switching / J. Rubinstein et al. // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and performance*. 2001. Aug.
153. Isolation of a Central Bottleneck of Information Processing with Time-resolved FMRI / R. Marois et al. // *Neuron*. 2006. Dec.
154. Sharples J., Westwell M. The Impact of Interruptions from Communications Technologies upon the Ability of an Individual

- to Concentrate upon a Task // Institute for the Future of the Mind, 2007.
157. The Measurement of Regional Cerebral Blood Flow During the Complex Cognitive Task of Meditation: A Preliminary SPECT Study / A. Newberg et al. // *Psychiatry Research: Neuroimaging*. 2001. Vol. 106 и Flanagan O. *The Colour of Happiness* // *New Scientist*. 2003. Vol. 178.
158. Мейстер Экхарт. *Духовные проповеди и рассуждения* / пер. М. В. Сабашникова. М.: Изд-во полит. лит., 1991.
159. Спиноза Б. *Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье* // *Этика*.
160. Ellis A. *The Myth of Self-Esteem*. Prometheus Books, 2005.
161. Exploding the Self-Esteem Myth / R. F. Baumeister et al. // *Scientific American*. 2005. Vol. 292 (Jan.).
162. James O. *Affluenza*. Vermillion, 2007.
163. Praise for Intelligence Can Undermine Children's Motivation and Performance / C. S. Dweck et al. // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 75.
164. Шекспир У. *Как вам это понравится* / пер. П. И. Вейнберга. СПб.: Кристалл, 2002. V. 1.
165. Well-Being: The Foundations of Hedonic Psychology / D. Kahneman et al. Russell Sage, 1999.
166. Bly R. *The Sibling Society*.
167. Out of the Ether, Creating the Persona of Celebrity // *The New York Times* для Observer. 2007. Nov. 4.
168. Рильке Р. М. *Письма к молодому поэту*.
169. Элиот Т. С. *Пепельная среда* / пер. А. Я. Сергеев // *Полые люди*. СПб.: Кристалл, 2000.
170. Arendt H. *The Life of the Mind*. Harvest, 1981.
171. Wright Ch. *Negative Blue: Selected Later Poems*. Harvest, 1981.
172. Laforgue J. *Selected Writings of Jules Laforgue*. Greenwood, 1972.
173. A Little Less Conversation // *Guardian*. 1997. Oct. 11.
174. Jimenez J. R. *The Complete Perfectionist*. Doubleday, 1997.
175. Hard to Eat Oranges Are Losing A-peel // *Metro*. 2008. June 3.
176. To Think or Not to Think, Ponder the Pensive French // *The New York Times* для Observer. 2007. Sept. 29.
177. Bayard P. *How to Talk About Books You Haven't Read*. Granta, 2008.
178. Джаммапада. XV (208).
179. Екклесиаст 7:6.
180. Wheen F. *How Mumbo-Jumbo Conquered the World*.
181–183. Gray J. *Straw Dogs: Thoughts on Humans and Other Animals*.

184. Arendt H. *The Life of the Mind*.
Леви П. Канувшие и спасенные / пер. Е. Б. Дмитриевой. М.: Новое изд., 2010.
186. Шварц Б. Парадокс выбора. Почему «больше» значит «меньше».
187. Newell B. Think, Blink or Sleep on It? The Impact of Modes of Thought on Complete Decision Making // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2011.
188. Chuang Tzu. *The Inner Chapters. Counterpoint*, 1998.
- 189–190. Arendt H. *The Life of the Mind*.
191. Аристотель. Никомахова этика / пер. Н. В. Брагинской // Философы Греции. Основы основ: логика, физика, этика. М.: Эксмо-Пресс, 1997.
192. Storr A. *Solitude*. Flamingo, 1989.
193. Lehrer J. The Eureka Hunt – Why Do Good Ideas Come to Us When They Do? // *The New Yorker*. 2008. July 28.
194. Спиноза Б. Этика.
195. Arendt H. *The Life of the Mind*.
196. Кьеркегор С. Болезнь к смерти.
197. Эпизод приводится в книге: Smith A. *Moondust: In Search of the Men Who Fell to Earth*. Bloomsbury, 2005.
198. Television Addiction Is No Mere Metaphor / R. Kubey et al. // *Scientific American*. 2003. Feb.
199. Nisbett R. E. *The Geography of Thought: How Asians and Westerners Think Differently... and Why*. Free Press, 2003.
- 200–201. Benjamin W., Arendt H., Zohn H. *Illuminations*. Vintage, 1999.
202. Пруст М. Обретенное время / пер. А. Н. Смирновой. М.: Инапресс, 2000.
203. Джойс Дж. Улисс / пер. В. А. Хинкиса, С. С. Хоружего. М.: Республика, 1993.
204. Шекспир У. Генрих IV / пер. Б. Л. Пастернака // Полн. собр. соч.: в 14 т. М. Терра, 1996. Т. 2. Ч. 2.
- 205–206. Цит. по: Crain C. *Twilight of the Books* // *The New Yorker*. 2007. Dec. 24.
207. Lehrer J. Proust Was a Neuroscientist. Houghton Mifflin, 2007.
208. Wolf M. *Proust and the Squid: The Story and Science of the Reading Brain*. Icon, 2008.
209. Does Childhood Viewing lead to Attention Problems in Adolescence? Results from a Longitudinal Study / C. Landhuis et al. // *Pediatrics*. 2007. Vol. 120. Sept. 3.
210. The Relationship between Television Viewing in Midlife and the Development of Alzheimer's Disease in a Case-control Study /

- H. A. Lindstrom et al. // *Brain and Cognition*. 2005. Vol. 58. July 2.
- Флобер Г. Письма.
- Подробнее см. в книге: Ehrenreich B. *Dancing in the Street: A History of Collective Joy*. Granta, 2007.
- Из реки речений: суфийские афоризмы и истории / пер. Л. М. Тираспольского. М.: Присцельс, 1999.
- Руми Дж. Стихи / пер. В. В. Державина // *Ирано-таджикская поэзия*. М.: Худлит, 1974.
- Спиноза Б. Этика.
- Greenfield S. ID: The Quest for Meaning in the 21th Century. Hodder & Stoughton, 2008.
- 217–218. Taylor J. B. *My Stroke of Insight*. Hodder & Stoughton, 2008.
219. К примеру, The Measurement of Regional Cerebral Blood Flow During the Complex Cognitive Task of Meditation: A Preliminary SPECT Study / A. Newberg et al. или Flanagan O. *The Colour of Happiness*.
220. Csikszentmihalyi M. *Flow: The Classic Work on How to Achieve Happiness*. Rider, 2002.
221. Фромм Э., Судзуки Д., Мартино Р. Дзэн-буддизм и психоанализ // пер. А. М. Руткевича. М.: Весь Мир, 1997.
- 222–223. Ницше Ф. Так говорил Заратустра.
224. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. Е. Герцык и др. М.: Культурная Революция, 2005.
225. Ницше Ф. Так говорил Заратустра.
226. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла.
227. Фромм Э., Судзуки Д., Мартино Р. Дзэн-буддизм и психоанализ.
228. Ницше Ф. *Ecce Homo. Как становятся сами собою*.
- 229–230. Шекспир У. Сон в летнюю ночь / пер. М. Л. Лозинского. СПб.: Азбука, 2000. Действие IV, явл. 3.
231. Фромм Э. Бегство от свободы.
232. As Office Attitudes Shift, Love Blossoms in Cubicles // *The New York Times* для *Observer*. 2007. Nov. 25.
- 233–234. Бейкер Н. Бельэтаж / пер. У. В. Сапциной. М.: Эксмо, 2006.
- 235–236. Феррис Дж. И не осталось никого / пер. Г. А. Крылова. М.: Эксмо, 2009.
237. Gostick A., Christopher S. *The Levity Effect: Why It Pays to Lighten Up*. John Wiley, 2008.
238. Fish! A Remarkable Way to Boost Morale and Improve Results / S. C. Lundin et al. Hodder & Stoughton, 2001.
239. Сенека Л. А. О гневе / пер. Т. Ю. Бородай // *Философские трактаты*. СПб.: Алетейя, 2001.

240. Herzberg F. *The Motivation to Work*. John Wiley, 1959.
241. Deci E. L., Ryan R. M. *Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behaviour*. Plenum Press, 1985.
242. A Meta-Analytic Review of Experiments Examining the Effects of Extrinsic Rewards on Intrinsic Motivation / E. Deci et al. // *Psychological Bulletin*. 1999. Vol. 125.
243. Матфей 6:28.
244. Солженицын А. И. *Один день Ивана Денисовича*. М.: Эксмо, 2010.
245. Meeus W., Raaijmaker Q. A. *Obedience in the Modern Society: The Utrecht Studies* // *Journal of Social Issues*. 1995. Vol. 51.
246. Фромм Э. *Бегство от свободы*.
247. Arendt H. *On Revolution*. Faber & Faber, 1964.
248. The Association between Romantic Love and Marriage / J. Simpson et al. // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1986. Vol. 12.
249. Фромм Э. *Искусство любить* / пер. Л. А. Чернышевой. М.: Педагогика, 1990.
- 250–251. Стендалль А. *О любви* / пер. М. Е. Левберг, П. К. Губера. М.: ACT, 2009.
252. Fisher H. *Why We Love: The Nature and Chemistry of Romantic Love*. Holt, 2004.
253. Alteration of the Platelet Serotonin Transporter in Romantic Love / D. Marazziti et al. // *Psychological Medicine*. 1999. Vol. 29.
254. Лампедуза Дж. Т. ди. *Леопард* / пер. Г. С. Брейтбурда. М.: Иностр. лит., 1961.
255. Толстой Л. Н. *Семейное счастье*. М.: Олма Медиа Групп, 2010.
256. Offer A. *The Challenge of Affluence: Self-Control and Well-being in the United States and Britain Since 1950*. Oxford Univ. Press, 2006.
257. Рильке Р. М. *Письма к молодому поэту*.
258. Фромм Э. *Искусство любить*.
259. Цит. по: Глейк Дж. *Хаос: создание новой науки* / пер. М. С. Нахмансона. М.: Амфора, 2001.
260. Мильтон Дж. *Потерянный рай* / пер. А. А. Штейнберга. Эксмо, 2009.
261. Dozier R. W. *Why We Hate: Understanding, Curbing and Eliminating Hate in Ourselves and Our World*. Contemporary Books, 2002.
262. Русское издание: Комфорт А. *Радость секса. Книга о премудростях любви*. М.: Новости, 1991.
263. Comfort A. & Quilliam S. *The New Joy of Sex*. Mitchell Beazley, 2008.

264. Diversification Bias: Explaining the Discrepancy in Variety Seeking between Combined and Separated Choices / Whipple et al. // *Journal of Experimental Psychology*. 1995. Vol. 1.
265. Macdonald F. *A Truly Captive Audience*.
266. Levy D. *Love and Sex with Robots: The Evolution of Human-Robot Relationships*. Duckworth, 2008.
267. Diversification Bias: Explaining the Discrepancy in Variety Seeking between Combined and Separated Choices / D. Read et al. // *Journal of Experimental Psychology*. 1995. Vol. 1.
268. Рильке Р. М. *Письма к молодому поэту*.
269. Blanchflower D., Oswald A. Is Well-being U-shaped over the Life Cycle?
270. The Body May Age, But Romance Stays Fresh // *The New York Times* для Observer. 2007. Nov. 25.
271. Draaisma D. Why Life Speeds Up As You Get Older: How Memory Shapes Our Past. Cambridge Univ. Press, 2004.
272. A Rise in Midlife Suicides Confounds Researchers // *The New York Times* для Observer. 2008. Mar. 2.
273. Carstensen L., Michels J. A. At the Intersection of Emotion and Cognition // *Psychological Science*. 2005. Vol. 14.
274. Friedman H. S. Psychosocial and Behavioural Predictors of Longevity // *American Psychologist*. 1995. Febr.
275. Vaillant G. *Aging Well: Surprising Guideposts to a Happier Life from the Landmark Harvard Study of Adult Development*. Little, Brown & Co, 2002.
276. Functional neurogenesis in the adult hippocampus / H. van Praag et al. // *Nature*. 2002. Vol. 415.
277. Шекспир У. *Два знатных родича*. Акт 5, сц. 4 (подстрочный перевод).
278. Рильке Р. М. *Письма к молодому поэту*.
279. Cioran E. *The Trouble with Being Born*. Quartet Books, 1993.
280. Sigmund F. *The Complete Psychological Works*. Hogarth Press, 1970. См. также: Фрейд З. *Преходящее* // Архетип. 1995. №2.
281. Гомер. *Одиссея* / пер. В. А. Жуковского. М.: АСТ, 2010.
282. Цит. по: Ясперс К. *Великие философы: Будда, Конфуций, Лао-Цзы, Нагарджуна*.
283. Аврелий М. *Размышления*.
284. Цит. по: Updike J. *Due Considerations*. Hamish Hamilton, 2007.
- 285–288. Цит. по: Richardson J. *Late Picasso*. Tate Gallery, 1988.
289. Balliett W. *Collected Works: A Journal of Jazz*. St. Martin's Press, 2000.

290. Шекспир У. Зимняя сказка / пер. П. П. Гнедича // Собр. избр. произв. СПб.: КЭМ, 1993. Т. 5.
291. Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича // Собр. соч.: в 8 т. Т. 7.
292. Йейтс У. Б. Башня / пер. Я. Пробштейна // Флейта Евтерпы. 2006. №4.
293. Йейтс У. Б. Ляпис-лазурь / пер. Г. М. Кружкова // Избр. М.: Радуга, 2001.
294. LaFarge J. A Talk About Hokusai. W. C. Martin, 1896.
295. Fu T., Hinton D. The Selected Poems of Tu Fu. Anvil Press, 1990.
296. Hills S. It's Time for Snap, Crackle and Spock // Metro. 2008. February.
297. Godfrey A. Enterprise Reprised // Guardian. 2009. May 2.
298. Weisbers J. The Deluxe Election-Edition Bushisms. Simon & Schuster, 2004.
299. Wheen F. How Mumbo-Jumbo Conquered the World.
- 300–303. Smith A. Moondust: In Search of the Men Who Fell to Earth.

Фоли Майкл

ВЕК АБСУРДА

Почему в современной жизни
трудно быть счастливым

Перевод *Л. Сумм*

Ответственный редактор *И. Трушина*

Редактор *К. Чистопольская*

Корректор *Н. Рычкова*

Компьютерная верстка *О. Ким*

Дизайн обложки и иллюстрации *Р. Гусейнов*

Подписано в печать 28.04.2011. Формат 60x90/16.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. п. л. 17. Тираж 3000 экз.

ООО «Юнайтед Пресс»

127018, г. Москва, ул. Полковая, д. 3, стр. 1

Тел. (495) 232-1799

www.alpina.ru, alpina@imedia.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь

Тел. (495) 663-7317

www.pareto-print.ru, sales@pareto-print.ru

Заказ № 5929